

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

С глубоким
уважением и любовью
дарю Вам (Моей Титулярке)
я эту книгу
Ульян Харпеев 641.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ.Արեղյանի անվան Հրականություն ինստիտուտ

ՎԱԼԵՐԻ ԲԻՅՈՒՍՈՎ

Հայաստանի
ԵՎ ՀԱՅ

ԿՈՒԼՏՈՒՐԱՅԻ ՄԱՍԻՆ

Բանաստեղծություններ
Հոգևորականության
և հայկականության

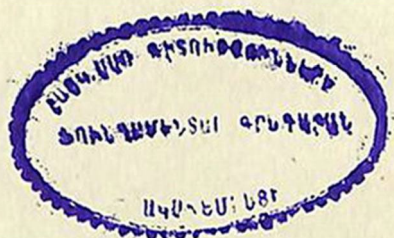
Հայկական ՍՍՌ
ԳԱ Հրատարակչություն
Երևան
1963

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
Институт литературы им. М. Абовяна

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Вет-Армении
И АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

С т и х и
с т а т о и
п и с ь м а

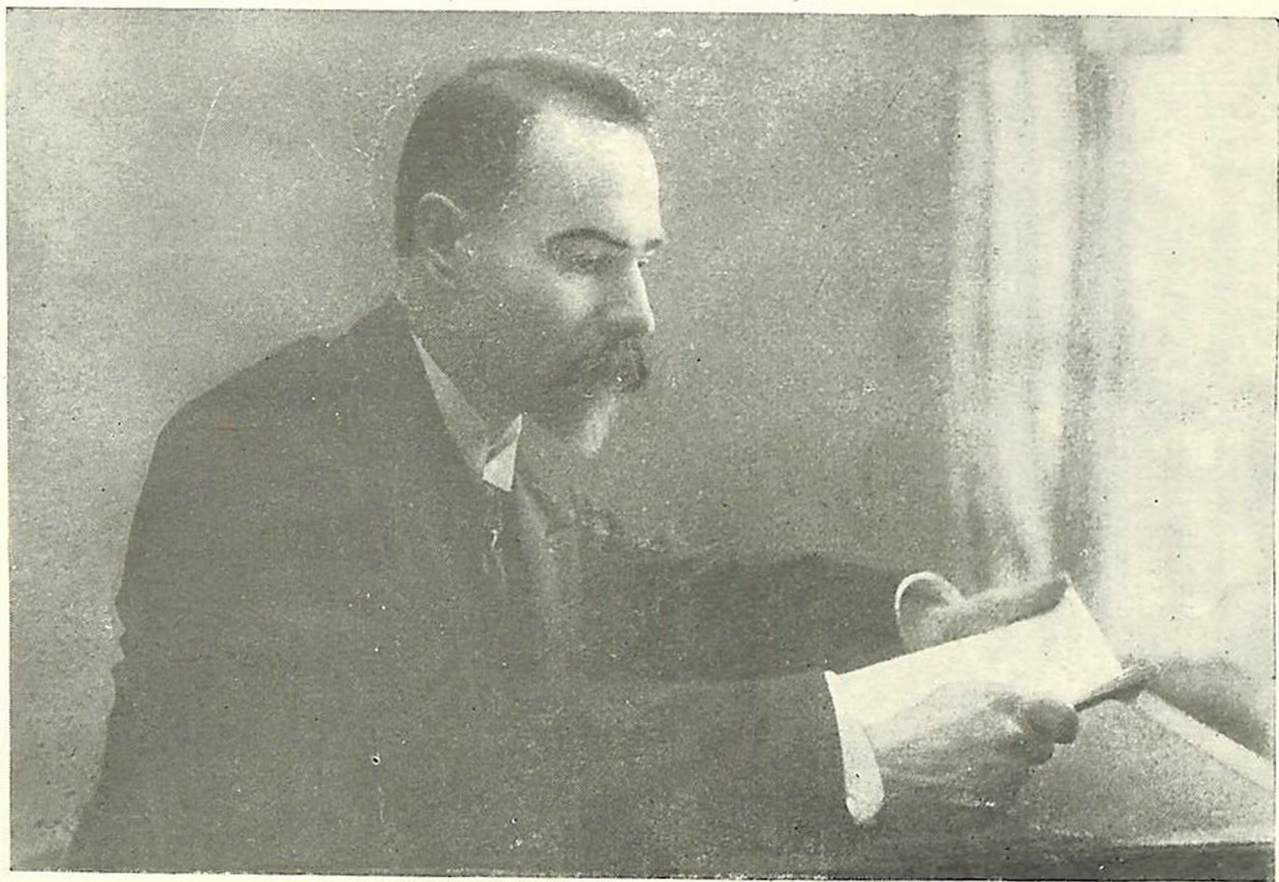

Издательство АН
Армянской ССР
Ереван
1963

Ввг
747

Подготовка текста и комментарии
И. САФРАЗБЕКЯН

Ответ. редактор
К. ЛЙВАЗЯН

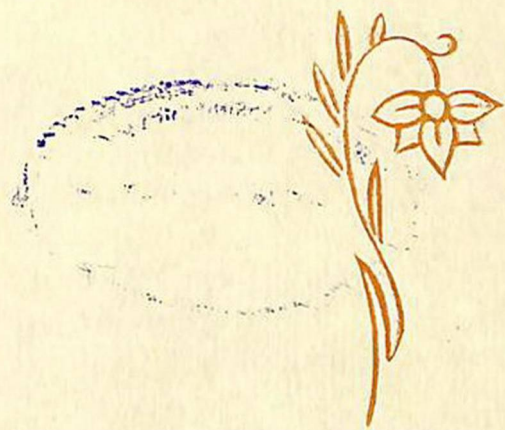

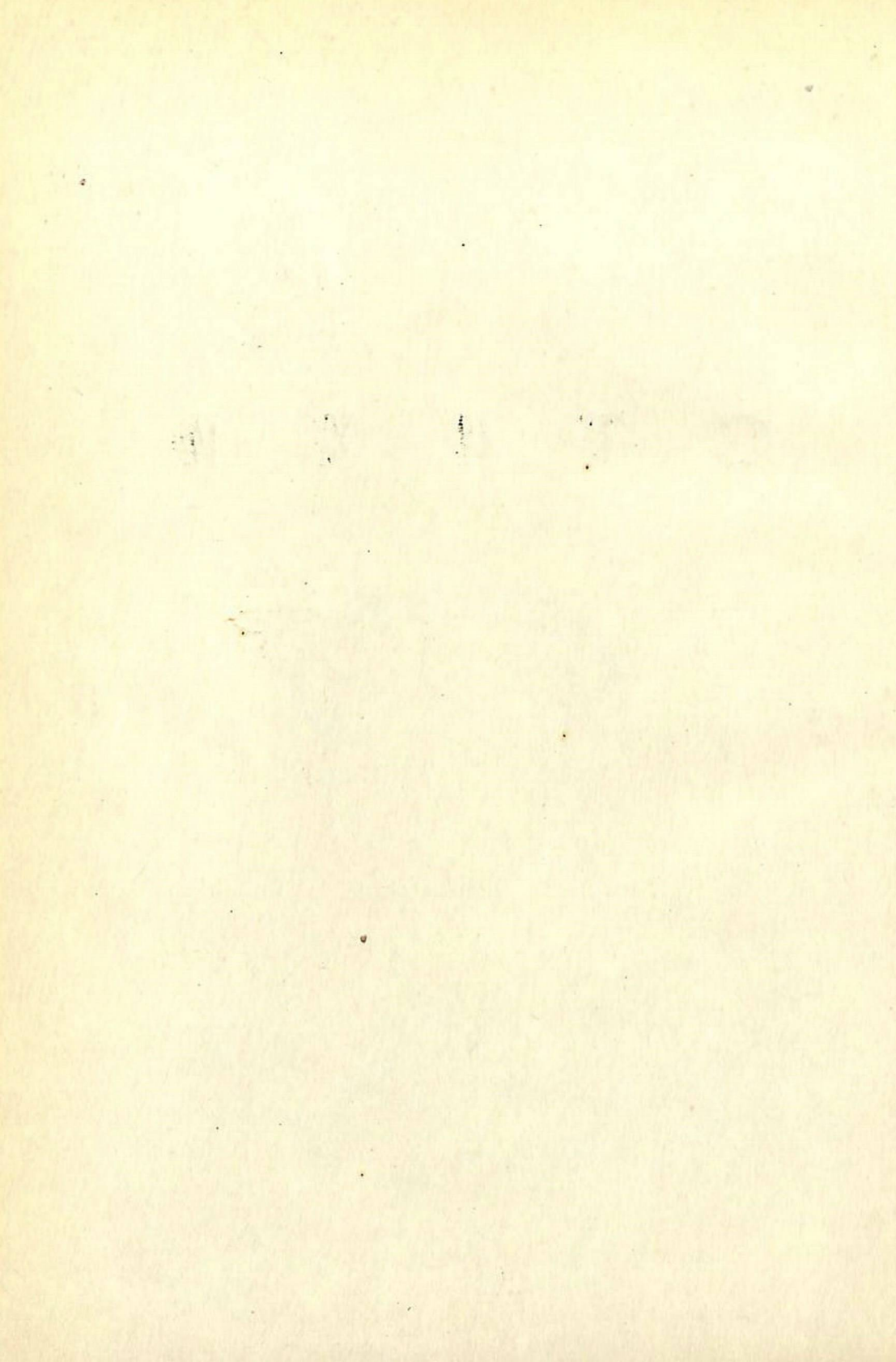
В. Я. Брюсов.

С Т И Х И

К АРМЕНИИ

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил,—
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел:
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины,—
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: «Живи!»

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,

Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы,—
Песнь, цепь ломающих, рабов.

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взвывает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

9 декабря 1915
Москва. Тифлис.

К АРМЯНАМ

Да, вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волнения мира,
Летя, касались вас крылом,—
И гром глухой походов Кира
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятении стана,
При Каррах римские значки:
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны:
При Чингиз-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но, воин стойкий, под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе;
Два мира вокруг него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы хранил:

И краски нежных роз Ширази,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушениях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа,—

И ключ божественной улады,
Нетленный в переменах лет:
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет.

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали — обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо,
В былом — награда и урок.
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем.
Так! Прошлого тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,

Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев;

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем соединит!

23 января 1916

Тифлис.

К АРАРАТУ

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней безцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат,
В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободный, голубой простор.
Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.
Внизу, на поле каменистом,
Овец ведет пастух седой,
И длинный посох, в свете мглыстом,
Похож на скипетр вековой.
Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом — суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег.
А против Арарата, слева,
В снегах, алая, Алагяз,
Короной венчанная дева
Со старика не сводит глаз.

АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Покрыв застывшие сады.

С утеса стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдет внизу верблюды,
Когда домчится гул с базара,
Когда с мурлыканьем купец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать — лишь младший брат
Дерзает — Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к Югу,
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь.
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней — Творец
Твоим сединам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет, — знаешь ты один.

9 декабря 1916
Эривань.

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий,—
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племен.
И знамя брани над Евфратом
Вознес, в союзе с Митридатом,
Но не в безумии, как он.

Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.

И грозен был твой зов военный,
Как гром, спадавший на врагов.
Дрожал, заслыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.

Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чару чтить:
В стихах Гомера знал улады,
И образ Мудрости — Паллады
С Нанэ хотел отождествить!

Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек — к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!

И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ, в веках,
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годинам
Чрез войны, чрез тоску и страх...

Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор,
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода,—
Как кубок яда, пил позор.

Тигран! Мы чтим твой вознесенный
И лаврами венчанный лик!
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный
Во имя родины,— велик!

11 декабря 1916

ПОБЕДА ПРИ КАРРАХ

53 г. до Р. X.

Забыть ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены,
С другой, не праздничной арены,
И дрогнул радостью театр!

Актер, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы.
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.

Не куклу с обликом Пенеея,—
Но вражий череп взнес Ясон!
Не лживой страстью лицедея,
Но, правым гневом пламенея,
Предстал пред зрителями он.

Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:
«Мы, деловский храня обычай,
Несем из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!».

Катясь, упала на подмости,
Надменный Красс, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жесткий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.

Все понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском стане...
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.

В пыланье алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата
Царя, унизившего Рим!

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Разноодежная, разноплеменная,
Двигается мерно толпа у вокзала:
Словно воскресла бывшая вселенная,
Древняя Азия встала.

Грязные куртки и взоры воителей,
Поступь царя и башлык полурванный...
Реют воочию души властителей:
Смбаты, Аршаки, Тиграны...

1916

Елисаветполь.

ИВАНУ ФАДЕЕВИЧУ ТУМАНЯНУ

... поэту
блестательнейшей звезде
светлого трехзвездия армянской поэзии.

... Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках!
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звезды, малые и крупные,
Вокруг тебя пронзают тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянию твоему!...

25 февраля 1916
Москва.

И. ИОАННИСЯНУ

(В альбом)

К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасный свет.
Кто удручен, кто тайно плачет,—
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!

МОЛЕНИЕ ЦАРЯ
(Историческая сцена)

Лица сцены:

Артавазд II — царь Армении
(56—33 г. до Р. Х.).

Еврей — пленник

Спарамет — военачальник ар-
мянского войска.

Приближенные царя, стража. Действие в царском
шатре, у границ Иудеи.

Царь. Теперь ввести ко мне того еврея.

Спарамет. Он здесь.

Царь. Так пусть войдет.

Еврей. (входит) Привет царю.

Царь. Мне говорили: ты гадать умеешь
И будущее верно предрекать.
Я приказал тебе прочесть по звездам,
Что моему народу Рок судил.
Готовы ли твои предвозвещанья?

Еврей. Царь! Я не обучен ни ворожбе,
Ни знанью сокровенному халдеев.
Лишь то глашу, что Бог живой в уста
Влагает мне: Его я воли вестник.

- Царь. Тебе твой Бог поведал ли судьбу
Моей Армении?
- Еврей. Я видел, царь
Грядущего видения, но смутно.
- Царь. Так говори.
- Еврей. Все ли открывать, Царь?
- Царь. Все, без утайки.
- Спарамет. Повинуйся тотчас!
- Еврей. Царь! Возвеличен ты! Как твой отец,
Свои полки ты вел победоносно
По многим странам: города, народы
Мечом смирял, и сам великий Рим
Твоей могучей длани силу ведал.
Царь! славься!
- Царь. Дальше.
- Еврей. Я тобой отпущен.
По слову твоему, молился Богу,
И был мне глас в ночи: «Встань и смотри!»
И я увидел, словно в буре некой,
Века, царей и битвы: все неслось,
Крутилось в вихре; восставали царства,
И падали. Лишь западный Дракон
Все возрастал в своей безмерной силе.
И, простираясь, землю наполнял.
И вот уже не оставалось места
Где б не было его: Восток и Запад,
И Юг и Север, все заполнил он,
Пожрал народы и вобрал все царства
В свою утробу, и возвысил вдруг
Две головы венчанные над миром.
И пало все кругом пред ними ниц.

Царь. А мой народ?

Еврей. На севере, в горах
Твоя корона золотом сверкала.
Порой Дракон, свирепствуя, тянул
К ней лапу, и она во мглах тускнела...

Спаранет. Царь, разрешишь ли?

Царь. Пусть договорит.

Еврей. ...Но снова разгоралась блеском.

Царь. Дальше!

Еврей. И вновь в ночи был глас ко мне:
«Смотри!»
И я увидел капища богов:
То были стены храмов Мицраима,
Божеств халдейских и божеств Эллады.
И вдруг они померкли. Страшный гром
Ударил с неба. Рухнули кумиры
С подножий, чтобы не встать. И Бог
Единый,
Народа избранного Бог живой,
Простер над миром пламенную длань.
И все ему в испуге поклонились.

Царь. А мой народ?

Еврей. И твой народ познал
Творца земли и истинного Бога,
И ложных идолов во прах поверг
И Господу с усердием молился.

Спаранет. Царь, повелишь, и этого еврея,
Немедля, воины твои распнут
За богохульство?

Царь. Пусть договорит.

Еврей. И видел снова я и вихрь и бурю
Веков мятущихся. И тот Дракон,
Две головы имевший, вдруг распался.
И стало два; налево и направо.
И правый был неистов и хитер,
И продолжал владенья пожирать.
Но вышел зверь другой ему навстречу.
Лев, с солнцем за спиной. И оный Лев
И тот Дракон вступили в бой жестокий,
Терзая и грызя один другого,
И все, что было вокруг, в бою своем,
Зубами и когтями сокрушая.

Царь. А мой народ?

Еврей. Он также был тогда
Разодран в этой схватке на две части.
Одну из них схватил себе Дракон,
Другую Лев. И, стоя над добычей,
Они рычали, скаля зубы...

Спарамет. Царь!
Нам нестерпимо эти речи слушать!

Царь. Я все хочу узнать. (Еврею) Что
было дальше?

Еврей. И шли года, и видел я — лежит
Твоя страна, как некий труп в пустыне.
Не мертвая, однако, но живая,
Затем, что взор ее порой блистал,
И грозный голос иногда ее
Был слышен. Но явился третий зверь,
Подобный Парду. Из пустынь внезапно
Он ринулся, и Льва он повалил,
И тяжкие нанес Дракону раны.
И вновь я видел много страшных битв,

Неведомых народов наступленья,
И слышал гулы новых языков.
И вот страна твоя, о Царь, очнулась,
И как бы ото сна, и ожила опять,
И язвы ребр ее вдруг исцелились.
И я увидел в глубине веков,
Как сквозь туман мы видим в отдаленье,
Что также две возносит твой народ
Главы, и обе в золотых коронах,
И два царя венцы приемлют эти:
Один — в горах, другой — на берегу
Морском. Близ них сверкают грады златом,
И к ним плывут с богатством корабли,
И славят их певцы на звонких гуслях,
И им вещают правду мудрецы,
И весь народ довольством общим счастлив.

Царь. Благодарю, Еврей! Получишь ты
За предсказанье тысячу статеров
С моим изображеньем,— золотых.

Еврей. Царь! Я не все сказал. Вновь некий голос
Мне повелел: «Смотри!» И видел я
Престол Всевышнего. Там херувимы,
Из огненных каминов фимиам
Струя пред троном, горестно рыдали
И лики закрывали, вопия:
«Помилуй!» Но Творец был непреклонен.
И длань сурово на Восток простер.
И там тогда, в пустынях каменистых,
В ущельях гор, всклубился новый вихрь,
И полчища незнанных чудовищ
Вдруг ринулись на мир. И был ужасный
Рев, стон и плач и скрежеты зубов,
И грады рушились в пожаре лютном,

И трупы запружали воду рек,
И обращались в пустоту поля.
И не было, кто мог бы устоять
Пред той грозой. Все стало степь и мгла.
И вновь твой край я видел, распростерт
Как труп, на перекрестке трех дорог.

Царь. Ты хочешь искушать мое терпенье
Еврей?

Спарамет. Царь! не довольно ль этих басен?

Царь. Договори, но лишь короче!

Еврей. Царь!
Немногое осталось говорить.
Я видел, как клубилась тьма густая
Там, где когда-то твой стоял престол.
И шли века, и не было просвета.
Лишь изредка сквозь мглу проникнуть мог
Тяжелый стон иль безнадежный крик.
Потом на Севере чуть просветлело,
И всматривался, вслушивался я,
Но трудно было различить виденья.
И вдруг опять ужасный гром потряс
И твердь и землю; снова заблистали
И молнии, и зарево пожаров;
Опять народы, всех концов земли,
Где Запад, где Восток, где Юг, где Север
Сошлись в безмерной сечи боевой;
И вокруг главы священной Арарата
Кровь потекла и зазвенела медь...
И смерть восстала в яростном обличье,
Главой касаясь тверди, и гласила,
Что день — ес! И содрагался мир
В невиданном дотоль землетрясенье.

Провалы разверзались, поглощая
Людей, народы, царства и царей!

Царь. А мой народ?

Еврей. Я ничего не видел.

Царь. Что мой народ?

Еврей. Царь, не страшился я
Тебе всю правду говорить открыто.
Не побоялся б до конца сказать,
Но вдруг виденья прекратились.

Царь. Лжешь!

Еврей. Глашатай Бога лгать не может, Царь.
Последнее, что мог я видеть, было
Внезапное во мраке озаренье,
Свет просиял, и был мне внятен глас:
«Лежащие в гробах да выйдут к солнцу!»
И тут же пал я, ужасом объят.

Царь. Но дальше!

Еврей. Дальше ничего увидеть
Не мог я, Царь! Довольно. Отпусти
Меня. Я все сказал, что мне позволил
Глаголящий через мои уста.

Спарамет. Царь, погляди, он весь расслаб от бреда.
За эти росказни ему сто палок
Довольно дать.

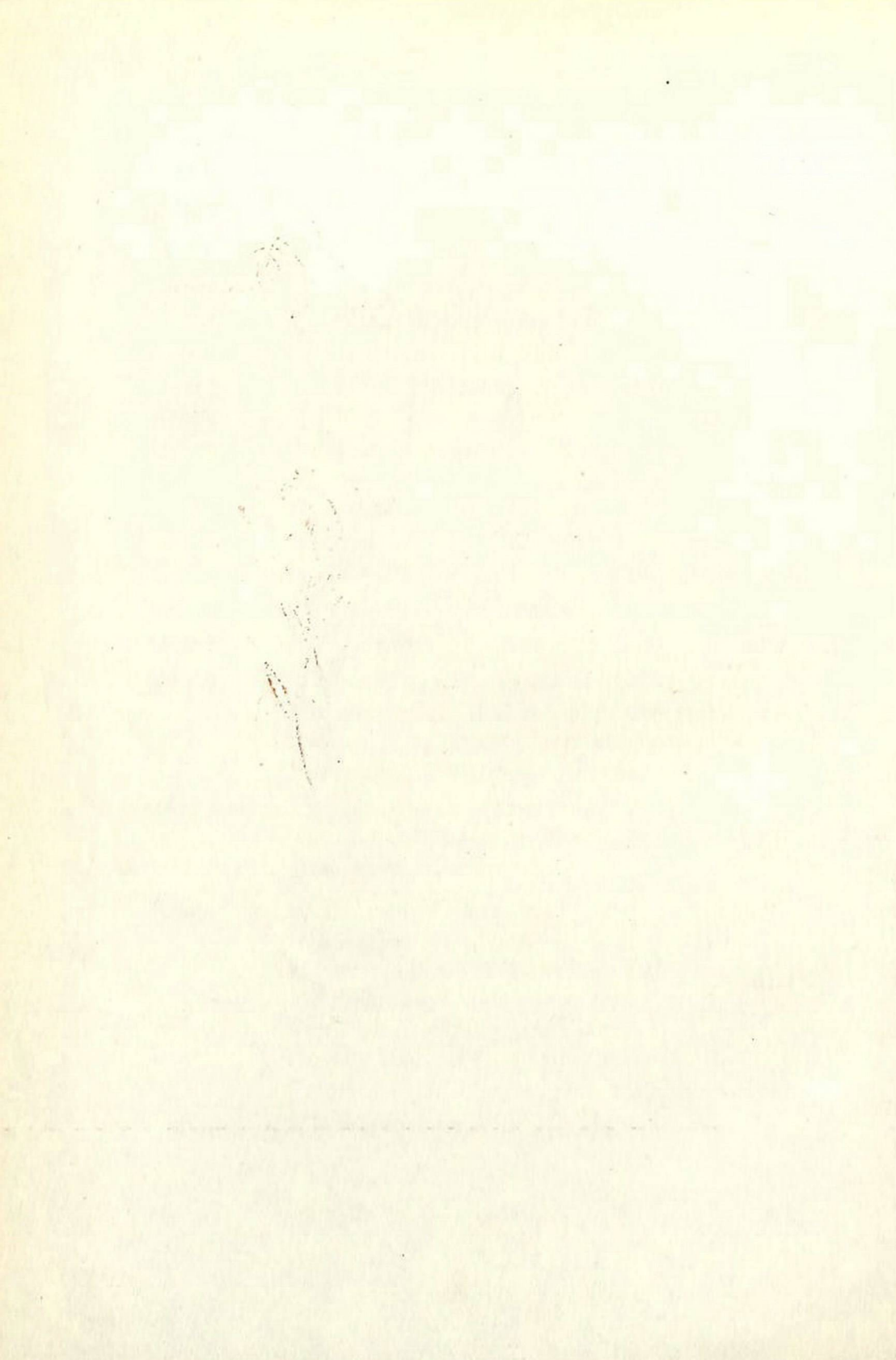
Царь. Нет, тысячу статеров
Я обещал. Что Царь сказал, то свято.
Иди, Еврей, но больше никогда
Мне на глаза не попадайся! Горе,
Кто моему народу предречет
Судьбу такую! О, родной народ!
Молю богов,— да будешь ты счастливей!

Еврея уводят. Царь остается в задумчивости.

С Т А Т Ъ И

Факсимиле обложки сборника «Поэзия Армении».

ПРЕДИСЛОВИЕ И ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК К СБОРНИКУ «ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ»

От редактора к читателям

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что армянская поэзия, особенно поэзия прошлых веков, составляет для большинства русских читателей то самое, что на старинных географических картах означалось белым местом с лаконической надписью: *terra incognita* — область неведомая. Тем смелее я могу высказывать такое предположение, что еще очень недавно и сам я был в положении таких читателей: и для меня поэзия Армении была чем-то неизвестным, с чем я был знаком лишь по смутным и неопределенным слухам. Мне случалось читать произведения некоторых новоармянских писателей (в переводе Ю. Веселовского и др.); мне приходилось, среди моих исторических занятий, знакомиться с эпизодами из истории Армении, показавшими мне, какого высокого культурного уровня достиг армянский народ уже в древности и в начале средних веков; наконец, по статье Я. Полонского и по его подражаниям стихам Саят-Новы, я мог составить некоторое понятие о высокой художественности поэзии лучших ашугов (народных певцов Армении). Но все эти сведения были разрознены и далеко не давали представления об истинном богатстве армянской литературы. Впрочем, и нельзя было ставить мне и другим русским читателям такую неосведомлен-

ность в вину, так как на русском языке почти неоткуда было почерпнуть более основательные сведения по истории Армении и не существовало сочинений, которые могли бы познакомить с художественными сокровищами прошлого армянской литературы.

Вот почему, когда в июле 1915 года ко мне обратились представители Московского армянского комитета с просьбой принять на себя редактирование сборника, посвященного армянской поэзии в русском переводе, я сначала ответил решительным отказом. С одной стороны, мне представлялось невозможным редактировать книгу, относящуюся к той области знания, которая мне была едва знакома; с другой (сознаюсь в этом откровенно) — я не предвидел, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное, что-либо ценное мне самому. Только после долгих настояний отдельных представителей комитета, — которым за это я обязан глубокой благодарностью, — согласился я сделать опыт, пробу: присмотреться к работе ближе и, лишь вникнув в нее, дать окончательный ответ. Между прочим, непременным условием своего согласия я поставил одно: чтобы мне дана была возможность ознакомиться с армянским языком и изучить, хотя бы в общих чертах, как историю армянского народа, так и историю его литературы. После этого один из представителей комитета, любезно приняв на себя обязанности быть моим учителем, моим профессором, начал давать мне уроки языка и читать мне курс лекций по истории армянской литературы...

С того времени прошло немногим больше полугода, — срок, конечно, крайне недостаточный, чтобы получить сколько-нибудь основательные сведения об истории народа, обнимающей два с половиной тысячелетия, и об истории литературы, начало которой восходит, по меньшей мере, к V столетию нашей эры. Но с твердым

сознанием своей правоты, я могу сказать, что время не было мною потеряно даром. Мною была прочитана целая библиотека книг на разных доступных мне языках (русском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском), и я успел ознакомиться как, до некоторой степени, с армянским языком, так с тем из армянской литературы, что мог найти в переводе. Это теоретическое изучение закончил я поездкой по областям русской Армении, по Кавказу и Закавказью,— поездкой, во время которой мог лично познакомиться со многими представителями современной армянской интеллигенции, с ее выдающимися поэтами, учеными, журналистами, общественными деятелями. Мне удалось также, хотя и бегло, видеть современную армянскую жизнь, посетить развалины некоторых древних центров армянской жизни и побывать в Эчмиадзине, этом священном для всех армян месте, где, по справедливому выражению, «бьется сердце Армении». Мое маленькое путешествие как бы увенчало первый период моих работ по Армении, позволив мне подтвердить живыми впечатлениями кабинетные соображения и проверить по критике или по одобрению авторитетных лиц те выводы, к которым я пришел, работая самостоятельно...

Все это я сообщаю отнюдь не для того, чтобы похвалиться достигнутыми мною результатами или своим трудолюбием: напротив, я хорошо знаю, что сделанного мною еще слишком недостаточно, чтобы иметь право выставить себя человеком, осведомленным в вопросах арменоведения, что, напротив, откровенно указывая даты моего первого знакомства с историей и литературой Армении, я скорее подрываю доверие к своим утверждениям. Но, перечисляя свои работы, я хочу подчеркнуть тот живой и глубокий интерес, какой возбудило во мне изучение Армении. Конечно, никакие обязательства пе-

ред издателем (а в данном случае, никаких формальных обязательств с моей стороны не было вовсе), никакие внешние соображения не могли бы заставить меня, или кого другого, совершить весь этот труд, прочесть все эти книги, столько учиться и так углубиться в дело! Побудить к этому могло лишь одно: то, что в изучении Армении я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей, что, как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества. И работа, начатая мною неохотно, принятая мною как одна из очередных литературных задач, какие мы, писатели по профессии, должны бываем иногда выполнять, постепенно превратилась для меня в заветное, страстно любимое дело, которое заняло все мои помыслы, которому я уже мог отдаться и не мог не отдаться всей душой.

Чем глубже я вникал в изучение Армении, чем яснее вырисовывались предо мной очертание ее исторических судеб и образы ее великих людей, прежде всего художников (ибо на литературе, в частности на поэзии, были преимущественно сосредоточены мои работы), тем все настойчивее вставал предо мной укор в том, что раньше я мог так равнодушно проходить мимо этого мира. Уже давно судьбы древней Армении связаны с судьбой великой России; уже целое столетие значительная часть армянского народа живет в пределах Российской империи; армяне — наши сограждане, а еще не освобожденные от мусульманского ига армянские области именно от русских ждут своего освобождения. И, тем не менее,

мы — громадное большинство из нас — ничего, или почти ничего, не знаем об армянах и Армении. Нужны мировые катастрофы, нужны беспримерные ужасы турецкой резни или дикого преследования целой нации (что имело место, например, в начале нынешней Великой войны), чтобы мы вновь обратили внимание на бедствие «многострадального народа». Мы, русские, как и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества.

Дальше, во вступительном очерке, я сделал попытку вкратце охарактеризовать различные этапы в развитии армянской поэзии и отметить высшие достижения отдельных армянских поэтов прошлого и современности. Здесь довольно будет сказать, что, изучая поэзию Армении, я много раз останавливался прежде всего в изумлении перед исключительным совершенством ее отдельных созданий. Народная армянская поэзия принадлежит к числу наиболее замечательных среди всех, какие мне известны: немногие народы могут гордиться, что их народные песни достигают такого же художественного уровня, так изысканно пленительны, так оригинально самобытны при всей их непосредственной простоте и безыскусственной откровенности. Религиозная поэзия армянской церкви сохранила много созданий истинных поэтов — гимны, которые дышат тем же одушевлением, как лучшие образцы греческих и римских гимнотворцев, но утончен-

ностью своих художественных приемов приближаются уже к стихам нового времени, вплоть до вдохновений Верлена. Средневековая армянская лирика есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира. Поэзия совершенно своеобразная, новая для нас по своим формам, глубокая по содержанию, блистательная по мастерству техники,— армянская поэзия средних веков в своих лучших образцах может и должна будет еще многому научить современных поэтов; к ней еще предстоит обратиться за уроками и за художественными откровениями. Истинно прекрасное создали и лучшие из ашугов, среди которых первое место занимает Саят-Нова, поэт XVIII в., величественный, многообразный, по-тютчевски чуткий и, как Мюссе, страстный: один из тех «первоклассных» поэтов, которые силой своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества. Наконец, в новоармянской поэзии есть ряд имен и ряд созданий, которые по праву могут стоять рядом с чтимыми именами и прославленными созданиями западных литератур.

Давая этот восторженный отзыв, я, конечно, имею в виду лучших представителей армянской поэзии, наиболее удачные ее создания, ибо в любой литературе вокруг выдающихся талантов неизбежно группируются писатели рядовые и даже лица, обделенные дарованием. Но и ряда тех поэтов, которых армянская литература имеет право выдвинуть в своей истории на первые места, совершенно достаточно, чтобы обеспечить ей внимание на все века, пока люди будут ценить достижения искусства. Каждый век последнего тысячелетия, без исключения, имеет в армянской поэзии своих достойных представителей: один — больше, другой — меньше, в зависимости от общей эволюции литературы. Григорий

Нарекский (X в.), Нерсес Благодатный (XII в.), Фрик (XIII—XIV в.), Константин Ерзынкайский (XIII—XIV в.), Мкртич Нагаш (XV в.), Ованнес Ерзынкайский (XIV—XV в.), Григорий Ахтамарский (XVI в.), Наапет Кучак (XVI в.), Нагаш Ионатан (XVII в.), Саят-Нова (XVIII в.) и лучшие поэты современной Армении,— все это—имена, которые должно помнить и чтить всем, кому дорога поэзия, наравне с именами любимых лириков других народов: Сапфо и Овидия, Гафиза и Омара-Хайама, Петрарки и Ронсара, Шелли и Тютчева, Гейне и Верлена...

Но в то же время армянская поэзия, взятая в ее целом, представляет другой, также выдающийся, интерес исторический. Поэзия всегда — верное зеркало народной души; поэт, даже думая, что воспекает свои личные, скромные радости, свои личные, маленькие скорби, бессознательно, неприметно для самого себя всегда поет о великих торжествах или о великих печалях всей своей родины; в созданиях художников всегда воплощены переживания родного народа. И многообразная история Армении, сплетенная за двадцать пять столетий с судьбами всех народов нашего мира: ассири-вавилонян, древнеперсов, греков, римлян, парфов, византийцев, новоперсов, арабов, монголов, турок-сельджуков и турко-османов, народов новой Европы, русских, отчасти также с судьбами Индии, Китая, Африки, Америки,— эта история живыми отголосками, далекими эхо живет в армянской поэзии. Народы, давно сошедшие с мировой сцены, оставили следы в народной душе Армении, и эти следы таинственно оживают в стихах армянских поэтов. Прислушиваясь, мы слышим в средневековой армянской лирике отзвуки седой, нам еле ведомой старины... А в созданиях новоармянской поэзии оживает перед нами

жизнь современной Армении, тоже мало известная нам жизнь целого народа, своеобразная, красочная, также связанная незримыми нитями с отдаленнейшими веками.

Для русского читателя армянская поэзия, в ее целом, есть новый мир, в котором путник видит неизвестные ему цветы и деревья, неведомых птиц и животных, впервые наблюдаемые обычаи и церемонии. Такой была армянская поэзия для меня, и я надеюсь, что сходное впечатление испытают и все другие читатели. Но важнее, что армянская поэзия есть именно мир красоты, что она обогащает новыми сокровищами тот пантеон поэзии, который каждый культурный человек воздвигает в своей душе, чтобы хранить в нем прекрасные создания поэтов всех стран и всех веков. В этом пантеоне мирно стоят рядом творения гения французского и гения немецкого; поэмы индусских поэтов или японские танки со стихами классиков Эллады и Рима; песни первобытных скандинавов, грозная Эдда, песнь о Нибелунгах, с утонченными строфами Китса, с загадочными балладами Эдгара По; достижения певцов, живших на заре нашей эры, с попытками поэтов последних дней. В этом же храме по праву должны занять свое место и лучшие создания гения армянского, — прежде всего поэмы средневековых поэтов Армении и пленительные песни ашуга Саят-Новы. Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека, как обязательно для него знакомство с эллинскими трагиками, с «Комедией» Данте, драмами Шекспира, с поэмами Виктора Гюго. Поскольку издание, редактированное мною, сделает это доступным для русского читателя, судить, конечно, не мне, но задача, которую я себе ставил, была именно такова: открыть перед русскими читателями поэтический мир Армении.

Мне хотелось бы еще, чтобы предлагаемая книга не оказалась лишней и для читателя-армянина, владеющего русским языком. Прежде всего произведения армянских поэтов прошлых веков до сих пор не собраны в популярных, легкодоступных изданиях, но рассеяны по разным специальным сборникам и журналам, а частью остаются еще в рукописи. В нашем издании читатель-армянин найдет подбор образцов поэзии разных эпох, что может впоследствии до некоторой степени быть руководством при чтении подлинников. Кроме того, произведения прошлых веков Армении написаны на языке, который требует уже особого изучения от современного армянина. Не все имели случай и возможность заняться таким изучением. Несомненно, в среднем кругу армянского общества, среди тех, кто не посвятил себя научным работам, найдутся лица, которые впервые прочтут, на русском языке, некоторые поэмы армянских средневековых поэтов. Если это чтение побудит таких лиц заняться изучением классического и староармянского языка, чтоб в подлиннике насладиться красотой стихов, неизбежно побледневшей в переводе, я, как редактор данного издания, уже сочту себя нравственно удовлетворенным и вознагражденным за свой труд. Наконец, даже лицам, знакомым с армянской поэзией в оригинале, может быть, не безынтересно будет перечесть те же стихи в том истолковании, которое пытались им дать мы, русские поэты, отнесшиеся к поставленной нам задаче со всей серьезностью, со всем вниманием, со всей любовью, ибо создания истинной поэзии никогда не устаешь перечитывать, в какой бы одежде ни представляли они перед нами. К лирике армянского средневековья вполне применимо четверостишие Фета о поэзии Тютчева: эти стихи вправе повторять каждый армянин, думая о расцвете лирической поэзии в средние века своей родной страны:

Вот наш патент на благородство,—
Его вручает нам поэт:
Здесь — духа мощного господство,
Здесь — утонченный жизни цвет.

Далее тот же поэт говорит:

У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

И действительно, есть народы, даже среди тех, которых превратности исторической судьбы делали временными господами над армянами, — народы, которые не могут назвать в числе своих писателей ни одного имени. Достойного стоять рядом с лучшими лириками армянского средневековья, даровавшими раз навсегда «патент на благородство» родному армянскому народу.

Из предисловия к 1-му изданию

Сборник, предлагаемый вниманию читателей, имеет две задачи: во-первых, представить в характерных образцах, в русском переводе по возможности всю поэзию Армени, от древнейших времен до наших дней, на всем протяжении ее полуторатысячелетнего существования; во-вторых, положить в основу выбора художественную ценность как творчества отдельных поэтов, так и каждого отдельного произведения, чтобы стихи, объединенные в книгу, были высшими художественными достижениями армянской поэзии в различные периоды ее развития. Можно надеяться, что этим будут в то же время охарактеризованы и настроения народа, идеи, руководившие его жизнью, потому что знакомство с поэзией

ГОРОДЪ ЭРИВАНЬ

18 ЯНВАРЯ 1916 ГОДА ВЪ ЗАЛѢ ГОРОДСКОГО КЛУБА

СОСТОИТСЯ

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА

НА ТЕМУ

АРМЯНСКАЯ ПОЭЗІЯ

ЦѢНЫ: МѢСТАМЪ ОТЪ 3 р. ДО 50 р.

Билеты продаются въ клубѣ

Начало 8^{1/2} ч. вечера

ԵՐԵՎԱՆԻ ՅՈՒՆԻՈՒՐԻ 18-Ի 1916 Թ.

ՔԱՆԳԱՐԱՅԻՆ ԱԿՈՒՄՐԻԻ ԴԱՆԼԻՃՈՒՄ

ՅԱՅՏԵՆԻ ԲԱՆԱՍՏԵՂՍ

ՎԱԼԵՐԻՅ ԲՐԻՒՍՈՎ

ԿՏ ԴԻՍԿՈՒՍԻԱ

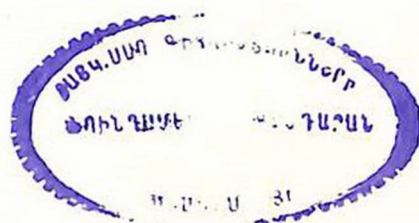
ՀԱՅ ԲԱՆԱՍՏԵՂԻՈՒԹԵԱՆ ՄԱՍԻՆ

ԵՐԵՎԱՆԻ ՅՈՒՆԻՈՒՐԻ ԿԼԱՅԻՆ

ԵՐԵՎԱՆԻ ՅՈՒՆԻՈՒՐԻ ԿԼԱՅԻՆ

ԵՐԵՎԱՆԻ ՅՈՒՆԻՈՒՐԻ ԿԼԱՅԻՆ

Афиша лекции Брюсова в г. Ереване, январь, 1916 г.

народа, в его целом, всего вернее знакомит и с самим народом и произведения, наиболее совершенные в художественном отношении, всегда оказываются и наиболее характерными. Помимо того, высокие достижения в области искусства служат лучшим показателем культурного уровня народа и дают благородное право на внимание других наций независимо от тех или иных превратностей исторической судьбы.

Сообразно с таким общим замыслом сборник «Поэзия Армении» разделен на три части, или отдела: 1. Народная поэзия; 2. Поэзия средневековья и поэзия ашугов; 3. Новая поэзия.

Первая часть обнимает народную поэзию старого и нового времени и распадается на два подотдела: лирических песен и эпических созданий. Во главе **лирических песен** поставлены стихи, которые можно датировать более отдаленными эпохами: песня о рождении Ваагна, сохраненная Моисеем Хоренским и относящаяся еще к языческой поре; отрывок, представляющий, по-видимому, христианскую переработку также еще языческого гимна; лирический отрывок исторической песни о царе Арташесе и др. Далее идут народные песни, время возникновения которых установить затруднительно, но которые все и поныне живут в памяти и в устах народа. Нами взяты они из различных сборников, как в научных изданиях, так и популярных, — из «песенников» — «ергаран» и «тагаран»; в том числе и рукописных, еще не напечатанных, хранящихся в библиотеке Эчмиадзина. При выборе стихотворений, мы, в этом отделе, кроме общезстетического принципа, руководились еще желанием представить различные типы армянской народной песни. Поэтому рядом с песнями любовными мы поместили песни обрядовые, свадебные, колыбельные, заплачки, наконец, — военные, создавшиеся в новое время, каков, на-

пример, Зейтунский марш. Произведений эпического склада дано нами два: стихотворная сказка о владыке Аслане и значительная часть (почти вся первая половина избранного нами варианта) эпоса о Давиде Сасунском.

Вторая часть, поэзия средневековья и песни ашугов, распадается на три подотдела. В первом подотделе собраны образцы ранней религиозной поэзии (V—XII вв.) в стихах Григория Нарекаского, в церковных «шараканах» и в произведениях (лирических и эпических) Нерсеса Благодатного. Во втором подотделе представлены лирики армянского средневековья и позднейшие поэты, тесно примыкающие к ним по характеру своей поэзии (XIII—XVII вв.), причем особое внимание обращено на эпоху XV—XVI вв., когда творчество армянских лириков достигло своего высшего расцвета. В третьем подотделе даны песни ашугов; центральное место занимает здесь замечательнейший и знаменитейший среди них — Саят-Нова (XVIII в.), но сохранены образцы также более раннего и более позднего времени, вплоть до стихов нашего современника — ашуга Дживани. При выборе стихотворений, в этом втором отделе, мы, останавливаясь на лучшем, художественно наиболее значительном, постоянно стремились показать также поступательный ход развития армянской поэзии, ее эволюцию от простейших форм к более сложным, постепенное утончение и углубление как тем, так и творческих приемов автора. Ввиду этого мы старались дать образцы творчества каждого отдельного столетия (от XIII до XVIII) и каждого обособленного периода. Наконец, по мере возможности мы заботились и об отражении в избранных стихах исторических моментов, переживавшихся Арменией в различные эпохи.

Третья часть, новая поэзия, разделена на два под-

отдела: поэзия русских армян и турецких (константинопольских) армян. Эволюция этих двух школ в первое время их существования шла настолько раздельно и их художественные устремления настолько разнились между собой, что мы не сочли возможным расположить всех новоармянских поэтов в одной общей хронологической последовательности. При всем том, мы задавались целью дать в этой части характеристики всех новоармянских поэтов, к какой бы школе они ни принадлежали, если только их творчество представлялось нам имеющим художественный интерес. Само собой разумеется, что при выборе стихотворений в этой части мы никогда не теряли из виду исторической точки зрения, давая широкое место поэтам, деятельность которых оказала определенное влияние на художественное развитие армянской литературы, но не могли, однако, во всем следовать сложившимся традициям в оценке отдельных писателей. В частности, мы считали необходимым руководствоваться установившимися взглядами преимущественно по отношению к поэтам старших поколений, деятельность которых уже стала достоянием истории. Напротив, по отношению к поэтам более молодым, многие из которых еще не успели вполне определиться и деятельность которых еще всецело подлежит критике, мы считали себя вправе дать больше простора нашим личным суждениям. Касаясь новейших явлений литературы, каждая антология неизбежно становится до известной степени зыбкой, и читатели должны смотреть на несколько стихотворений молодых поэтов, включенных в нашу книгу, лишь как на образчики новейшей армянской поэзии, избранные более или менее случайно среди ряда других, не менее достойных внимания.

Выбор всех стихотворений, включенных в нашу книгу, был сделан, конечно, по подлинникам, после внима-

тельного просмотра всего написанного в данную эпоху или данным поэтом. Но нет сомнения, что, при всем нашем желании как можно полнее представить эволюцию армянской поэзии, в нашем выборе сказалась известная доля субъективности. В свое оправдание мы должны указать, что в осуществлении нашей задачи встречалось немало и внешних затруднений, а некоторые имена отсутствуют в книге потому, что мы не могли получить самих сочинений некоторых поэтов. Значительным препятствием служили нам и обстоятельства военного времени, по которым совершенно прекратились сношения с Константинополем и весьма затруднились — с Западной Европой. Наконец, самые размеры нашего сборника заставляли нас ограничивать свой выбор только наиболее важным и наиболее характерным, оставляя в стороне, например, авторов, которые лишь изредка писали стихи и главное значение которых в романе. Некоторые объяснения нашего выбора даны нами в Примечаниях, где перечислены имена тех, более известных, армянских поэтов, произведения которых по разным причинам не включены в наш сборник.

Что касается самого перевода, то, во-первых, оценка его достоинства принадлежит не нам, а, во-вторых, мы можем говорить лишь о том идеале, который ставили себе в этом отношении. Нашей конечной целью было получить на русском языке точное воспроизведение оригинала в такой мере, чтобы читатель мог доверять переводам и был уверен, что по ним он знакомится с произведениями армянских поэтов, а не русских переводчиков. В частности мы считали, что стихотворный перевод должен не только верно передавать содержание оригинала, но и воспроизводить все характерные отличия его формы. Первой задачей, по отношению к форме, являлся выбор стиха, соответствующего метру и ритму подлинника, на-

сколько это осуществимо при разнице стихосложения русского (тоническое) и армянского (силлабическое). Однако мы не доводили своих требований до педантизма и не настаивали на сохранении тех особенностей, которые зависят от свойств самого языка: например, вместо постоянной мужской рифмы, господствующей в армянских стихах (так как в армянском языке, в литературном произношении, почти все слова имеют ударение на последнем слоге), допускали чередование рифм мужских и женских, обычное в русских стихах. Напротив, мы искали строгого соблюдения техники оригинала в построении стихотворений, т. е. формы строфы, чередования рифм и т. п., так что число стихов в переводе (за немногими исключениями, которые были вызваны особыми соображениями) всегда соответствует оригиналу. Наконец, настойчивое внимание обращалось на соблюдение звуковой стороны стиха, т. е. как ассонансов, аллитераций, звукоподражаний, так особенно «звукописи», или «словесной инструментовки», составляющей особе очарование средневековой лирики. Что касается содержания, то здесь идеалом было сохранить и в стихотворной передаче подстрочную близость к тексту, поскольку она допускается духом языка, сохранить все образы подлинника и избегать всяких произвольных добавлений.

Определенно отказались мы от воспроизведения различий в языке разных эпох и отдельных поэтов. Стихи, собранные в книге, можно разделить по языку на несколько групп. Небольшая часть (гимны Григория Нарекаского, Нерсеса Благодатного и др.) написана на древнем классическом языке (грапар); произведения средних веков — на средневековом; народные песни и песни ашуггов — на различных диалектах; стихи новых поэтов на двух, несколько отличных один от другого, наречиях новолитературного языка, иногда с преднамеренной при-

месью местных говоров, и т. п. Все наши переводы сделаны на одном современном литературном русском языке (в том числе и переводы народных песен). Поступая так, мы имели в виду соображение, что, в конце концов, все наши оригиналы также написаны на одном армянском языке, только в разных стадиях и формах его развития. В те дни, когда писал тот или другой поэт, например, данный лирик средневековья,— к языку, который он употреблял, его читатели относились совершенно так же, как относится теперь русский читатель к современному литературному языку. Что же касается диалектических особенностей, вводимых некоторыми поэтами для придания своим стихам «местного оттенка» (*couleur locale*), то от их передачи мы также отказались, по трудности отыскать в русском языке соответствующие эквиваленты.

Переводам предпослан (кроме данного «объяснения») Вступительный очерк редактора, дающий очерк истории армянской лирики. Задачей этой статьи было ознакомить читателей с возникновением и эволюцией лирической поэзии в Армении, указать на взаимоотношения отдельных поэтов, дать краткие характеристики их творчества, отметить основные течения армянской поэзии, особенно в новое время, и, наконец, предложить ее общую историко-литературную оценку. Статья строго замыкает свои пределы именно историей **лирики**, и не только не рассматривает хода всей армянской литературы, но и касается лишь попутно других форм поэзии (например, созданий драматических, произведений, написанных прозой, а также всего, что новые поэты писали на классическом грапаре). Также лишь бегло говорится в статье об общен исторических условиях, при которых возникла и развивалась армянская лирика, причем автор отсылает интересующихся к другой своей статье, посвя-

щенной истории Армении и изданной отдельно. В предлагаемом издании поэзия Армении должна говорить сама за себя, и автор Вступительного очерка счел себя обязанным ограничиться лишь самым необходимым. Такой же характер носят помещенные в конце книги **Объяснительные примечания**. Все издание заключается общей Библиографией, дающей перечень русских книг, которые посвящены Армении вообще и особенно — поэзии Армении.

Вопрос об издании сборника, посвященного армянской поэзии в русском переводе, был принципиально решен Московским армянским комитетом под председательством С. Г. Мамиконьяна, причем было постановлено организовать особую редакционную комиссию и пригласить редактора сборника из среды русских писателей.

Редакционная комиссия работала в составе: К. Б. Кусикьяна (скончался), Карэна Микаэляна, А. И. Цатуряна и П. Н. Макинцiana; на последнего редакцией был возложен выбор произведений поэзии народной, средневековой и ашугов.

Выдающиеся услуги сборнику по отделу средневековой поэзии оказал своими обширными познаниями и постоянной готовностью давать все необходимые разъяснения проф. К. Костаньянц, которому редакция считает своим приятным долгом принести глубокую сердечную благодарность.

К. Костаньянц оказал также ценную услугу редакции, способствуя ей в получении необходимых книг, как из его собственной библиотеки, так и из библиотеки Лазаревского института. Редакция выражает свою глубокую признательность также заведующему библиотекой Лазаревского института — проф. Атая.

Общая редакция русских переводов принадлежит

В. Я. Брюсову, который участвовал также и в окончательном выборе произведений, назначавшихся для перевода. В. Я. Брюсовым написан и Вступительный очерк к сборнику.

Рисунок для обложки — воспроизведение армянской миниатюры из рукописи XI века — исполнил художник М. С. Сарьян; рисунок для фронтисписа по образцам древних армянских миниатюр — художник В. Я. Суреньян.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ И ЕЕ ЕДИНСТВО НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ

Вступительный очерк

I.

Две силы, два противоположных начала, скрещиваясь, переплетаясь и сливаясь в нечто новое, единое, направляли жизнь Армении и создавали характер ее народа на протяжении тысячелетий, — начало Запада и начало Востока, дух Европы и дух Азии. Поставленная на рубеже двух миров, постоянно являвшаяся ареной для столкновения народов, вовлекаемая ходом событий в величайшие исторические перевороты, Армения самой судьбой была предназначена служить примирительницей двух различных культур: той, на основе которой вырос весь христианский Запад, и той, которая в наши дни представлена мусульманским Востоком. «Армения — авангард Европы в Азии», эта давно предложенная формула правильно определяет положение армянского народа в нашем мире. Историческая миссия армянского народа, подсказанная всем ходом его развития, — искать и обрести синтез Востока и Запада. И это стремление всего полнее выразилось в художественном творчестве Армении, в ее литературе, в ее поэзии.

Современная наука¹, в теории, выставленной и блистательно развиваемой акад. Н. Я. Марром, видит в самом составе армянского народа два разнородных элемента, западный и восточный. Происхождение армянского народа эта теория связывает с так называемым Киммерийским движением VIII—VII в. до Р. Х. В ту эпоху одно из фригийских племен (следовательно, индо-европейского корня), перебросившись вместе с другими из Фракии в Малую Азию, продвинулось на верховья рек Галиса и Евфрата и затем подчинило себе население соседних стран, в том числе Урарту и Наири, частью поработив, частью ассимилировав аборигенов (народ не индо-европейского, по Н. Я. Марру, яфетидского корня). Из слияния этих двух элементов: завоевателей фригийцев, индо-европейцев по происхождению, и покоренных урартийцев, яфетидов по происхождению, и возникла армянская народность, сочетавшая в себе, таким образом, чисто восточный элемент (урартийцы) с элементом западным (фригийцы). Это подтверждается филологическим анализом армянского языка, показаниями античных историков, данными археологии, этнографии, географии и, наконец, свидетельством народных армянских преданий. Мы вправе поэтому рассматривать армянский народ, в самом его существе, как западно-восточный, одновременно и азиатский и европейский.

Вся история Армении могла только усилить это двуединство народного духа, так как армянский народ попеременно подвергался разным влияниям, то со стороны

¹ Здесь я могу дать только несколько намеков на исторические судьбы Армении. Более подробно история армянского народа изложена мною в отдельной брошюре, являющейся как бы дополнением к настоящему очерку и изданная также Московским армянским комитетом: Валерий Брюсов «Очерк исторических судеб армянского народа с древнейших времен до наших дней», М., 1916.

своих восточных, то — западных соседей. На заре ее истории Армении суждено было испытать сильное воздействие персидского **иранизма**, так как она входила как отдельная сатрапия в состав державы древнеперсов (с VI по конец IV в. до Р. Х.). Армянами управляли персидские сатрапы, армяне судились по персидским законам и участвовали в персидской армии; в народе получил широкое распространение персидский язык и многие чисто персидские обычаи; наконец, в значительной степени усвоили армяне и национальную религию древнеперсов. Персы — народ арио-европейского корня; их язык принадлежит к семье арийских языков. Но держава древнеперсов была прямой наследницей Ассиро-Вавилонской (семитической) империи. Персы испытали могучее давление той семитической культуры, которая сложилась за несколько тысячелетий до нашей эры в Передней Азии, преимущественно в бассейнах Тигра и Евфрата, включив в себя и элементы культуры Египта, с которым ассиро-вавилоняне были в постоянных сношениях. Поддаваясь иранизации, армяне восприняли и известную долю культурных начал Ассиро-Вавилонии.

Период персидского господства оставил глубокие следы на всем характере армянского народа, которые можно, в следующие века, следить в нравах, в верованиях, в государственном строе. Персидский язык, например, был настолько распространен в Армении, что его знали даже женщины (свидетельство Ксенофонта), и несомненно, что еще в эту раннюю эпоху в армянский язык проникло множество иранских корней. Армянский пантеон почти совпадал с иранским, и Страбон писал, что «все святыни персов чтутся также и армянами», на что указывают сами имена армянских богов: Арамазда, Анаит, Тир, Михра; были переняты армянами и идеи зороастризма. Двор армянского царя, с его официальным

титолом «царь царей», до последних времен был сколком с роскоши персидского царского двора. Вообще влечение к пышности, великолепию, торжественности было в значительной степени, усвоено армянами под воздействием их восточных соседей, и одно время господ.

Противовесом этому влиянию явилось могущественное влияние эллинизма, который стал быстро распространяться на Востоке после похода Александра Великого (ум. в 323 г. до Р. Х.), и возникновения в Азии новых полугреческих государств. Македонское завоевание как бы распахнуло двери на Запад для всей Передней Азии, которая целые тысячелетия жила обособленной, замкнутой жизнью. В течение ближайших трех столетий (с конца IV до середины I в. до Р. Х.) благотворный дух Эллады, вея над Арменией, во многом видоизменил идеи, мироощущение и самый характер народа. Умирающая Греция передала, как многим другим странам, так и Армении, свои последние вздохи, оплодотворившие всю европейскую культуру. Поддаваясь эллинизации, армяне тем самым становились причастны бессмертному источнику красоты и мысли, из которого и поныне мы почерпаем наши лучшие идеалы.

Результаты эллинизации уже определенно сказались в Армении к эпохе Тиграна Великого (95—56 г. до Р. Х.) и его преемников. По крайней мере, высшие классы армянского общества находились тогда под несомненным греческим влиянием. Армянская архитектура того времени носила отпечаток эллинского искусства; в армянских храмах появились статуи олимпийцев, отождествленных с национальными божествами; образованные армяне понимали по-гречески, читали греческих писателей, интересовались греческим искусством; существовало обыкновение — посылать юношей, чтобы закончить их образование, в Афины и другие научные центры Эллады. Мы

знаем, что ко двору армянского царя приглашались эллинские риторы, поэты, ученые, художники; что в столицах Армении, в придворном театре, исполнялись пьесы великих трагиков Эллады; что сын Тиграна Великого, царевич (впоследствии—царь) Артавазд II, сам писал драмы и стихотворения на греческом языке. Глубоко в массу народа это эллинское влияние, по-видимому, не проникало, но все же творческое воздействие его явно выразилось потом во всех проявлениях духовной жизни Армении.

Попутно должно отметить, что в ту эпоху, когда случайности исторических судеб вознесли, одно время, Армении до высоты настоящей «империи», когда владения армянского «царя царей» простерлись «от Куры до Иордана и от гор Мидийских до Киликийского Тавра»,— армянский народ принял в себя новую волну восточной стихии,— **сематической**. Тигран Великий и Артавазд II доходили в своих завоеваниях до пределов Иудеи и нашли полезным переселить в свою страну значительное количество евреев (армянские историки уверяют, что до 100 000 семейств). Позднее некоторые знатнейшие армянские фамилии выводили свое происхождение именно от этих иудейских выходцев и даже прямо от царя Давида Псалмопевца. Разумеется, эта волна эмигрантов не могла иметь существенного влияния на состав народа, но некоторые следы в его характере оставить могла, как и вообще разные другие народности Малой Азии, в те десятилетия, когда армянские цари-завоеватели совершали свои походы от Каспийского моря к Средиземному и от берегов Понта Эвксинского до глубин Месопотамии, когда вновь смешивались племена, когда строились новые города (как великолепная столица Тиграна — Тигранакерт) и заселялись выходцами с разных концов земли и

когда сокровища, в том числе и художественные, накопленные веками, текли из завоеванных стран в пределы своей властительницы — Армении.

После вступления Рима в число азиатских держав и после распространения по всему Востоку римского могущества, постепенно забиравшего под свою тяжелую руку царства и народы, Армения не могла не поддаться новой, сильной волне западного влияния, на этот раз романизации. Римляне появились в Азии в начале II в. до Р. Х. (189 г. битва при Магнесии), но Армения долго сопротивлялась римскому воздействию: романизации противился эллинизм высших классов общества и иранизм народных масс. Высшие классы видели в римлянах варваров, поработителей Эллады; народ тянул в сторону соседней, родственной по обычаям и по религии Парфии, которая во многом была преемницей Персидской державы. В течение трех столетий (от середины I в. Р. Х. и до середины III в. по Р. Х.) борьба между Западом и Востоком, в Армении, воплощалась в форме борьбы «партии римской» и «партии парфской». Потребовались целые века, чтобы романизация достигла успехов в Армении, и нужны были коренные перемены в политических отношениях, чтобы Армения, уже в III в. по Р. Х., тесно сблизилась с Римом и стала его верной союзницей.

Первоначальные отношения между Арменией и Римом были враждебные. Поступательное движение римлян на Восток грозило утратой самостоятельности всем местным государствам, что вызывало естественные коалиции азийских царств против Рима. Такой коалицией были и союзы Тиграна Великого с Митридатом Понтийским (Эвпатором) или Артавазда II с царем парфским Ородом. И, в общем, за все три столетия, до возникновения новоперсидской державы, армяне всегда оставались естественными врагами Рима, хотя не раз, уступая угро-

зам силы, выступали как союзники римлян. Рим не был в силах поработить Армению; медали, выбитые римлянами с надписями: «*Armenia devicta*», «*Armenia recepta*», «*Armenia capta*» и т. п. были лишь хвастовством; вассалитет Армении, которого добился Рим, был (по признанию Моммсена) «лишен внутреннего содержания»; попытка Траяна обратить Армению в римскую провинцию не удалась, не продержалась и года, и т. д. Но удары, которые Рим наносил Армении: походы Суллы, Лукулла, Помпея, Антония, Корбулона и др., обессилили ее; римляне, действуя шаг за шагом, принудили Армению отказаться от всех своих завоеваний и постепенно замкнули ее в ее естественные границы, низвели с высоты «империи» на степень национального царства, которое, позднее; уже не могло сопротивляться своим сильным соседям.

При всем том постоянные сношения с Римом, то враждебные, то дружественные, неизбежно вводили в Армению элементы романской культуры. Уже Тигран Великий вступил в ряд «друзей и союзников римского народа» и сыну своему завещал союз с Римом как залог благополучия царства. Новые войны с римлянами привели в Армению много военнопленных — италийцев; за ними последовали римские купцы. Антоний со всей армией принужден был провести несколько месяцев в Армении (37 г. до Р. Х.); Август отправил в Армению особое посольство во главе с Тиберием Клавдием, будущим принцепсом (20 г. до Р. Х.); позднее с посольствами являлись — Гей Цезарь, усыновленный Августом (1 или 2 г. по Р. Х.) и Германик (18 г. по Р. Х.). На армянский престол стали всходить — возводимые, разумеется, происка-ми Рима, — лица, получившие римское воспитание (Тигран V, Тигран VI и др.). Царь Тиридат (58—59 и 62—107 г. по Р. Х.), после долгой (и, во многих отношениях,

победоносной) войны с римлянами, согласился лично поехать в Рим и принять армянскую корону из рук Нерона. С Тиридатом ехало много знатных армян; города по пути устраивали им торжественные встречи; в Неаполе и в Риме в честь царя были даны пиры, праздники, представления в театрах, игры в цирке. Уезжая обратно, Тиридат повез с собой много итальянских художников, мастеров, рабочих для восстановления разрушенных, во время войны, городов и храмов.

Начиная со II в. по Р.Х. культурное влияние Рима начинает явственно сказываться в Армении. Это подтверждают и данные археологии,—известные раскопки в Гарни (древняя Гарнея), где найден храм, относящийся ко II—III в. и совпадающий с формами римской архитектуры того времени. То же влияние отразилось в некоторых деталях других археологических находок. Надобно предположить, что распространялось среди армян также знание латинского языка и римской литературы. По крайней мере несомненно, что армянские юноши для окончания образования стали ездить в Рим, как раньше ездили в Афины. Впрочем, армяне могли знакомиться с латинским языком и на родине, так как в течение всего II в. в разных армянских городах стояли римские гарнизоны. В пределах древней Армении теперь находят немало латинских надписей; в одной греческой надписи царя Тиридата (III в.) месяц доименован латинским названием (февраль) и т. д.

Противовесом римскому влиянию служила в Армении «парфская партия», влияние которой поддерживало в народе вражду к Риму, ко всему, идущему с Запада. Парфия, во многом, была близка Армении, так как сложилась при сходных условиях; между двумя народами, армянами и парфами, существовали давние связи родства, общности в нравах, почти единства в верованиях.

Кроме того, союз с Парфией давал надежду на сохранение политической независимости, тогда как сближение с Римом означало подчинение ему, переход в состояние вассальной зависимости (что римляне подчеркивали, требуя, чтобы армянские цари принимали корону из рук представителя Рима). В середине I в. по Р. Х. парфам удалось возвести на армянский престол свою династию (к ней принадлежал и Тиридат I, ездивший в Рим). Династия скоро национализировалась, но осталась в родственных отношениях с парфскими царями, что тоже должно было способствовать жизненности в Армении начал, общих с Парфией. Стоявшая не на высокой ступени культуры, Парфия не могла влиять на Армению в прямом смысле слова, но союз и общение с парфами укреплял в армянах традиционные, иранские элементы. Таким образом, в Армении, которая одновременно и романизовалась и влеклась к своему иранскому соседу, оба начала, Запада и Востока, развивались параллельно.

Ориентация Армении резко изменилась, когда, после падения парфского царства (около 226 г.), на его месте возникла держава новоперсов. Сасаниды, заняв престол парфских царей, определенно порвали с традициями своих предшественников. Полные мечтами о былом величии персидской монархии, новоперсы стали стремиться к тому, чтобы восстановить в своей земле древние персидские обычаи, между прочим, и дрезний зороастризм, во всей первоначальной чистоте, и воздвигли гонение на все парфское. Естественно, что Сасаниды не могли не смотреть недружелюбно на Армению, где продолжала царить парфская династия, свергнутая ими в Парфии. Кроме того, новоперсы, с самого начала, выказали агрессивные стремления по отношению ко всем соседним землям, — как к пограничным провинциям Римской империи, так и к Армении. К этому времени культурное влияние

Рима в Армении настолько окрепло, что стал возможен теснейший союз армян с римлянами против общего врага. И в течение следующего столетия во всех войнах, какие вела империя против Персии и которые, в сущности, были единой непрерывной войной (растянувшейся потом на ряд веков), армяне всегда выступали на стороне римлян как их верные союзники.

Связь Армении с Римом еще более усилилась, когда армянский царь Тиридат III Великий принял со всем народом крещение (295, 299 или 301), и христианство стало официальной религией армян. Приняв христианство, которое глубоко проникло в душу народа, армяне окончательно связали себя с миром Запада, с христианским миром Европы. В продолжение всех следующих веков они оставались верны своей религии и не поддались проповеди ислама, который позднее властно подчинил себе большинство народов Передней Азии. Христианство вырыло непреодолимую пропасть между армянами и персами. Однако прозелитизм новообращенных и политический союз с Римом не означал для Армении полного разрыва с Востоком. Восточные начала поддерживались в Армении этого времени воздействием христианской Сирии, откуда армяне и приняли новое учение. Сирийское влияние, позднее, явственно отразилось на первых этапах армянской литературы и на памятниках древнейшего церковного строительства в Армении.

Как известно, римляне весьма дурно отплатили армянам за их верность. Император Иовиан, заключив с Персией позорный мир, предоставил на разгром персам Армению, и она не могла, конечно, сопротивляться державе, борьба с которой оказалась не под силу и Риму. Позднее же (конец IV и начало V в.) Римская империя и персы прямо поделили между собой Армению, так что в течение двух столетий (до начала VII в.) она остава-

лась разрезанной на две части, византийскую и персидскую. Границы этих половин постепенно менялись, так как завоевания отдельных византийских императоров, Юстиниана, Маврикия, Ираклия и др., вырывали у персов отдельные армянские области, присоединяемые к империи. Но общее положение дел оставалось неизменным. Эти две Армении стали как бы двумя очагами, в которых разгорались и крепились основные начала армянской жизни: в византийской — западные, в персидской — восточные.

Византийские императоры сознательно стремились к романизации (по терминам того времени, т. е. эллинизации) своей части Армении: вводили в ней общеимперскую администрацию, объявляли государственным языком — греческий, способствовали распространению греческой литературы, византийского искусства и т. д.; наконец, принимали меры, вплоть до насильственных, к сближению армянской церкви (весьма рано обособившейся) с византийской. В персидской Армении, по меткому выражению историка Елисея (Егише), «царство перешло к нахарарам», т. е. владетельным князьям, которые собирали подати, выставляли в персидскую армию определенный контингент войска, но во внутренних делах распоряжались самостоятельно (что повело к утверждению феодализма). В этой части Армении развивались начала национальные, иранские, не говоря уже о том, что некоторое влияние на жизнь народа не могли не получить и ставшие владыками персы (ирано-сасанидские черты в армянской архитектуре).

Успехи того и другого влияния можно проследить на ряде исторических фактов. В V веке возникла и стала быстро развиваться национальная армянская литература, после изобретения свв. Сааком и Месропом армянского алфавита. Первоначально армянская литература

определенно подпала под сирийское влияние, и, как полагают, первый перевод книг Святого Писания был сделан на армянский язык с сирийского (впоследствии — исправленный по греческому тексту). Но с VI века в армянской литературе проявляется, в сильнейшей степени, влияние греческое. Армяне переводят на свой язык громадное количество греческих книг: сочинения по философии, богословии, риторике, истории, грамматике и по точным наукам, как математика, астрономия, медицина, география и т. п. Весь этот период в армянской литературе носит название эпохи эллинистов. Своего расцвета движение достигает в VII веке, когда даже самый армянский язык приспособляется, в книгах, к формам греческого языка, обогащаясь новыми речениями, новыми оборотами речи, новой расстановкой слов, порой искусственной. У писателей-эллинистов заметно и желание воспринять лучшие стороны греческой литературы: пылкость мысли, аналитическое отношение к трактуемому предмету, точность и ясность изложения.

Параллельно этому, в армянском народе несомненно существовала партия, тянувшая в сторону сближения с персами. Представители ее вербовались преимущественно в высшем слое общества, особенно среди владетельных князей, которым политические отношения к Персии давали различные преимущества. Традиция (по новым исследованиям — несправедливая) обвиняет, например, в симпатиях к персам Васака, бывшего правителем персидской Армении в эпоху восстания 451 года и отказавшегося примкнуть к народному движению. Во время войн Юстиниана часть армян добровольно действовала на стороне персов. В армянских областях, присоединенных Юстинианом к империи, вспыхнуло восстание, имевшее целью вернуть эти области Персии и т. д. Эти факты и предания, несмотря на ряд открытых выступлений (вос-

станий) против персидского гнета, как Вартана Великого (451 г.), Ваана Мамиконида (484 г.), Варта (511 г.), другого Вартана (571 г.) и др., свидетельствуют о наличии среди армян партии, которая чувствовала связь и родство Армении с Восточным миром.

Арабское завоевание (середина VII в.) объединило все армянские области под властью халифата. Следствием этого была утрата Арменией той связи с Западом, которая поддерживалась через Византию, и четыре столетия после того армянская культура развивалась преимущественно под воздействиями восточными. Непосредственное владычество арабов в Армении продолжалось приблизительно два столетия (от 652 г. по 861 или 885 г.), но зависимость армянских земель от халифата постепенно ослабевала (что показывает уменьшение дани, которой были обложены армяне: с 13 миллионов диргем в VIII в. на 8 милл., потом 4 милл. в IX в. и менее 2 милл. в X в.). Ослабление халифата повело к тому, что армянские феодальные владения постепенно превратились в полунезависимые армянские «царства» и «княжества», из которых самое значительное было царство Багратидов (с 885 г.) со столицею в Ани. Просуществовавшее также два века (последний Багратид, Гагик II, был убит в 1079 г.), Багратидское царство развивалось в обособленности от Западного мира, от новой Европы, в которой складывалась тогда (IX—XI в.) своеобразная средневековая культура. Во всем Багратидском периоде мы не находим значительных следов воздействия Западной Европы и, напротив, видим немало черт, проникших с мусульманского Востока. Правда, связь с Византией восстановилась, но она сама к этому времени во многом поддалась восточным влияниям.

Эти две эпохи — арабского владычества и царства Багратидов — характеризуются решительным преобра-

данием в армянской жизни и в армянском искусстве восточных, азиатских начал. В архитектуре византийские формы, господство которых относится к VII—VIII вв., понемногу уступают влиянию арабского архитектурного стиля, который сначала подчинил себе светские постройки, а потом коснулся и храмов. Мусульманское влияние сказывается и в некоторых чертах армянской миниатюры. В литературе распадается школа эллинистов, и писатели начинают искать своего собственного стиля. Возможно, что в поэзии уже в эту эпоху проникают некоторые формы персидской и арабской лирики. К концу периода восточные начала начинают живо чувствоваться во всех сферах культурной жизни. Но Армению ждал новый обновляющий приток идей с Запада.

Багратидское царство и другие армянские «царства» и «княжества» на Севере распались и были поглощены Византией (начало XI в.). Вскоре затем все эти области были захвачены новыми завоевателями, тюрками-сельджуками (падение Ани 1071 г.). Однако армянская самостоятельность не погибла под этими ударами. Она возродилась на Юге, в Киликии, где армянскими выходцами, во главе с князьями Рубенидами было основано Киликийское царство — сначала маленькое баронство, потом обширное и значительное государство. Это Киликийское царство просуществовало три столетия (приблизительно с 1080 г. по 1375 г.). В то же время на Севере коренные армянские области также добились освобождения от тюркского гнета, при содействии единой Грузии (начало XII в.). В области Ани стали правительствами, под грузинским сюзеренитетом, князья Долгорукие (Иван и Захария и их потомки); в соседних областях — другие армянские княжеские дома. Эти полунезависимые княжества (Долгоруких именовали тогда и «царями») продержались до походов Тамерлана (XIV в.) и завоеваний турок-османов (XV в.).

В Киликийском царстве произошло сближение армян с Западной Европой. На самой заре его существования киликийские армяне вступили в сношения с крестоносцами, путь которых лежал через Киликию. Впоследствии эти сношения с Европой не прерывались, но развивались шире. Рубениды, получившие королевский титул в 1198 году от папы и германо-римского императора, и их преемники связали себя с владетельными домами Запада длинным рядом брачных союзов. До нас дошла разнообразнейшая переписка королей Киликии с европейскими государями и папами (на латинском языке). Обширная торговля Киликии привела в нее выходцев со всех концов мира, и все большие города Европы имели в киликийских центрах свои колонии и фактории. Один документ, относящийся к царствованию Левона V (середина XIV в.), перечисляет в киликийской гавани суда из Генуи, Венеции, Нима, Монпелье, Севильи, Брюгге, Лондона, Мессины, с Майорки, с Крита... Государственный строй Киликии совпадал с формами западного феодализма. Ученые Сиса (столицы Киликии) именовали себя «докторами». Один из киликийских писателей, Нерсес Ламбронский (XII в.), жаловался, что «население заимствует у франков любовь к благам временным, также как и много прекрасных вещей» и т. п.

Параллельно этому в областях древней Армении происходило дальнейшее объединение армянской культуры с определявшейся культурой мусульманского Востока. В позднейших строениях, обнаруженных раскопками в Ани, всего больше мотивов арабского зодчества. Остатки дворцовой обстановки и домашнего обихода свидетельствуют о развитии чисто «восточной» пышности. Хотя с Киликией северная Армения находилась в постоянных сношениях, обособленное положение все же делало ее естественным членом восточной семьи госу-

дарств. Культура новой Персии и Грузии должна была, в этот период, гораздо живее влиять на древнюю Армению, нежели Западная Европа, влияние которой могло доходить лишь через посредство Киликии. Три столетия отдельного существования Киликийского царства и царства Долгоруких завершили процесс тысячелетий: западные и восточные элементы, в разных формах и проявлениях, были восприняты армянским народом. Исторические судьбы словно озаботились, чтобы и то и другое влияние имели свои преимущественные эпохи и свои центры восприятия.

Монгольское нашествие и завоевание турок-османов положили конец самостоятельности Армении. После того три столетия (XVI, XVII и XVIII) все армянские области томились под мусульманским игом. Беспрецедентные опустошения во время походов Чингиз-хана, Ленкимура (Тамерлана) и турок-османов, истребительная политика турецких султанов и персидских шахов и кровавые войны между Турцией и Персией, ареной которых большей частью была Армения, — надолго загасили светоч армянской культурной жизни. Но двухтысячелетняя культура, конечно, не могла погибнуть. Новыми ее носителями, положившими начало армянского возрождения, явились армянские колонии, богато расцветшие во всех больших центрах Европы, отчасти Америки и Азии. В колониях были основаны, между прочим, первые армянские типографии и зародилась новая армянская литература. По самому своему положению армянские колонии в Европе (в Венеции, Вене, Амстердаме, Париже и др. городах) способствовали проникновению в среду армян европейских идей. В то же время в самой Армении, силой вещей, в массу поработанного армянского народа просачивались обычаи, верования и уклады жизни мусульманского мира. Таким образом, и в эти тягостные века работа тысячелетий продолжалась.

С начала XIX века часть армянских областей перешла под скипетр России. Этим для части армян была открыта возможность для мирного развития народных сил и новой культурной жизни. Зародилась новая армянская литература, и был выработан новый литературный язык, называемый **ашхарабар** — в отличие от древнего классического **грабара**. Однако и в этом возрождении сказалась вековая разьединенность армян: на Западе и на Востоке (в России) в основу нового литературного языка были положены различные наречия: константинопольское — у западных армян, араратское — у русских. Сообразно с этим новоармянская литература пользуется двумя, несколько отличающимися одно от другого, наречиями. Помимо того, и само развитие новоармянской литературы шло в двух течениях, — западном (в Европе) и восточном (в России), что повело к образованию двух основных литературных школ, получивших название **школы турецких и русских армян**. В этом разделении можно видеть последний отголосок извечной борьбы в Армении двух начал, — Запада и Востока.

Влияние яфетидов и арийцев, Персии и Эллады, Парфии и Рима, Ново-Персии и Византии; арабы и царство Багратидов, Анийское княжество Долгоруких и Киликийское царство, Армения под мусульманским игом и армянские колонии в Европе; школы турецких и русских армян в новой литературе, — таковы, в схематическом изображении, те этапы, которые характеризуют взаимодействие Востока и Запада, Азии и Европы в Армении. Если исторической миссией армянского народа должно признать искания синтеза этих двух извечно противоборствующих начал, то армянская литература должна отразить в себе этапы этих исканий. И, прежде всего, отразить эту борьбу разнородных элементов и первые попытки их гармонического примирения должна лирика, как голос народной души.

Двуединство армянского народного характера дает ключ к армянской народной поэзии.

Существует армянская народная сказка, по-видимому, весьма древнего происхождения. Когда-то, — рассказывает сказка, — розу любила птичка булбул и воспевала розу лучше всех других птиц; никакая птица не могла сравниться с булбулом в искусстве песни. Но пришло такое время, что прилетела другая чужеземная птица, в армянской сказке: **иадон**, и этот иадон тоже полюбил розу и стал ее воспевать еще лучше, так что булбул должен был улететь и его песни забылись. **Булбул** по-армянски значит — соловей: слово это заимствовано из персидского языка; но **иадон** тоже значит — соловей: это искаженное греческое слово *ἄιδων* (айдон, с перестановкой двух первых букв). В народной сказке, следовательно, символически изображена смена двух влияний — персидского и эллинского, восточного и западного. В народной армянской песне те же влияния сказались в сочетании восточной яркости, пестроты с западной сдержанностью, стройностью.

Определить время, когда возникли те или другие песни, большей частью невозможно. Лишь некоторые удастся приурочить к известной эпохе, или потому что они дошли до нас в памятниках известного времени (так, несколько древнейших народных песен сохранили нам Моисей Хоренский, Григорий Магистр и др.), или потому, что песня явно относится к известному историческому событию (такова песня о пленении короля Левона, новые песни о Зейтунском восстании и т. п.). Самое содержание песни и даже язык, на котором она сложена, не всегда дают точное указание на время ее возникновения, потому что новые поколения нередко приспосабливали старую

несню к своим воззрениям и к своему говору (вставляли, например, на место имен языческих богов — имена Христа, Богоматери, Григория Просветителя, святых и заменяли обветшалые слова и выражения более обычными в данные годы). Поэтому народную песню, — у армян, как у других народов, — приходится рассматривать как итог всей исторической жизни народов. Поколение за поколением, век за веком производили свою критическую работу: песня, менее удовлетворяющая эстетические требования, забывалась; песня, нравившаяся новому веку, как нравилась она отцам и дедам, укрепилась в народной памяти. Таким «естественным отбором» вырабатывался некий канон, создавался особый ковчег песен, где хранилось все, казавшееся народу особенно близким, дорогим и нужным. Уцелевшие на протяжении веков народные песни — не свидетельство отдельных увлечений того или другого периода, но общее выражение народного духа.

«В каждом армянине есть поэт», утверждает старинная поговорка, и она оправдывается сборниками армянских песен. Обладая обычными достоинствами народного творчества, — безыскусственностью, непосредственностью, меткостью эпитетов, — армянская песня поражает, кроме того, особой изысканностью словесного выражения, несвойственной, например, песне славянской. Знакомясь с армянскими песнями, порой едва веришь, что это не тонко обдуманное создания какого-нибудь позднейшего поэта, искушенного в стихотворной технике, пока не узнаешь, что все эти песни поныне поет народ на плоскогорьях под Араратом, в долинах Аракса, в горных деревнях древней Айастан и еще недавно, до последних трагических дней, пел на побережьях Вана. В армянской народной песне нет суровости песен скандинавских, вскормленных холодным морем и свинцовым небом: в

ней дышит знойность Юга и роскошь Востока. Нет в армянской песне заунывности и наивности песен русских, сложенных во дни младенчества нашего народа: в ней чувствуется большая зрелость народа, с самой колыбели брошенного в среду культурнейших наций земли. Нет в армянской песне и грубости германских песен, часто отталкивающих своей цинической откровенностью: она заимствовала утонченность мысли и изысканность чувствований у своих восточных соседей. В то же время армянской песне чужда преувеличенная чувственность восточных народных песен: арийская кровь и эллинская школа наложили спасительную узду на восточный разгул фантазии. При всей своей страстности, армянская песня,— целомудрена; при всей пламенности,— сдержана в выражениях. Это — поэзия, по-восточному цветистая, по-западному мудрая, знающая скорбь без отчаяния, страсть без исступления, восторг, чуждый безудержности: не песня персидского гаремного владыки, но вздох влюбленного, поджидающего свою милую на свидание; не призыв Магомета — «ведите в плен молодых рабынь!» — но благословение матери сыну, идущему на правый бой; не покорный стон вдовы индуса перед погребальным костром, на котором ей предстоит обуглиться вместе с трупом, но полный христианского смирения плач жены на могиле любимого мужа. А особое изящество форм и оригинальность подхода к каждому замыслу позволяет назвать армянскую народную поэзию песнями народа-художника.

Лирика в армянском народном творчестве господствует, но только оригинальностью своих созданий. Рядом с песнями армянский народ создал немало стихов повествовательных (исторических, на темы религиозные и иных) и сказок. Особый интерес представляют они для этнографа, так как отражают нравы, верования и народ-

ный дух разных эпох. В единую эпопею, подобную «Илиаде» и «Одиссее» или «Песне о Нибелунгах», армянские народные поэмы не спаялись. К тому же древнейшие из них, отрывки из которых приводил Моисей Хоренский, утеряны. Те, которые дошли до нас, все относятся уже к эпохам после принятия христианства, и притом сравнительно поздним. Наиболее популярна поэма о Давиде Сасунском (Сасунское княжество процветало одновременно с Анийским княжеством Долгоруких, т. е. XIII—XIV вв.). Давид — олицетворение народных идеалов, герой безмерно сильный, неустрашимо храбрый, глубоко целомудренный, непоколебимо честный, до конца правдивый. Но в поэме придана Давиду и комическая черта, оттеняющая его благородство: наивная простота, в которую переходит его прямодушие и которая нередко доводит героя до самых опасных положений; кроме того, Давид — косноязычен, способен увлекаться, порой совершает явные промахи, — все это сообщает образу жизненную правдивость. Рядом с Давидом очертан в поэме ряд других лиц, в характеристике которых также соединены светлые и темные черты, например, дядя Давида — Ован; даже в «злодее» поэмы, великане Мысрамелике, мелькает кое-что привлекательное. Поэма живо изображает быт своего времени, княжеские усобицы конца средних веков и гнет надвигавшихся мусульман. Несомненно, «Давид Сасунский» создан не без сильного воздействия персидского эпоса (образ Рустема и др.), но армянские сказители внесли в поэму и свои черты, например ослабили чрезмерности восточных образов.

Народная поэзия была в Армении, как мы видим то и у других народов, поэзией устной: ее создания хранились в памяти народа. Поэзия искусственная могла возникнуть только с распространением письменности, которая в Армении утвердилась сравнительно поздно. Тра-

диция приписывает изобретение армянской азбуки свв. Месропу и Сааку, в V в. по Р. X. Существовала ли до той поры армянская письменность (которая могла пользоваться алфавитом греческим или сирийским), — вопрос спорный; по-видимому, существовала, но до нас не дошло никаких, или почти никаких, ее следов. Мы знаем, что древнейшие армянские писатели пользовались иностранными языками, писали или по-гречески, как старейший из них, царь Артавазд II, и как несколько позднейших, чьи сочинения дошли до нас: Агафангел (Агатапгехос, IV в.), Фавст Византийский (Павстос Бюзандаци IV в.) и др., или по-сирийски как (может быть) Зеноб Глак (IV в.). После изобретения письмен возникает национальная литература на родном языке, но уже ее быстрый расцвет заставляет предположить, что ей предшествовали создания армянских писателей не только на чужих языках. Современная наука отказывается допустить, чтобы один и тот же век видел и самое рождение армянской письменности и ее богатое цветение, выразившееся в превосходном переводе Святого Писания (который одним западным критиком назван «царицей переводов») и в последовавшем затем «золотом веке» армянской литературы. Предполагают поэтому, что еще до изобретения письмен существовали зачатки армянской письменной литературы, пользовавшейся или иностранным, или своим, но несовершенным алфавитом (на что есть намеки у различных авторов той эпохи). Но вся эта древнейшая письменность погибла, и для нас армянская литература начинается не ранее, как с V в. по Р. X.

Эпоха, в которую армянская литература возникла, характеризуется в Армении, как, впрочем, и в большинстве других стран, преобладающим влиянием идей христианства. То было начало средних веков, когда складывалось средневековое миросозерцание, полагавшее в

основу религиозное отношение к миру и тот взгляд, что этот мир есть юдоль греха, скорби и скверны, а истинная жизнь начинается за гробом. Средневековое мирозерцание осуждало все земные радости и подлинным благом считало лишь радости духовные, прежде всего радости молитвы, богопознания и, как их увенчание, экстатическое слияние с божеством. Схоластика и мистика — таковы два основных начала всей духовной жизни средневековья, определившие пути науки и искусства. Поскольку духовная жизнь Армении двигалась в направлении духовной жизни Запада, постольку те же начала предопределили дух ранней армянской литературы, в которой властно выразился элемент религиозный и которая к тому же была вовлечена в догматические споры, свойственные всему христианскому Востоку. Благодетельным противодействием такому одностороннему направлению явилось влияние классической греческой литературы, которая с того же V века стала распространяться в Армении в многочисленных переводах, и в VII веке вызвала появление «школы эллинистов». Этому эллинскому влиянию ранняя армянская литература обязана многими из своих лучших созданий, особенно в ряду исторических трудов, не исключая и книги Моисея Хоренского (на котором сказалось, между прочим, влияние Гомера).

Весьма вероятно, что оба указанных влияния отразились и в ранней армянской поэзии. Наряду с религиозными гимнами, надо предполагать, писались в Армении и стихи, образцами для которых были греческие и латинские антологии или поэмы Гомера, Вергилия и александрийских эпиков. До нас, однако, дошла только одна струя этой ранней поэзии: религиозная, и о существовании второй мы должны лишь догадываться. Все «светские» поэмы того времени (что таковые были, нам ка-

жется несомненным) утрачены; сохранились только «духовные» благодаря тому, что известная часть их была принята для церковного употребления. Именно церковь сберегла для будущих веков целый многовековой период армянской лирики, составив особый канон лучших стихотворений разных авторов и своим высшим авторитетом утвердивши за этими стихами право на всеобщее внимание. Сохранилось также и небольшое число стихотворений вне этого канона, главным образом потому, что авторами их признавались те же лица, которым были приписаны и гимны, одобренные церковью.

Сборник, в котором дошли до нас древнейшие религиозные армянские песни, называется «Шаракан». Полагают, что это слово — семитического происхождения и вошло в армянский язык лишь к XII веку; им означает «духовная песнь» и, в смысле собственного имени, та книга, где эти песни соединены. Редакция «Шаракана», известная ныне, выработана, по-видимому, лишь в XIV веке, но ей предшествовали более ранние. Так, есть известия, что сборник духовных песен, прототип будущего «Шаракана», был составлен и одобрен церковным собором еще в VII веке. В современном виде «Шаракан» обнимает религиозные песни, слагавшиеся на протяжении восьми столетий, причем традиция приписывает эти песни двум группам поэтов: древнейшим, от V до VIII века, в том числе — свв. Месропу и Сааку (V в.), Иоанну Мандакуни (V в.), Моисею Хоренскому (V в., по новым исследованиям жил гораздо позднее), католикосу Комиту (VII в.), Барсегу Тчону (VII в.), Иоанну философу (VIII в.), и более новым от XI до XIII в., в том числе — Григорию Мартирофилу (XI в.), Нерсесу Благодатному (XII в.), Нерсесу Ламбронскому (XII в.), Иоанну Ерзынкайскому (XIII в.) и др., всего же восемнадцати авторам. При всей научной спорности этих традиционных

атрибуций, несомненно, что в «Шаракане» имеются наслоения разных эпох, и гимны, приписываемые древнейшим слагателям, отличаются от позднейших как по языку, так по общему складу. В более древних преобладают стихи, впрочем, не подчиненные определенной метрике; в более новых — кадансированная проза, богатая различными звуковыми украшениями (аллитерациями и т. п.). Исследователь (и переводчик на русский язык) «Шаракана», Н. Эмин, отмечает, что в более древних песнях «читателя поражают — простота формы, ясность содержания, оригинальность образов и торжественность тона». Качествами этими особенно выделяются песни, приписываемые авторам V века.

Пробел между ранними и позднейшими гимнотворцами заполняют стихотворения, не включенные в «Шаракан», но пользующиеся огромной популярностью среди армян, — Григория Нарекского, автора X века (951—1003 г.), жившего в царстве Багратидов. Григорий Нарекский, сын выдающегося писателя Хосрова Андзевацийского, автора нескольких богословских трудов, и сам замечательнейший писатель всей своей эпохи, оставил ряд сочинений в прозе: толкования на библейские книги, проповеди и т. д. Но слава Григория Нарекского основывается на сложенных им духовных песнопениях, которые справедливо называются «священными элегиями». До сих пор молитвенник Григория пользуется широким распространением в армянском народе, называясь просто «Нарек». В стихах Григория Нарекского религиозное чувство соединяется с истинным поэтическим вдохновением, и многие аллегорические гимны этого поэта остаются прекрасными, независимо от их богословского толкования. Притом Григорий Нарекский довел до высокого совершенства форму стихов, любовно культивируя «звукоспись» задолго до того, как она расцвела в

лирике персидской и арабской. В этом отношении стихи Григория Нарекского являются предварением «светской» поэзии средневековья. На современников же Григорий Нарекский оказал сильнейшее влияние, и позднейшие поэты «Шаракана» несомненно вышли из его школы.

Из позднейших гимнотворцев «Шаракана» особенно выделяются три поэта: Нерсес Благодатный (+1173 г.), Нерсес Ламбронский (1153—1198 г.) и Иоанн Ерзынкайский (1250—1326 г.). От Нерсеса Благодатного, кроме гимнов, включенных в «Шаракан», дошли до нас и другие поэтические создания: элегии, поэма на взятие Эдессы, стихотворное переложение Евангелия, а также сочинения прозаические. Потомок Аршакидов, впоследствии католикос, Нерсес Благодатный—один из замечательнейших и плодовитейших писателей Армении и имел огромное влияние на умы своего времени. Поэмы Нерсеса Благодатного все проникнуты истинным одушевлением, местами высоко трогательны и написаны с исключительным мастерством, обличающим большого художника, владенного и техникой своего искусства. Есть у Нерсеса Благодатного стихотворения, где каждый стих (точнее два стиха-полустихия) начинается последовательно с новой буквы алфавита. Такая стихотворная игра не мешает свободе и чистоте вдохновений поэта. В элегии на взятие Эдессы около 4 000 стихов написано на одну рифму, но рассказ остается живым, и в речи поэта не чувствуется никакого затруднения. Рассказывают, что многие стихотворения Нерсеса Благодатного (получившего свое прозвище столь же за кротость характера, как за «благодатное» изящество стиля)—импровизации, плоды бессонной ночи, когда поэт, в порыве одушевления, творил одновременно и текст и напев, слова и музыку. А. Чобаньян справедливо называет Нерсеса Благодатного «одним из величайших поэтов церкви», и параллель его гимнам

приходится искать в XIX веке, у Верлена, в его книге «Sagesse».

Нерсес Ламбронский, живший в Киликийском царстве, был один из образованнейших людей всей своей эпохи (XII в.). Он также оставил много сочинений, о которых современные ему европейские авторитеты отзывались с величайшей похвалой. Греки и «франки» называли его «вторым апостолом Павлом» и дивились его святости, мудрости и учености. В стихах Нерсеса Ламбронского меньше непосредственного вдохновения и преобладает рефлексия. То же надо сказать о стихах Ованнеса Ерынкайского (иначе: Иоанна Плуга или из Дзёрдзора), от которого, кроме гимнов, сохранились еще стихи дидактического характера, «Хвала св. Григорию Просветителю» и работы научные: рассуждение о движении небесных тел, грамматический комментарий и др.

Однако все эти поэты религиозного направления — только наполовину поэты. Для них поэзия важна и ценна не сама по себе, а по выражаемым в стихах идеям; поэзия еще не цель, а средство. Иногда непосредственное дарование заставляет и гимнотворцев «Шаракана» как бы забывать о своих дидактических задачах. У Григория Нарекского, у Нерсеса Благодатного, кое-где и у других, встречаются строфы и целые стихотворения, в которых поэт свободно изливает свое чувство. Но почти всегда и таким созданиям поэты придают аллегорическое толкование, хотят, чтобы их слова понимались иносказательно. Таково, например, стихотворение Григория Нарекского об «алмазной розе», в котором мы видим только живую картину природы, но комментаторы признают аллегорическое изображение Богоматери. Кроме того, все эти поэты ограничены в выборе своих тем, посвященных исключительно или библейским сюжетам или выражению чувств благоговейных. Ограничен и однообразен также

выбор образов, большею частью почерпаемых из Святого Писания. Современность этим поэтам как бы чужда: то, что они видели ежедневно, что непосредственно волновало их и всех окружающих, проникало в «духовные песни» лишь случайными намеками. Религиозная поэзия — еще не свободная поэзия, так как поэту заранее указано, о чем и как он должен писать. Вполне свободное художественное творчество в армянской поэзии мы находим лишь в созданиях следующего периода, — в средневековой лирике (XIII—XVI вв.).

3.

Средневековая армянская лирика создалась и окрепла в эпоху после окончательной редакции «Шаракана», в темные времена XIV века. То была эпоха, когда, после двухтысячелетнего, более или менее самостоятельного существования, армянский народ принужден был уступить натиску врагов, надвигавшихся со всех сторон. Оба центра армянской культурной жизни гибли под ударами монголов. Киликийское царство было на краю падения, и в 1375 году последний король Киликийского царства, Левон VI, был захвачен в плен мусульманами. Оплот независимости армянского народа рушился: «окно в Европу» было вновь наглухо заколочено. В то же время, на Севере, как яростная буря, ломавшая все на своем пути, проходили полчища «железного хромца», Тамерлана, которого армянские летописцы именуют Ленктимуром. Вслед за ними должны были нахлынуть орды турок-османов. Ани был разрушен; города и селения лежали в развалинах; жители разбегались. Подступали века тяжелого порабощения, тем более тяжелого, что господами на этот раз являлись не утонченные, хотя бы

и «коварные», византийцы, не персы или арабы, народы, умевшие ценить дары искусства и знания, но дикие турки, чуждые всему, кроме своего слепого фанатизма.

И странно! Именно в эти века в армянской литературе начинает расцветать изысканный цветок чистой лирики. Эпоха была в высшей степени неблагоприятна для всех вообще проявлений литературной деятельности. В то самое время, когда Запад начинал дышать первыми веяниями обновляющего Возрождения, когда в Европе мрачную схоластику прорезывали первые лучи воскресающего античного искусства и оживающей греко-римской науки, когда в средневековое мирозерцание, превыше всего ставившее умерщвление плоти, проникало сияние эллинской жизнерадостности, — в это самое время Армения, силою вещей, была отброшена к самым черным дням эпохи переселения народов, ко дням Аттилы и вандалов. Как в самое раннее средневековье, в Армении той поры, литературе и науке приходилось ютиться и укрываться по уединенным монастырям; совместная литературная деятельность сделалась почти невозможной; литературное общение крайне затруднительным. Самое образование, которое, еще недавно, стояло так высоко в академиях Киликийского царства и в школах царства Багратидов и князей Долгоруких, — было едва ли не уничтожено, так что писателям трудно было даже рассчитывать найти читателей своим произведениям. И действительно, многие отрасли литературы склонили головы перед такими неодолимыми препятствиями, под такими жестокими ударами. Крайне уменьшилась деятельность переводчиков; остановились научные изыскания; история ограничивалась немногим, так сказать, только необходимыми созданиями; даже литература церковно-догматическая значительно обеднела. И только для лирики наступила эпоха нового расцвета, богатой и щедрой

жатвы того, что было посеяно предыдущими веками. И, конечно, именно этими долгими веками культурного развития, напряженностью их духовной жизни, объясняется этот блестящий расцвет самого благородного, самого утонченного, самого хрупкого из всех земных искусств,— чистой субъективной лирики.

Лирика армянского средневековья есть высшее и наиболее самостоятельное создание армянского народа в области поэтического творчества. От европейской поэзии армянская средневековая лирика не стоит почти ни в какой зависимости. Да и что могла дать лирическому творчеству западноевропейская поэзия XIII—XIV вв., еще только зарождавшаяся во всех странах, не исключая и передовой Италии? Несколько большему могла научить поэзия так называемых восточных народов, арабов, персов, которые издавна культивировали чистую лирику. Указывают на различные заимствования армянских поэтов у своих восточных соседей, особенно в области формы. Так, например, армянские средневековые поэты схотны строят целое стихотворение на одной рифме, как арабские; на все лады воспевают розу и соловья, как персидские; пользуются характерными особенностями стихотворной формы «газели» и т. п. Однако уже у поэтов предыдущего периода, у Григория Нарекского, как у гимнотворцев «Шаракана», мы находим и изысканное построение строфы, и многократное повторение одной рифмы, и особенно глубокую игру внутренними созвучиями, ассонансами и аллитерациями,— все то, что обычно считается заимствованием. С другой стороны, армянские поэты безусловно внесли в поэзию новый дух, отличный от господствующего духа характерно-«восточного» творчества: отвергли безудержную цветистость, необузданное накопление красок и безграничное нагромождение образов, что составляет необходимое свойство восточной

поэзии. Вот почему за последние годы в науке выдвигается мнение, что армянская поэзия гораздо менее подвергалась прямому влиянию Востока, нежели думали раньше, что весь культурный мир Передней Азии, в том числе и армяне, совместно работали над созданием того стиля, который стал характерным как для лирики арабов и персов, так и для поэзии армянского средневековья.

Но можно оставить в стороне эти нерешенные вопросы о степени влияния одной литературы на другую. В конце концов это не так важно, ибо никакое благотворительное «влияние» не может создать искусства там, где нет его зерна. Как ни удобрять и ни поливать землю, на ней не всколосится нива, если в почву не были брошены нужные семена. Века культурной эволюции бросили такие семена в душу армянского народа, и в средние века этот сев всколосился, созрел и дал плод в десять раз и сторицей. Сияющая всеми семью цветами радуги, переливающаяся блеском всех драгоценных камней, благоуханная, как полевые цветы, и как изнеженные ароматы, то лепечущая, как лесной ручей, то рокочущая, как горный поток, знающая усладительные слова нежной любви и обжигающие речи торжествующей страсти, всегда стройная, гармоничная, умеющая подчинять части общему замыслу, — средневековая армянская лирика есть истинное торжество армянского духа во всемирной истории. Длинный ряд поэтов, преемственно сохранявших традиции своих предшественников, постепенно вносящих новые элементы в содержание и неустанно совершенствовавших технику, идет от XIII до XVI в. — эпохи высшего расцвета средневековой лирики, которая затем частью замирает в созданиях XVII века, частью перерождается в песни ашугов.

Средневековая лирика тесно связана с религиозной поэзией предыдущего периода и вырастает из нее. На

рубеже стоит творчество Иоанна Ерзынкайского, гимны которого нашли себе место в «Шаракане», а дидактические стихотворения уже характеризуют переход к поэзии свободной, в которой поэт говорит обо всем, что непосредственно волнует его в современности. Но еще отчетливее сказывается это в творчестве поэта, жившего одновременно с Иоанном Ерзынкайским (умер в 1326 г.) и известного под псевдонимом Фрик (XIII—XIV вв., ум. м. б., в 1330 г.). Кто именно был Фрик, пока не выяснено. Есть мнение, отождествляющее его со священником по имени Хачатур Кечареци, который жил в ту же эпоху и также писал стихи; ныне это мнение оставлено. С именем Фрика дошел до нас ряд стихотворений, которые еще не все изданы. Написаны они частью на классическом гробаре, частью — с примесью форм разговорного языка того времени. Последнее — употребление общепонятного языка, вместо того, на который восемь-девять столетий назад было переведено Святое Писание и который уже стал «мертвым» для новых поколений, — составляет характерную черту отличия «средневековых лириков» (термин, конечно, условный) от «религиозных поэтов» предыдущего периода.

Поэзия Фрика еще дидактична, но уже смело подступает к самой жгучей современности. Подхватывая то течение поэзии, которое отразилось в «Элегии на взятие Эдессы» и в исторических рифмованных хрониках, Фрик в своих стихах говорит обо всем том, что видел своими глазами, как непосредственный наблюдатель, о событиях своего века, своего времени, своих дней. Во многих отношениях поэмы Фрика можно назвать сатирами в лучшем смысле слова: поэт с горечью изображает те отрицательные стороны жизни, какие подметил (например, в приведенных у нас двух стихотворениях). Но Фрик и в другом отношении порывает с традициями своих пред-

шественников. «В то время как большинство древних армянских писателей,— говорит А. Чобаньян,— приписывало, следуя примеру библейских пророков, бедствия, постигавшие Армению, наказанию за их грехи, Фрик восстает против самого Господа бога и жалуется на Его несправедливость по отношению к армянскому народу». Поэт как бы начинает грозную тяжбу с Создателем, обвиняя в несправедливом суде и Его, и самую сущность вещей, Судьбу (стихотворение «Колесо Судьбы»). Дух свободной критики впервые загорается в этих стихах армянского вольнодумца XIV в., после той догматической покорности воле Божией, которой проникнуты стихи гимнотворцев «Шаракана».

В стихах Иоанна Ерзынкайского и Фрика армянская лирика освобождается от уз церковности и библейских образов. Оставалось сделать один шаг, чтобы перейти к чисто субъективной лирике. Этот шаг и делает младший современник Иоанна и Фрика,— Константин Ерзынкайский (родившийся в конце XIII и скончавшийся в середине XIV в.). О жизни его мы почти ничего не знаем, и из его произведений дошли до нас только стихи. Тем не менее в истории армянской поэзии Константин Ерзынкайский должен занять одно из самых почетных мест. Он, между прочим, решительно отказался от классического грабара и стал писать на народном, живом языке, который с тех пор стал общепринятым языком лирики (так называемый «средний» или «средневековый» армянский язык). Важнее, однако, то, что поэт заговорил не только на языке жизни, но и о самой жизни, ближе, интимнее, нежели Фрик. Не поучать, не упрекать, не выставить неправду в сатире хотел Константин Ерзынкайский, но — излить в стихах свою душу, с ее радостями и печалью. Среди армянских средневековых лириков Константин Ерзынкайский был и первым, кто коснулся мо-

тивов любви, ставших затем одной из господствующих тем армянской поэзии. Его поэма «Весна», несмотря на упоминание в первой строфе о благодати Всевышнего, исполнена духом почти языческим, дышит необузданным весельем бытия. Аскетический идеал средневековья, взгляд на эту земную жизнь, как на юдоль скорби, уверенность, что радости жизни — скверна и грех, остались где-то далеко позади. По силе, по энергии стиха и языка поэма сделала бы честь любой литературе Западной Европы того века, и Европе даже нечего ей противопоставить. А по духу, проникающему поэму, она, всеми своими частями, принадлежит великому веянию Возрождения, которое тогда едва занималось над передовыми странами Запада, и неведомыми путями было занесено в далекие горы Армении.

По путям, проложенным Иоанном Ерзынкайским, Фриком и Константином Ерзынкайским, пошел целый ряд поэтов следующих поколений, — XIV, XV, XVI вв.: Аракел Багешский, Мкртич Нагаш, Кэробэ, Ованнес (Ерзынкайский), Ованнес Тылкуранский, Саркаваг Бердакский, Григорий Ахтамарский, Газарос (Лазарь) Севастиийский, Нерсес архимандрит и др. Поэзия их только за последние годы обратила на себя внимание исследователей, так что создания средневековой армянской лирики еще далеко не все изданы, собраны и изучены. Разумеется, не все названные поэты обладали равным поэтическим дарованием: одних должно поставить выше, другим отвести более скромное место. Но вся эта поэзия объединена тем же духом, сходной техникой стиха, одинаковыми или похожими формами, в которые выливалось творчество поэтов. В то же время в ней нельзя не отметить определенного поступательного движения, развития, которое вело к совершенствованию техники и к углублению тем. Зерна, брошенные зачинателями сред-

невековой лирики, все принялись и дали ростки. Заимствуя у своих соседей, персов и арабов, некоторые темы и некоторые приемы их разработки, армянские поэты шли своей дорогой, продолжая дело двух Ерзынкайских певцов и, частью, желчного Фрика.

Определенно «восточный» колорит имеет поэма Аракела Багешского (поэта последних десятилетий XIV в.), который изложил стихами диалог между розой и соловьем. Очень возможно, что Аракел Багешский был не первый среди армянских поэтов, избравший такую тему, позднее же целый ряд лириков варьировал ее то ради красочности самих сопоставлений, то влагая в слова диалога аллегорическое содержание. Одна из известнейших поэм такого рода принадлежит Григорию Ахтамарскому, поэту уже XVI в. Историки литературы давно отметили, что образ соловья, влюбленного в розу, — «испокон вечен» в восточной поэзии. Мы его находим особенно часто у персидских лириков, Джелалэддина (XIII в.), Саади (XIII в.), Гафиза (XIV в.) и мн. др., также у арабских и у турецких (позднее). Подражал ли Аракел Багешский какому-либо определенному образцу или воспользовался популярным сюжетом, как общим достоянием (как им воспользовался, например, в русской поэзии в XIX в., А. Фет в диалоге «Соловей и Роза»), пока не выяснено. Несомненно, однако, что армянский поэт внес в поэму и свое, хотя бы в заключительных строфах, где истолковывает диалог аллегорически: соловей — это архангел Гавриил, роза — Богоматерь, царь — Христос. Но и помимо этого внешнего добавления, в армянской поэме есть особая сдержанность, которой чуждались чисто «восточные» поэты.

Иной характер имеет лирика Мкртича Нагаша, — поэта следующего поколения. Мкртич Нагаш родился, вероятно, в самом конце XIV в., т. е. на столетие позже

Ерзынкайских певцов и Фрика и на несколько десятилетий позже Аракела Багешского. Достоверно известно, что Мкртич Нагаш был посвящен в епископы в Сисе, в 1430 г.; смерть поэта относят, предположительно, к 1470 году. Известен Мкртич Нагаш также как художник (самое его имя, Нагаш, по-персидски значит «живописец»), его кисти приписывается много миниатюр в рукописях того времени, и он считается основателем особой школы в миниатюрной живописи. Эпоха, когда жил Мкртич Нагаш, была из числа самых тягостных: он пережил эпидемию моровой язвы, опустошившую Армению, и не менее губительное нашествие Джахан-хана. В этих событиях поэт-епископ принимал близкое участие, всячески стараясь облегчать бедствия населения: посещал больных, выкупал пленных и т. п. Но, исполняя свой долг епископа, находил время и для занятий искусством. Поэзия Мкртича Нагаша во многом подхватывает мотивы Фрика. Но за сто лет, прошедших с его дней, отношение всей Армении к переживаемым ударам изменилось: при Фрике еще была жива память о самостоятельности предшествовавших веков; при Мкртиче Нагаше — мусульманское иго уже стало вековой традицией, рана оскорбленного национального самолюбия, конечно, не зажила, но временно затянулась. Поэтому не только личными особенностями двух поэтов надо объяснять различие их поэзии. Мкртич Нагаш, и в своей общественной деятельности выделявшийся добротой, кротостью, готовностью помогать несчастным, перенес и в поэзию мягкость своей души. Развивая темы Фрика, он не возобновляет его дерзостного спора с Творцом, но с тихой грустью призывает покориться Неизбежному. Поэмы Мкртича Нагаша менее блестящие, менее разнообразные, нежели стихи некоторых других поэтов средневековья, все проникнуто глубоким чувством, и его религиозность выражается интим-

нее, нежели у первых гимнотворцев, и в образах более реалистических.

Мотивы страстной любви, впервые затронутые в лирике Константином Ерзынкайским, были подхвачены в XV в. целым рядом поэтов. Эта вечная тема поэзии, быть может, всего более отвечает самой сущности лирики, искусства, запечатлевающего переживания личные, субъективные, а что сильнее волнует душу, нежели любовь? Расцвет лирики всегда совпадает с культом поэзии любви; так было и в Армении. Наиболее яркие стихи на эту вечную тему, в XV в., писались двумя поэтами, которые оба носили имя Иоанна,—один Ованнес Тылкуранский, другой — просто Ованнес, или Оаннес (может быть, также из Ерзынкайских монастырей). Ованнес Тылкуранский жил во второй половине XV в. и был уже в преклонных годах католикоссом в Сисе, от 1489 по 1525 г. Кроме любовных песен, от Ованнеса сохранились стихи дидактического характера, поучения о страхе смерти, о вреде вина, о ложных друзьях и т. п. Известно, что еще при жизни Ованнес Тылкуранский пользовался, как поэт, высоким уважением современников.

Дата жизни другого Ованнеса неизвестна: вероятно, он жил также в XV в., если не в конце XIV в. Дошло до нас лишь одно стихотворение Ованнеса, но этого достаточно, чтобы сохранить за поэтом самостоятельное место в истории лирики. В Ованнесе нет мудрой рассудительности Нагаша: он весь — порыв, страсть, пламя. Но стихотворение Ованнеса вскрывает такие глубины чувства, которые стали широко доступны поэзии лишь в наш век. Смело можно сказать, что этот, мало кому известный Ованнес, быть может, простой монах, затерянный в армянском (думают: Ерзынкайском) монастыре XIV или XV в., писавший почти без надежды на читателя,— в выражении своего чувства во многом опередил всю со-

временную ему поэзию на 2 или 3 века. Таких криков подлинной страсти нет ни в сонетах Петрарки, жившего на столетие раньше, ни в любовных песенках Ронсара, писавшего, вероятно, на столетие позже. Стихотворение Ованнеса (повторяем, единственное сохранившееся) заканчивается примирительным аккордом. Но не это важно: важно, что поэт нашел такие признания («О, сердце ты мне сожгла»... и т. д.), которые вполне понятны стали лишь в наши дни, после того, как дали свои откровения и Альфред де Мюссе, и Гейне, и Бодлер...

Высшего своего расцвета средневековая лирика достигла в XVI веке, в котором ее наиболее характерным представителем явился Григорий Ахтамарский. Полагают, что он родился на острове Ахтамар, на Ванском озере, по-видимому, в самом конце XV в., был членом местной духовной общины и позднее стал Ахтамарским католиком. Поэт сам указывает, что одно из его стихотворений написано в 1515 году; с другой стороны, он был современником католика всех армян Михаила I (1547—1574 гг.): таким образом жизнь Григория Ахтамарского падает, приблизительно, на годы 1500—1575. Известно, что положение армянского народа в эту эпоху не только не улучшилось, сравнительно с предшествующими, но, если то возможно, стало еще более невыносимым. Посольства армян к государям Европы, в частности в Венецию, к папе, к императору Германии (1547—1550 гг.), не имели существенного успеха, а, напротив, вызвали озлобление в мусульманах. Персы жестоко опустошали армянские области, а турецкие войска, выступившие против персов, продолжали эти опустошения. Некоторым утешением в этих бедствиях могло служить лишь зарождение в европейских армянских колониях первых культурных начинаний: в 1512 г. была напечатана первая книга на армянском языке; в середи-

не века, под руководством католика Михаила, основана первая армянская типография, в Венеции, перенесенная затем в Константинополь. То были первые, слабые ростки грядущего обновления.

При таких тягостных обстоятельствах местной жизни должен был действовать и творить Григорий Ахтамарский. Мы ничего не знаем о других его литературных трудах, кроме стихов, но сохранившиеся его поэмы (общим счетом около 20) показывают в нем, кроме вспышек поэтического гения, незаурядное литературное дарование. Поэмы Григория Ахтамарского всегда глубоко задуманы и, по общей концепции, по стройности выполнения, принадлежат к числу замечательнейших в средневековой лирике. Однако эта стройность плана и затем — христианские идеи, вплетаемые поэтом в стихи, это все, что взял от Запада поэт, всю жизнь проведший в глубине армянского монастыря. Образы, сравнения, весь дух поэзии у Григория Ахтамарского — вполне восточные. Восточным колоритом окрашена его «Песня об одном епископе», вариант жалоб Фрика на несправедливость судьбы. Еще более «восточным» характером отличается «Песня», в которой поэт, прославляя свою милую, подыскивает десятки ярких уподоблений, сравнивая ее с солнцем, луной, утренней звездой, с драгоценными камнями, с благоухающими деревьями, с блистающими цветами, со всем, что прекрасно в мире. Эта пышная поэма, насыщенная напряженностью страсти, по восточному цветиста и сама похожа на горсть самоцветных камешков, отливающих всеми цветами радуги. Духом восточной поэзии проникнута и песня Григория Ахтамарского «О розе и соловье».

К XVI в., вероятно, относится и поэзия Наапета Кучака. Теперь установлено, что он не имеет ничего общего, кроме имени, с тем поэтом Кучаком, который жил в на-

начале XVI в. в области Вана; Наапет Кучак, по-видимому, был родом из окрестностей Акина (Эгины), так как стихи его, по языку, по складу, по отдельным выражениям близко напоминают местные народные песни. Но кто бы ни был исторический Наапет Кучак и на какие бы годы, точно, ни падала его жизнь (во всяком случае, он жил в конце средневековья), — стихи его остаются прекраснейшими жемчужинами армянской поэзии. Среди всех средневековых лириков Кучак выделяется непосредственностью и безыскусственностью своих вдохновений. Это, между прочим, даже подало повод к мнению, что Кучак был только собирателем народных песен, тем более, что в его стихах встречаются мотивы и целые стихи, бесспорно принадлежащие народной поэзии. Такое мнение опровергается, однако, явным оттенком некоторой книжности (не в дурном смысле слова), лежащем на других стихах Кучака: он мог пользоваться народными песнями, как материалом, но многое обрабатывал самостоятельно и своеобразно.

Литературное наследие Наапета Кучака сравнительно богато. До нас дошли от него: гномические отрывки, — обычно — четверостишия, песни любовные и ряд трогательных песен изгнанника. Гномы Кучака представляют характерные образцы восточной мудрости. Большею частью, это — те же мысли, воплощенные в сходные символы, какие находим мы в поучительных стихотворениях персидских поэтов: о непрочности житейских благ, о гибельности лжи, о предпочтительности молчания и т. п., — но все это овеяно христианским отношением к миру. Несколько гномических четверостиший Кучака приведено в нашем сборнике. Представлены в нем и песни изгнанника Кучака, — в популярном стихотворении о журавле («Крунк», — впрочем, принадлежность этого стихотворения Кучаку оспаривается). Однако са-

мое драгоценное среди созданий Кучака — его любовная лирика. Его стихи о любви все очень невелики по размерам, часто вложены в форму четверостишия, этого «сонета Востока», как давно было сказано. Чисто восточным колоритом отмечены и образы Кучака, — яркие, блистательные, порой преувеличенные и неожиданные. В стихах чувство страсти преобладает над чувством духовной любви, — тоже черта, роднящая Кучака с восточной поэзией. Но его сила и его очарование — в глубокой искренности его стихов. Это не искусственные рассуждения на избранную тему, не теоретическое или аллегорическое воспевание некой «милрой», которой, может быть, и не существует в мире. Нет, стихи Кучака — свободные излияния души, признания в том, что поэт действительно извещал, записанные по мере того, как их подсказывала сама жизнь.

А. Чобаньян, у которого мы заимствуем некоторые черты этой характеристики, проводит параллель между поэзией Кучака и стихами наиболее прославленных поэтов Востока. Лира Саади, Гафиза и даже Омара-Хайама служила царям и вельможам; эти поэты были придворными, их поэзия отзывается двором, блещит дворцовым лоском. Этого нет в простых песнях Наапета Кучака. Он независим в выражении своих чувств; он ближе к уличной толпе, нежели к дворцовым ступеням; его голос звучал не для «сильных мира сего», а в народных собраниях. Единственный султан, перед которым Кучак склонял голову, была его вечная и властная повелительница — любовь. А. Чобаньян предпочитает сравнивать Наапета Кучака с поэтами XIX в., с Гейне и Верленом, и это справедливо. В XVI веке Кучак дал в своей поэзии образцы истинной лирики, в том смысле, как это слово мы понимаем теперь, — поэзии интимной и свободной, личной и ставящей себе лишь одну цель: выразить чувство, владеющее поэтом в данный миг.

XVII век был эпохой, когда армянская средневековая поэзия замирала. Все безотраднее становилось положение Армении; лучшие силы страны покидали ее, — искали приюта на чужбине. Вырастали и крепились армянские колонии, где должна была зародиться новая жизнь, засветить новое армянское Возрождение. В пределах же древней Армении, опустошаемой, систематически обезлюдиваемой политикой султанов и шахов, почти не оставалось места для литературной работы. И все же за стенами монастырей находились трудолюбцы, которые брались за перо, чтобы переписать рукописи более счастливого прошлого и чтобы продолжить работу своих предшественников. В частности не замолкал и голос поэзии. Несколько поэтов-монахов выступило в Армении именно в XVII в., и бедные звуки их поэзии служат лучшим доказательством той силы народного духа, которую не могли сломить никакие испытания.

На самом рубеже века стоит Иеремия Кемурджиан, родившийся в 1600 г. То был довольно плодовитый писатель, много переводивший с латинского и греческого, писавший также по вопросам богословским, автор «Истории Оттоманской империи», армянской истории (современные ему события), географии и мн. др. сочинений, написанных на классическом грабаре. Между прочим, Кемурджиан писал также по-турецки и подарил турецкой литературе перевод отрывков из истории Моисея Хоренского. Но несомненно Кемурджиан был и поэтом. Кроме стихотворной «Истории Александра», он написал ряд лирических стихотворений, по-армянски (на народном языке) и по-турецки. В своей поэзии Кемурджиан продолжал традиции средневековой лирики и в его стихах слышен подлинный голос души. Особенность лирики

Кемурджиана состоит в том, что славит она преимущественно чувство разделенной любви, радость не только любить, но и быть любимым. Одно из таких стихотворений воспроизведено в нашем сборнике.

Значительнее и оказала большое влияние — поэзия Нагаша Ионатана (или Овнатана), который жил уже в конце века и умер в 1722 году. Ионатан, как и Мкртич, был художник, чему оба обязаны одинаковым прозвищем: Нагашу Ионатану принадлежат прекрасные фрески в Эчмиадзине. Песни Ионатана все славят любовь и проникнуты какой-то особенной солнечностью. Местами в них чувствуется как бы легкая ирония, словно сам поэт чуть-чуть улыбается над уже изжитыми формами средневековой лирики; но все же в этих песнях столько ликования, такие смелые реалистические штрихи, что они захватывают читателя непобедимо. По приемам творчества, этот поэт-монах почти вполне совпадает с той народной поэзией ашугов, которая в ту эпоху начинала получать широкое распространение в Армении. Нагаш Ионатан — один из последних поэтов-монахов и один из первых поэтов-ашугов. В этом — историческое значение его поэзии, которой, в нашем сборнике, мы даем три образца: три «песни любви».

Но уже на смену умиравшей монастырской поэзии выступала поэзия ашугов. Народные певцы, рапсоды, существовали в Армении с незапамятной древности; об них упоминает еще Моисей Хоренский. Армяне, этот «народ-художник», любили, чтобы все празднества сопровождалось песней. На семейных торжествах, вроде свадеб, крестин и т. п., в народных собраниях, просто на базарах и в кофейнях — певцы всегда были желанными гостями. Им уделяли почетное место на пире; их музыкальным инструментам (каманча, саз, тар и др.) отводили почетное место на особой полке; когда разда-

валась песня, все смолкали, прислушиваясь внимательно. Издавна существовал и обычай состязания между певцами: ашуги поочередно пели песни своего сочинения, и побежденный, обыкновенно, уступал свою каманчу победителю. Возможно, что многие из песен, сохранившихся до сих пор в памяти народа и относимых нами к «народной поэзии», были сочинены именно ашугами для одного из таких состязаний. Но долгое время никто не задумывался над тем, чтобы записать и сохранить эти импровизации. Песни жили только в памяти самого слугателя и тех, кому сам автор передавал их: со смертью этих немногих — песня исчезала, забывалась, за самыми редкими исключениями.

Только к XVIII в. выработался новый тип ашуга-поэта, народного певца, который дорожит своими вдохновениями и хочет сохранить их. Вместе с тем такой ашуг, — до известной степени, конечно, — стал уже человеком книги, т. е. знакомым с поэзией прошлого. Завещая свои стихи будущему, он, естественно, начинал интересоваться прошлым. Наконец, повысились и требования некоторой части народа. От певца стали требовать, наряду с традиционными элементами песни, чего-то большего: оригинальности и строгости формы, глубины содержания. Появились придворные ашуги, певцы, певшие при дворе грузинских царей, где армянский язык получил распространение, рядом с грузинским. Так последовательно, под влиянием роста самих певцов и культурного роста народа, создался тип ашуга-поэта, подхватившего традицию средневековой армянской лирики и поведшей ее дальше, по новым путям. Одним из первых ашугов нового типа был певец Степаннос (живший, вероятно, в XVII в.), песни которого, частью, дошли до нас.

Певцом, вознесшим поэзию ашугов на недостижимую до него высоту, был Саят-Нова; мощью своего гения он

превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта. Можно сказать, что все, что сделали предшественники Саят-Новы, ничтожно перед его подвигом и как бы померкло в лучах его славы. Саят-Нова первый показал и доказал своим примером, какая сила таится в голосе народного певца, — показал, что этот певец не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророк, как бы ни казались легкомысленны темы его песен. Саят-Нова воспринял манеру своих предшественников, но придал ей чекан совершенства, и вдруг стало ясно, какое богатство, какая роскошь скрывается в той песне ашуга, к которой многие относились слишком поверхностно. В то время как умирала монастырская поэзия ученых монахов, Саят-Нова дал почувствовать, что армянская поэзия жива: она только ушла из монастырских стен в народ и зазвучала в свободных песнях ашуга, распеваемых на базарах, на площадях и на семейных торжествах, в скромных домах простолюдинов.

Саят-Нова наполнил своей жизнью весь XVIII в., так как родился в Тифлисе, в 1719 году, а умер (был убит), там же, в 1795 году. Подлинное имя поэта — Арутин; Саят-Нова — псевдоним, означающий, согласно с исследованием Ов. Туманяна, «царь песнопений» или «владыка музыки» (на языке индустани, который был широко известен в Передней Азии). Отец отдал маленького Арутина учиться к ткачу, но мальчик с ранних лет мечтал стать ашугом: он в свободные минуты убегал слушать состязания певцов и сам учился играть на каманче, на чонгуре и на таре. Рано стал Арутин и сочинять песни, которые распевал сначала в домах родственников, потом — у знатнейших тифлисцев, которые приглашали к себе талантливого юношу. Успех побудил Арутина окончательно отдаться ремеслу певца; он принял имя Саят-Нова и скоро сделался любимейшим ашугом во всем

Тифлисе. Сколько можно судить по самим сочинениям Саят-Новы, он успел приобрести довольно обширные познания: в его стихах затрагиваются вопросы довольно сложные, упоминаются различные страны и народы, чувствуются отзвуки поэзии персидской, у которой, между прочим, Саят-Нова заимствовал форму своих песен. Кроме того, Саят-Нова знал много языков; он писал свои стихи не только по-армянски, но также по-грузински и по-турецки: до нас дошло 115 стихотворений Саят Новы, написанных по-татарски (по-армянски только 46), а грузины считают его своим поэтом.

Дальнейшая жизнь Саят-Новы еще не достаточно исследована. Известно только, что он пользовался покровительством грузинского царя Геракла II, который высоко ценил дарование Саят-Новы и сделал его своим придворным певцом. При дворе грузинского царя разыгрался и основной роман знаменитого ашуга: его любовь к грузинской царевне, которой посвящено большинство его стихотворений. Позднее, уже в немолодых годах, Саят-Нова покинул блестящую жизнь при дворе и вступил в монастырь Сурб-Нишана, в Агбаде; это решение поэта связывают со смертью его жены Мармар, в 1770 году. В монашестве Саят-Нова принял имя Давида, и, согласно с новейшими архивными разысканиями Ов. Туманяна, был возведен в сан тифлисского епископа. Этот сан был дан бывшему ашугу католиком исключительно по настоянию царя. Но и за монастырской стеной епископ Давид не мог победить в себе влечение к поэзии: он продолжал писать стихи и тосковал по публичным состязаниям. Говорят, новый епископ иногда переодевался в одежду ашуга, тайно уходил из монастыря, пробирался в Тифлисе и все-таки выступал перед народом, как певец. Так, однажды, узнав, что в Тифлисе появился новый

ашуг, затмевающий всех других, старик Саят-Нова не устоял перед желанием померяться с ним силами, надел свое старое платье бродячего певца, взял свою каманчу и, явившись на состязание, одержал победу над молодым соперником. Сохранилась переписка, в которой католикос жалуется царю на такое поведение епископа Давида, указывая на соблазны, проистекающий отсюда для народа; престарелому поэту грозило лишение сана, но царь попросил оставить своего любимого певца в покое.

В 1795 году Ага-Махмут-хан персидский обложил Тифлис, и населению угрожала жестокая резня. Узнав об этом, престарелый ашуг, он же — епископ Давид, покинул свой уединенный монастырь и поспешил в столицу, чтобы спасти свою семью. Ему удалось удалить из города своих детей в Моздок, где они были в безопасности. Но сам Саят-Нова или не успел уехать или не захотел покинуть своих сограждан в беде. Как бы то ни было, Саят-Нова был в Тифлисе в тот день, когда город был взят персидским полчищем. Поэт-епископ, вместе с толпой народа, молился на коленях в соборе. Персы потребовали, чтобы все вышли из церкви и приняли ислам. Саят-Нова отвечал одним стихом по-татарски:

Из храма, нет! не выйду я, не отрекусь я от Христа!

Мусульмане вытащили старика из собора силой и убили его на пороге. Теперь на этом месте поставлена мраморная доска, на которой вырезаны даты рождения и смерти Саят-Новы и его три стиха:

Не всем мой ключ гремучий пить,— особый вкус ручьев
моих!

Не всем мой писанья чтить,— особый смысл у слов моих!

Не верь: меня легко свалить,— гранитна твердь основ
моих!

Содержание стихов Саят-Новы на первый взгляд — однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотворений. Но какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность! Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаянья к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника! Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков». Он, в XVIII в., как бы уже исполнил завет, столетие позже данный Верленом: «*Pas la couleur, rien que la nuance!*» Да, не надо ярких красок! Истинный поэт дает читателю или слушателю почувствовать все — лишь силу едва заметных переходов одного цвета к другому. Но как, в то же время, остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти «оттенки»: их воспринимаем мы как самые яркие цвета, с которыми не могут соперничать никакие мазки менее удачливых (скажем прямо: менее гениальных) поэтов, накладывающих краски слишком густо. Тонкой и нежной кистью живописал Саят-Нова, и тем больше очарования в его всегда пленительных стихах.

Саят-Нова утвердил, освятил для песен ашугов особую форму стихов, приближающуюся к персидской «газели»; после того эта форма стала излюбленной и господствующей у всех певцов. Непременное повторение одного и того же слова (или нескольких одинаковых слов) в конце целого ряда стихов, требуемое этой формой, само уже принуждает поэта искать разнообразия в однообразии. Но в то же время эта форма, почти независимо от поэта, дает особую звучность, углубленную певучесть его стихам. У Саят-Новы соединяется с этим чуткая заботливость вообще о звуковой стороне стиха. Песни Саят-Новы исполнены ассонан-

сов, аллитераций, повторных и внутренних рифм: он один из высших мастеров «звукописи», каких знала мировая поэзия. Вместе с тем он и — дивный эвритмист, умеющий находить новизну напева в общеупотребительных размерах. В этом последнем отношении Саят-Нову можно сравнить, в нашей поэзии, с К. Д. Бальмонтом. У последователей и подражателей Саят-Новы многие особенности его поэзии выродились в условность: изысканная форма сселась к мертвым повторениям, напевность — к пустой игре звуками, тонкая смена оттенков — к скучной монотонности содержания. Но у самого Саят-Новы все оживлено и одухотворено силой подлинного поэтического гения. Поэт был прав, когда заявил горда (это — гордость, создавшая «Памятник» Горация и Пушкина!): «гранитна твердь основ моих!» Хочется верить, что и к памятнику Саят-Новы «не зарастет народная тропа». Такими поэтами, как Саят Нова, может и должен гордиться весь народ; это — великие дары Неба, посылаемые не всем и не часто; это — избранные Провидения, кладущие благословение на свой век и на свою родину...

Мощное развитие поэзии ашугов в стихах Саят-Новы, конечно, вызвало к жизни множество последователей и подражателей. Быстро создавалась «школа Саят-Новы», и, в сущности, до самых наших дней, армянские ашуги все подчинены его неодолимому влиянию, вращаются в кругу им очертанной орбиты. Вот почему нет надобности ближе останавливаться на отдельных представителях поэзии ашугов конца XVIII и XIX в. Среди них были певцы талантливые, сумевшие сказать свое слово; немало было среди них поэтов с настоящим даром песнопения, создававших напевные, ласкающие слух строки. Но из пределов, захваченных во владение поэзии ашугов Саят-Новсй, никто из них, — как кажется, — не вышел. Все остались талантливыми учениками, — не больше. До-

бавим только, что число ашугов, т. е. тех из них, которые стали собирать и записывать свои песни, в XIX в. весьма значительно, и что эта лирика представляет большой интерес, исторический и эстетический.

Отметим только двух из позднейших ашугов, у которых сильнее, чем у других, звучит нечто свежее, новое: это Лункианос и Дживани. Первый из них, Лункианос, родился в самом конце XVIII в. в Эрзеруме, провел несколько лет в монастыре, потом оказался в Египте, служил секретарем у Ибрагима-паши, но, покинув его, отдался бродячей жизни, полной всевозможных лишений, причем побывал, между прочим, в Петрограде, и умер, в середине прошлого века в деревне Вареван. Дживани — уже наш современник; он родился в 1846 г., близ города Ахалкалаки, рано сделался бродячим певцом, ашугом, организовал даже целую труппу певцов и пел свои песни, с огромным успехом, в Александрополе, в Тифлисе, в Баку, в Батуме, в Карсе; скончался Дживани в 1909 году. Поэзия Лункианоса замечательна своим мистическим оттенком, мало обычным в песнях ашугов. Поэзия Дживани более разнообразна, разносторонняя; поэт в своих песнях касался самых различных тем, — из певца любви становился моралистом, воспевал современные ему события, злобы дня, и писал застольные песни и т. п. Между прочим, язык Дживани — уже современный литературный язык, и вообще на песнях Дживани сказалось книжное влияние. Среди несомненных подражаний Саят-Нове и некоторым новым поэтам, Дживани создал несколько истинно прекрасных стихотворений, которые, вероятно, останутся в армянской поэзии навсегда.

Но поэзия Лункианоса и Дживани относится уже к следующему периоду. Раньше, чем ашуг Дживани начал слагать свои песни, возникла, выросла и окрепла новая армянская поэзия, — поэзия не народных певцов, но

книжная, «искусственная», как обычно (и, конечно, неправильно) ее называют. На Западе, в Константинополе и в европейских колониях армян, и в пределах России, как в армянских областях, прежде всего в Тифлисе, так особенно в армянской колонии в Москве,— началось развитие новоармянской литературы, восстановившей связь армянской литературы с мировой. Выработан был новый литературный язык (точнее: два новых литературных языка или наречия, одно — у западных армян, другое — у русских), и ряд поколений армянских писателей принял на себя трудную, ответственную, но и благодарную задачу,— усвоить армянскому народу все то, что европейские литературы успели свершить за несколько веков, в течение которых Армения была отрезана от общекультурной работы человечества.

5.

Возрождение армянской литературы тесно связано с деятельностью конгрегации мхитаристов, основанной Мхитаром Себасти (1676—1749) в Константинополе, но упрочившейся в Венеции. Из этой коллегии вышел длинный ряд ученых, писателей и вообще деятелей просвещения. Мхитаристы издали словари и грамматики армянского языка (древнего), сочинения по истории Армении, переводы классиков европейской литературы на армянский язык и много др. сочинений, оказавших могущественное влияние. Позднее часть мхитаристов основала особую коллегию в Вене и продолжала там ту же полезную деятельность. Из рядов мхитаристов вышли и первые новоармянские поэты, в том числе Багратуни и Алишан. Первый, Арсен Багратуни (1790—1866 гг.), был представителем лжеклассицизма, еще господствовавше-

го в его время в европейских литературах. Второй, Геонд Алишан, также не избег этого влияния, но постепенно освобождался от него, что выразилось, между прочим, и в переходе от классического грабара (на котором написаны все более ранние стихотворения Алишана) к новому языку (константинопольскому наречию).

Геонд Алишан (1820—1901 гг.) оставил много ценных научных работ,—по истории, археологии, географии и т. п. Но он был и выдающимся поэтом, стихи которого составили в общем 5 томов. В технике стиха Алишан достигал большого совершенства, и его произведения до сих пор сохраняют любовь значительного числа читателей, как искренние и красивые вдохновения. Алишаном написано немало религиозных стихотворений, молитв и гимнов; есть поэмы, посвященные историческому прошлому Армении; есть живые описания природы; особую глубину стихам Алишана придает его трогательная любовь к родине, воспламенявшаяся судьбой поэта, живущего на чужбине. Одно из наиболее удачных стихотворений Алишана — его песня «Раздан», в которой «вечная» тема поэзии — возвращение изгнанника в родной край,—оживлена и согрета сильным чувством армянина-патриота.

Однако истинными основателями «школы турецких армян» (или константинопольской) в новоармянской литературе должно признать двух поэтов следующего поколения: Пэшикташляна и Дуриана,—поэтов, творчество которых уже всецело пользовалось новым языком. Чтобы правильно оценить их деятельность,—также как и деятельность работавших параллельно с ними зачинателей «школы русских армян», должно представить себе огромность и трудности выдвигавшихся задач. Предстояло, прежде всего, сделав выбор из разнообразных диалектов, выковать новое орудие литературной, в част-

ности поэтической, речи: иначе говоря,— предстояло создать язык: угадать единство в противоречивых элементах народных говоров, приспособить этот язык для выражения всех оттенков утонченной мысли, сделать его пригодным для отражения всех порывов души совершенного человека. Конечно, эту задачу разрешали совместно и прозаики и поэты, но на долю тех, кто писал стихами, выпала наиболее ответственная ее часть: придать языку красоту при сжатости выражений. Рядом стояла другая задача, не менее огромная и не менее трудная: усвоить возникавшей новой армянской поэзии все завоевания европейских литератур, которые к середине XIX века пережили длинную эволюцию, изжив, одна за другой, школы псевдоклассицизма, сентиментализма, романтизма и уже вступив в период господства реализма. В Европе уже были и Гете и Шиллер, и Виктор Гюго и Мюссе, и Байрон и Шелли, не говоря о более ранних творцах: предстояло основные черты созданного ими сроднить и с армянской душой. Наконец, первые новоармянские писатели не имели права быть только художниками: положение родины обязывало их в той же мере быть трибунами, глашатаями полузабытых истин, будить народное самосознание, живить и одухотворять любовь к родному краю, посильно врачевать многовековые раны нации, укреплять в ней силы для борьбы и поддерживать веру в лучшее будущее... Только помня эти великие задачи, из которых ни одной нельзя было пожертвовать, можно справедливо оценить сделанное Пэшикташляном, Дурианом, Патканьяном, Шах-Азизом и др. «зачинателями», сумевшими пребыть и истинными поэтами.

Мкртич Пэшикташлян (1828—1868 гг.) был прямым учеником Алишана, так как воспитание получил в обители мхитаристов. Но в монашеский орден Пэшикташлян

не вступил, и потому его жизнь прошла более бурно, подверженная всем волнениям страстей, надежд и разочарований. Во внешнем отношении жизнь Пэшикташляна была полна тяжелых испытаний; между прочим, изведаль он и борьбу с материальной нуждой; но поэт не запятнал своего образа никаким угодничеством перед сильными. Он прожил свою жизнь скромно, но с достоинством, работал как учитель и был боготворим учениками, знал неудачную любовь, но нашел утешение в светлой дружбе, и, благодаря своему ясному, приветливому характеру, приобрел гораздо больше друзей, нежели противников. Уже при жизни избранные круги общества сумели оценить творчество Пэшикташляна, и в дни его последней, предсмертной болезни множество лиц постоянно осведомлялось о его здоровье, что крайне трогало скромного поэта.

Наибольшую популярность имели трагедии Пэшикташляна, особенно те, сюжет которых взят из армянской истории; несмотря на условность формы, драмы эти имели облагораживающее значение возвышенностью своего содержания. В лирике — лучшие вещи Пэшикташляна те, в которых дышит патриотичное чувство: поэт умел подходить к таким темам не банально и каждый раз придавать своим стихам привлекательность новизны. Но и как поэт природы Пэшикташлян имеет право на внимание, так как он ее понимал и любил, «дышал одною жизнью» с ней. Темам любви также отведено значительное место в поэзии Пэшикташляна. Ю. Веселовский в очерке о творчестве Пэшикташляна справедливо говорит, что «поэт обладал необыкновенною способностью соединять в своих эротических стихотворениях восточную роскошь красок с мирозерцанием и духовным миром культурного европейца». В этом отношении Пэшикташлян являлся истинным продолжателем основной тради-

ции древней армянской поэзии. Остается добавить, что в поэзии Пэшикташляна сказывается влияние Гейне и Мюссе и некоторых других поэтов XIX века и что поэтический язык в его стихах еще носит следы раннего периода своего образования.

Совершенно иного типа была личность Петроса Дуриана (1851—1872 гг.), поэта следующего поколения, умершего почти 20-летним юношей и прорезавшего небосклон армянской литературы как яркий метеор. Родившись в бедной семье константинопольского армянина, учившийся только в народной школе, не имевший никаких покровителей или влиятельных друзей, Дуриан одному себе обязан и своим образованием и своими успехами в литературе. Страстный, порывистый, но настойчивый, Дуриан всю жизнь боролся и с нуждой, и с непониманием современников, и с мировыми предрассудками, свойственными не одним только армянам. Автор ряда драматических произведений, выступавший на сцене и как актер, Дуриан наиболее силен как лирик; но лирика всегда — голос молодости, и ранняя кончина Дуриана не позволяет судить, каким мог бы он стать драматургом, если бы мог творить уже после опыта жизни.

Романтик, и по убеждениям, и по природе, Дуриан в своих, сравнительно немногочисленных песнях, прокричал миру о своей страстной любви к родному народу, о своей вере в самого себя, о своих страданиях, которые были бы страданиями каждого мыслящего человека в окружавшей поэта среде, и, наконец, бросил (в стихотворении «Упреки») свой вызов Богу, несколько романтически-преувеличенный, но захватывающий душу искренностью и глубиной чувства... Юноша Дуриан остается в истории армянской поэзии как яркий, огненный штрих: среди других, более спокойных поэтов, он пока-

зал, что значит в творчестве «темперамент», сила непосредственных переживаний, часто не только заменяющих «школу», «технику», но безмерно возвышающихся над ними... В этом — историческое значение творчества Дуриана, особенно важное, и именно для поэзии «турецких армян», последующие деятели которой порой грешили излишней выдержкой, клонясь к холоду парнасизма и ставя себя идеалом его «непогрешимость». Впрочем, многие стихотворения Дуриана и по форме достигают большой изысканности: особенно же изящно умел поэт строить строфу, в чем учителями ему служили его любимейшие французские поэты: Виктор Гюго и Ламартин.

Наряду с Пэшикташляном и Дурианом в школе «турецких армян» работало немало других поэтов, деятельность которых падает на два средних двадцатипятилетия XIX в. (между 1825 и 1875 гг.). Среди этих поэтов, безусловно, были писатели с дарованием, произведения которых не прошли бесследно для армянской литературы. Из более ранних, таковы — Галфаян (Хорен Нар-Бей, 1831—1892 гг.), также член общины мхитаристов, впрочем, впоследствии выступивший из нее, и Ачемьян (р. в 1838 г.), драматург и лирик, автор нескольких красивых стихотворений. Как эти два писателя, так и некоторые из их преемников (назовем: Восканиана, Руссиньяна, Церенца; в «Смирнской школе»: Мамуриана, Отиана, Парониана, Дэмичибашьяна), бесспорно, — писатели с дарованием. В их произведениях новоармянский язык вырабатывался, очищался и обогащался новыми словами и оборотами. Одновременно с тем, деятели школы «турецких армян», не по сознательному методу, но просто подчиняясь влечению личных симпатий, «пересаживали», так сказать, на армянскую почву цветы западной поэзии, особенно французской. В ряде прямых переводов, сознательных подражаний и невольных реминисценций,

эти поэты усвоили армянской поэзии мотивы французских романтиков и, отчасти, парнасцев: В. Гюго, А. де-Виньи, А. де Мюссе, Ламартина, Сюлли-Прюдома и мн. др. Такая деятельность и подготовила богатый расцвет последующего периода этой школы (конец XIX и начало XX века). Ряд поэтов (мы не будем здесь перечислять их имена), с большим совершенством разработал технику, обточил стих, обострил рифму, испробовал все формы (с особой любовью культивируя сонет) и передал в руки следующего поколения превосходно настроенный инструмент, способный выразить всю гамму раздумий и чувствований современного человека.

Иными путями шло развитие школы «русских армян», деятели которой выступили на литературное поприще позднее. В то время как на Западе, благодаря деятельности мхитаристов, уже с XVIII века существовала новая армянская литература, хотя и пользовавшаяся для своего выражения мертвым грабаром, русские армяне долгие годы не имели, строго говоря, свей литературы (если не считать совершенно разрозненных попыток издания некоторых учебников, рукописных сочинений и т. п.). Только к середине века вполне созрела потребность дать литературное выражение новому народному духу и, приблизительно около той же эпохи, когда западные армяне стали делать попытки писать на константинопольском наречии, у русских армян возникло первое произведение на араратском наречии, ставшем затем общепринятым: то был роман Хачатура Абовяна (1803—1848 гг.), «Раны Армении», написанный в 40-х годах (но напечатанный лишь в 1858 г.). Затем, в 50-х годах было положено основание периодической печати на разговорном языке: в 1850—1851 годах, в Тифлисе, Габриэл Патканьян (отец будущего поэта) издал первый, в России, армянский журнал «Арарат»; в 1858 году воз-

ник, благодаря энергической деятельности С. Назарьянца и М. Налбандьяна, в Москве, другой армянский журнал «Северное Сияние», продержавшийся несколько лет; Г. Арируни была основана в 1872 году, в Тифлисе газета «Мшак», издающаяся и поныне... Эти издания вызвали к жизни целую литературу: публицистических статей, рассказов, также романов и стихов. Из первых деятелей литературы, среди русских армян, должны быть отмечены имена Раффи (1835—1888 гг.), стяжавшего большую и заслуженную популярность своими, широко задуманными романами, Габриэла Сундукяна (1825—1912 гг.), не менее известного создателя армянского театра, автора превосходных бытовых драм, Перча Промьянца (роман «Сос и Вартитер»; 1860 г., написанный, однако, на аштаракском наречии), и, наконец, зачинателей новой поэзии—Р. Патканьяна и С. Шах-Азиза.

Рафаэл Патканьян (1830—1892 гг.) вышел из семьи, преданной литературным интересам. Дед поэта, Керовпэ, выходец из Константинополя, учившийся у мхитаристов в Венеции и затем поселившийся в Нахичевани-на-Дону, сочинял песни, охотно распевавшиеся современниками. Отец поэта, Габриэл, по сану — священник, тоже писал стихи и еще больше времени отдавал публицистике, основывая (как мы указывали) первый, в России, армянский журнал. Брат поэта, Микаэл, также немало поработал в литературе: кроме статей публицистического характера, он писал комедии и организовал первый, в Тифлисе, публичный театр; двоюродный брат поэта, Керовпэ, занимал в Петроградском университете кафедру армянской словесности и истории, оставил ряд научных трудов и ряд стихотворных переводов европейских классиков. Габриэл Патканьян с ранних лет поощрял литературные интересы в своих детях, так что будущий поэт с детства дышал атмосферой литературы. Между прочим,

отец сам поправлял его отроческие стихи и, позднее, некоторые из них напечатал в своем «Арарате». Начальное образование Рафаэл получил под руководством отца, так как тот содержал в Нахичевани школу; затем, в 1843 г., будущий поэт перешел в Московский Лазаревский институт (основанный в 1815 г.); наконец, с 1852 г., слушал лекции в Юрьевском университете. За эти школьные годы Патканьяном было написано множество стихотворений: самые ранние — на грабаре, последующие — на разговорном языке, однако, смешанном из разных диалектов (эриванском, новонахичеванском, астраханском), и только относящиеся к концу этого периода — на том «новом литературном языке», который тогда стал завоевывать права гражданства. Многие из юношеских стихотворений Патканьяна исполнены одушевлением молодости и поныне охотно поются армянской молодежью. Но серьезная литературная работа началась для Патканьяна лишь с середины 50-х годов.

В 1855 г., Патканьян, вместе с несколькими товарищами издал первый сборник стихов (под псевдонимом Гамар-Катипа), возбуждавший общее внимание; эпиграф книжки гласил: «пиши так, как говоришь, и говори так, как пишешь» (Карамзин). Стихотворение «Слезы Аракса», появившееся вслед за тем, сделало имя молодого поэта популярным, и эта популярность росла с появлением новых стихотворений и новых книг Патканьяна. Одно время он издавал, в Петрограде, армянский журнал «Север»; но скоро прекратил его, переселился в родной город и здесь, подобно своему отцу, занялся педагогической деятельностью, так как одна литература еще не могла в то время обеспечить жизнь армянского писателя. Но задушевным делом Патканьяна оставалась все же литература: он продолжал деятельно сотрудничать в армянских периодических изданиях, и его стихи тотчас

становились достоянием всего народа, видевшего в Патканьяне своего национального поэта. Рано перешли его стихи и в школу, так что дети воспитывались на его поэзии. Последние годы жизни Патканьяна были окружены всеобщим признанием и почитанием, в котором исчезли голоса отдельных недоброжелателей, раздраженных обличительными сатирами поэта. Однако материальное положение уже знаменитого писателя все же оставалось необеспеченным; чтобы дать возможность Патканьяну серьезно лечиться от грозного недуга, пришлось прибегнуть к общественной помощи... Необходимые средства были собраны, но спасти поэта уже не удалось: он скончался в родном городе и там же похоронен, хотя выражал желание покоем в Эчмиадзине, где теперь воздвигнут Патканьяну скромный памятник-бюст.

Значение поэзии Патканьяна трудно оценить в полной мере читателю не-армянину. Ее основная сила в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но и в горьких сатирах. Истинная любовь не чуждается гнева и даже ненависти, и именно потому веришь в глубину любви Патканьяна, что он смел ненавидеть в родной стране все, достойное ненависти, и умел разить гневными стрелами все, заслуживающее таких ударов. Есть поэты, которые искренно любят родину, но их любовь — слепая, разливающаяся, без различия, на все «родное»; любовь других — безотчетная, не сознающая, на что именно она направлена, подобная привязанности зверя к тому лесу, где он родился; бывают и третьи, готовые любить родину из корыстных целей... Не таков патриотизм Патканьяна: его не ослепляет любовь, он видит грехи и язвы родного народа, но, вместе с тем, знает, за что его любит и что в нем любит. Это — патриотизм действенный, обязываю-

ший не к безличным восторгам, но к решающим поступкам: это—любовь, оживляющая других и самому поэту дающая черпать из себя все новые силы. Но, конечно, надо быть сыном своего народа, чтобы вполне понять могучее впечатление, которое должна производить поэзия, проникнутая силой такой любви...

Патканьян писал публицистические статьи и беллетристические очерки (на нахичеванском наречии, широко популярные в Нахичевани), но его общенародное значение покоится на его лирике. Песни Патканьяна назначены для народа, и потому в них нет «особенной заботы об отделке языка» (определение Ю. Веселовского); в частности, самый язык Патканьяна представляет соединение разных элементов, так что в нем смешиваются различные армянские диалекты. Но зато поэт умел найти выражения меткие, прямо попадающие в цель, и в каждом стихотворении выдвинуть вперед все самое важное; благодаря этому, стихи Патканьяна производят впечатление непосредственное, чем и объясняется их огромный успех в массе читателей. Поэзия Патканьяна, во многих отношениях, была выражением того, что другие смутно чувствовали в себе; поэт как бы стал голосом своего народа, дал язык немотствующей массе, и каждый читатель чувствовал как бы самого себя автором прочитанного стихотворения. Основой в поэзии Патканьяна является мысль: содержанием — сильный подъем патриотического чувства; все остальное — лишь прикрасой. Стихи Патканьяна, прежде всего и больше всего, — голос учителя, в котором так нуждался армянский народ в ту эпоху... Разумеется, все это относится к главным созданиям Патканьяна, так как у него есть отдельные стихотворения другого характера, — выражающие чувство любви, отражающие красоту природы и т. п. Некоторым стихотворениям придан песенный склад, с повторением

припева в каждой строфе, и этот прием, заимствованный из народной поэзии, придает стихам новую силу.

Другим характером запечатлена поэзия Смбата Шах-Азиза (1841—1907 гг.). У него не было, как у Патканьяна, темперамента бойца и властного голоса учителя, хотя цели двух поэтов и понимание ими задач поэзии — схожи. Шах-Азиз, опять в отличие от Патканьяна, посвятил поэзии не всю свою жизнь, но отдал ей лишь порывы юности и отдельных периодов зрелого возраста. Сын священника, родом из села Аштарак (Эриванской губ.), рано потерявший отца, Шах-Азиз воспитывался в Москве, в Лазаревском институте, начал писать еще на школьной скамье и, в 1860 г., издал, под заглавием «Часы досуга», сборник юношеских стихотворений. Более серьезные стихотворения были опубликованы поэтом в его второй книге стихов, 1865 г., где появилась и большая поэма, названная «Скорбь Леона». Затем, только в 1893 г., Шах-Азиз издал третий и последний сборник стихов, впрочем, весьма небольшой по объему. Помимо стихов, Шах Азиз участвовал в литературе, как публицист, и написал довольно много статей, появлявшихся в разных периодических изданиях. В Лазаревском институте Шах-Азиз занимал должность преподавателя армянского языка и исполнял свои обязанности почти до самой своей смерти. Насколько известно, жизнь его прошла без особых волнений; не было у него и литературных врагов, и его старость была скрашена всеобщим уважением, покоившимся почти исключительно на стихах, собранных в сборнике 1865 г. Стихи Шах-Азиза получили широкое распространение; их охотно пели, изучали в школах, и поэт был признан в числе классиков новоармянской литературы.

«Ораторство — *faculte maitresse* Шах-Азиза», говорит М. Берберьян, и это совершенно справедливо. Тот же

критик отмечает «недостатки формы» в поэзии Шах-Азиза: «слишком однообразный размер стихов, невыдержанный ритм и неправильную рифмовку». Если добавить, что темы стихов Шах-Азиза — все обычные, основные темы лирики: любовь, чувство патриотизма, картины природы и раздумья над «вечными» вопросами, то образ поэта станет ясен. Шах-Азиз сам признавал, что, по его убеждению, дело поэта — «служить своей лирой обществу». В истории армянской поэзии Шах-Азиз занимает место рядом с Патканьяном, хотя уступает ему в непосредственном даровании, — так как выполнял ту же историческую задачу: ковать новый язык и будить национальное чувство. Тот же М. Берберьян, говоря о патриотических стихотворениях Шах-Азиза, которые называет «его речами о патриотизме, облеченными в стихотворную форму», добавляет: «декламаторский тон несколько парализует их силу». О любовных стихах Шах-Азиза этот критик выражается так: «как бы ни была сильна любовь, наружное спокойствие не покидает поэта; пылких излияний чувств вы у него не найдете». Наконец, о философских раздумьях поэта там же читаем: «не имея философского образования, он с жадностью хватался за все, более или менее ясно выраженные идеи; потому-то в разрешении этих вопросов (у Шах-Азиза) много неясного». Таковы ограничения, которые армянский критик счел необходимым сделать к оценке Шах-Азиза, отметив его «богатый и изящный слог» и несколько стихотворений, являющихся «украшением армянской лирики».

Современником Патканьяна и Шах-Азиза был поэт Георг Додохьян, среди стихотворений которого есть одно — о ласточке (представленное в нашем сборнике), прелестная песня, остающаяся украшением всех антологий армянской поэзии. Этой песне, конечно, суждено жить, пока жив будет или хотя бы будет изучаем армян-

ский язык. Подобно французскому поэту Арно, автору стихотворения о «Листике», Додохьян — поэт одного стихотворения, но им он навсегда приобрел себе место в истории армянской литературы.

6.

Рядом с названными «зачинателями» армянской поэзии среди «русских» работали и другие, деятельность которых, как и второстепенных поэтов школы «турецких армян», имела свое историческое значение. Так, писали стихи, представлявшие несомненное достоинство, и Хачатур Абовян и Раффи, но значение этих писателей покоится не на стихах, а на написанных ими романах. Также более романистом был Газарос Агаян (1840—1912 гг.), впрочем, оставивший превосходную «песню о прялке» (также включенную в наш сборник). Ряд других поэтов развивали темы Патканьяна и Шах-Азиза, «подыгрывая» им, но вместе с тем и двигая их дело вперед. Однако подлинное раскрытие всех богатств, заложенных в армянской поэзии, суждено было только следующему поколению, — поэтов, родившихся в 60-х годах XIX в. и, следовательно, выступивших на литературных поприщах в 80-х и 90-х годах. В истории всех литератур известны такие эпохи, когда для поэзии вдруг наступает время цветения, словно для вишневого дерева с наступлением весны. Таковую эпоху и переживала поэзия «русских армян», когда в последние десятилетия прошлого века один за другим стали выдвигаться — Иоаннисян, Цатурян, Туманян и Исаакян.

Иоаннес Иоаннисян (род. в 1864 г.) выступил с первым сборником стихов в 1886 году, в эпоху, когда поэтическая деятельность Шах-Азиза временно прервалась, а

Патканьяна стала несколько менее интенсивной, и был сразу встречен сочувственно и критикой и читателями. С тех пор Иоаннисян, до последнего времени, продолжает работать как поэт, помещая свои стихи в периодических изданиях, хотя отдельных книг им издано немного (с его именем вышло всего 3 сборника стихов). Образование Иоаннисян получил в Московском университете, что позволило ему вполне овладеть русским языком и дать позднее несколько мастерских переводов различных произведений русской поэзии. Некоторое время Иоаннисян был преподавателем в Эчмиадзинской академии, затем — в семинарии в Тифлисе; за последние годы — переселился в Баку, где был избран на должность председателя городского совета о народных училищах. Человек прекрасно образованный, воспитавший свой вкус на классических образцах мировой литературы, Иоаннисян, во многих отношениях, был создателем новейшей фазы новой армянской поэзии: многие ее деятели являются или прямыми учениками Иоаннисяна или связаны с ним узами дружбы и не избегали его благотворного воздействия.

Указанные черты характера Иоаннисяна определяют и характер его поэзии. Нет сомнения, что его творчество, как и у всех истинных поэтов, развилось лишь под влиянием внутренних, «бессознательных» импульсов. Но, рассматривая его со стороны, можно подумать, что оно является результатом методически выполняемого плана. Иоаннисян словно ставил себе задачей — указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье, — все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы Иоаннисяном. Он, с большим вниманием, чем его предшественники, отнесся также к технике своего искусства: язык Иоаннисяна чист и обдуман, его размеры строго выдержаны, и его рифма под-

чинена определенным законам. Выдающейся особенностью поэзии Иоаннисяна является ее близость к народной песне: поэт обработал некоторые древнейшие песни и предания (например, песню о рождении Ваагна, легенду о царе Арташесе), воспользовался мотивами и приемами народной лирики, и некоторые стихотворения Иоаннисяна вернулись в народ: поются как подлинные народные песни, утратив имя своего автора (например, песня «Араз течет, волной бия...»). Конечно, это — одна из высших наград, о которой только может мечтать поэт. В этом смысле, Иоаннисян, по истине, поэт национальный. Между прочим, связь новой поэзии с народной — характерна вообще для всей школы «русских армян»: в этом сказалась ее «традиционность», в противоположность школе «турецких армян», которая теснее связана с течениями «Запада», — новых европейских литератур. Ту же близость к народной поэзии находим мы в творчестве Туманяна и Исаакяна.

Ованес Туманян (род. в 1869 г.) представляет сравнительно с Иоаннисяном тип поэта более страстного, более непосредственного. Уроженец горного Лори, во многих отношениях автодидакт, человек огромной, но не систематической начитанности, влюбленный в армянскую старину и близкий духом ко всему укладу народной жизни, Туманян как бы олицетворил собою тип южанина, в котором причудливо сочетаются два начала: кейф и гений. Ныне уже почти «патриарх» новой поэзии, так как уже успело вырасти новое поколение поэтов, принесших с собой новые идеалы, Туманян является центром всей армянской литературной жизни в Тифлисе. Популярность Туманяна, как поэта, огромна и особенно растет благодаря тому, что им написано много детских книжек, — сказок, легенд, рассказов, большей частью в стихах, — которые с жадностью читаются детьми. Таким образом,

подростающее поколение учится любить слово и поэзию по страницам Туманяна, и через его стихи впитывает в себя любовь к родному языку. В то же время Туманян охотно сотрудничает в местной армянской прессе, давая преимущественно статьи по вопросам, связанным с историей литературы. И, кажется, нет во всем Тифлисе человека, кто не знал бы характерной седой головы поэта и не любил бы его, как благородного человека и прекрасного писателя.

Никакого методического плана, какой чудится (конечно, несправедливо) в поэзии Иоаннисяна, в творчестве Туманяна усмотреть невозможно: оно разливалось свободно, как весенние воды, подчиняясь лишь прихотливому вдохновению художника. И вообще все творчество Туманяна носит на себе черты импровизаторского таланта (что не исключает работы художника над своими произведениями, из которых некоторые известны в двух и трех последовательных обработках). Наибольшей силы поэзия Туманяна достигает в лирических поэмах, где сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа. Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследователей. Поэт, в резких и ярких чертах, воссоздает быт родного народа, но делает это как художник, вызывая к жизни незабывающиеся образы, не столько индивидуализованные, сколько типические. Некоторая небрежность стиха щедро искупается у Туманяна чутким пониманием ритма и редким даром звукописи. В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером. В детских сказках Туманян дал образцы наивной безыскусственности и светлого юмора.

понятного и близкого детям. Наконец, сделано Туманяном и несколько стихотворных переводов с русского (отрывок из былины, баллады Пушкина и т. п.), в которых пленяет изумительное проникновение в дух оригинала, способность угадать самую сущность переводимого произведения.

Третий тип поэта являет собою Аветик Исаакян (род. в 1875 г.). На целое десятилетие более молодой, нежели Иоаннисян, и на 6 лет моложе Туманяна, Исаакян не минул тех влияний, которых остались чужды его старшие соратники. Кроме того, самая судьба Исаакяна сложилась иначе и перед ним было более широкое поле наблюдений, так как, не кончив курса в Эчмнадзинской академии, он уже в 1893 г. отправился за границу, где работал в музее в Вене и слушал лекции в Лейпциге. После того поэт неоднократно вновь уезжал в Западную Европу, где находится и ныне. Благодаря сближению с европейскими литературными кругами, Исаакян испытал воздействие того «символистического движения», которое властно захватило всю европейскую литературу в конце XIX века, хотя, впрочем, оно отразилось на творчестве армянского поэта только в своих основных чертах, скорее как мировоззрение, чем как литературная программа. Некоторые обстоятельства личной жизни, нашедшие, конечно, соответствующую почву в самом характере поэта, лишили его также той цельности, которая так привлекает в поэзии Иоаннисяна и Туманяна. В творчестве Исаакяна есть надлом, надрыв, которого нет у его старших собратьев, и это сообщает его стихам особую остроту. Насколько поэзия Иоаннисяна — серьезно-спокойна, насколько творчество Туманяна — страстно-радостно (говорим, конечно, об общем устремлении поэтов, а не об отдельных стихотворениях), настолько стихи Исаакяна страдальчески-беспокойны и порывисты.

Литературное богатство Исаакяна можно разделить на две половины. Первую составляют его песни, в которых поэт так близко подошел к складу народной лирики, что иные стихотворения кажутся созданием безымянных певцов, новой серией народных песен. Все обычные мотивы народной лирики использованы здесь со всем тем мастерством, какое дает в руки поэту новейшая стихотворная техника. Этого рода стихотворения связывают Исаакяна с поэзией Иоаннисяна и Туманяна, делая его характерным представителем школы «русских армян», продолжателем лучших традиций прошлого армянской литературы. Другую половину в творчестве Исаакяна образуют его рефлексивные стихотворения и его большая поэма «Абу-Ала-Маари», в которой особенно явно сказывается влияние символического периода литературы. Здесь Исаакян выступает как один из европейских поэтов, ставя себе те же или сходные задачи, разрешить которые стремятся и лирики других народов, — французские, немецкие, русские... По этим стихам можно судить, какого большого мастера имеет армянская литература в лице Аветика Исаакяна.

Несколько обособленно от этой линии исторической эволюции стоит поэзия Александра Цатуряна (род. 1865 г.), и только потому ее приходится рассматривать здесь отдельно, так как по своему влиянию на современников и по своему абсолютному значению она не уступала деятельности трех названных поэтов. Ровесник Иоаннисяна, Цатурян выступил в литературе в тот же благоприятный момент, когда читатели ждали нового поэта, его первые стихи, почти сразу создали ему видное имя. Воспитанный в тяжелой школе жизни, сам пробивавший себе путь, Цатурян теснее связал свою поэзию с вопросами общественными, которым посвятил значительную часть своих стихов, особенно позднейшего пе-

риода. Но, рядом с ними, он дал и образцы непосредственного лиризма, развивающего «извечные» темы любви и красоты природы. Воспитывая свой вкус, преимущественно, на лучших созданиях русской поэзии, Цатурян много внимания уделял отделке языка и, в этом отношении, его стихи, в свое время, представляли значительный шаг вперед, что и было тогда же единодушно отмечено критикой. Роднит же Цатуряна с плеядой его современников та же прикосновенность его поэзии к поэзии народной, которой отмечена вся деятельность школы «русских армян»: таково, например, очаровательное стихотворение «Веселый май, зеленый май!». Выдающееся положение занимает Цатурян в армянской литературе, как переводчик стихами. И Иоаннисян и Туманян подарили родной поэзии несколько превосходных переводов, но у них то было делом случайного вдохновения. Александр Цатурян, напротив, сознательно и систематически посвятил себя переводам. В двух томах им была издана антология из избранных произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина и Плещеева; помимо того, Цатуряном были переведены «Стихотворения в прозе» Тургенева, «три рассказа» Гюи-де Мопассана, отдельные произведения Шиллера, Байрона, Гартмана, Гюго, Гейне и др.

Рядом с этими, наиболее видными поэтами своего поколения, работало немало и других, среди которых прежде всего должно назвать Дереника Демирчяна (род. 1876 г.). Его деятельность не имела такого же влияния, как деятельность его старших сотоварищей; но причина тому, главным образом, в скупости Демирчяна как писателя: посвящая свое время другим областям деятельности (в том числе — музыке), он не имел возможности обработать и раскрыть свое дарование. Именем Демирчяна подписано лишь ограниченное число стихотворений,

но среди них есть прекрасная историческая поэма о Ленгтимуре, как и небольшое, но пленительное по напеву, лирическое стихотворение «Осень». Ныне Деренник Демирчян живет в Тифлисе, примыкая к литературному кружку Туманяна и являясь одним из лучших поэтов его «школы».

Более драматургом, нежели лириком является Левон Мануэльян (род. в 1864 г.), автор также романа «Разбитая жизнь», рассказов и нескольких поэм. Несколько стихотворений Мануэльяна было в свое время переведено на русский язык, но они не представляют никакого существенного уклона от того, что сделано другими, более видными поэтами его поколения. То же приходится сказать о стихотворениях Леренца, выступившего как ученик Патканьяна, но заменившего страстную одушевленность своего учителя рассудочной риторикой; постольку идейная поэзия имеет все права на внимание и всю силу воздействия на души современников, постольку поэзия тенденциозная стоит вне путей художественной эволюции. Учеником Туманяна выступил Ваан Миракян (род. 1875 г.), издавший интересную поэму «Охота Лалгара», под псевдонимом Мир-Коно; но поэт не дал более ничего, и потому пока не может быть включен в общий ход развития армянской поэзии. Наконец, оставляя в стороне ряд других имен, мы должны назвать поэтессу Шуханик Кургиньян (род. 1876 г.), которая, после первых опытов, в духе Исаакяна, обратилась к идейной поэзии в духе правоверного марксизма. По тому же пути стремится идти Акоп Акопян (род. 1869 г.) и несколько других, более молодых поэтов.

Таковы были пути развития школы «русских армян» при поэтах старшего поколения, творчество которых определилось еще в конце XIX в. и в самом начале XX в. Одновременно с тем поэзия «турецких армян» шла впе-

ред своими путями, следуя в общих чертах, эволюции западноевропейских литератур, особенно французской. Так западноармянские поэты, безусловно, попадали под влияние французского «парнаса» («парнасской школы»), требовавшего прежде всего безупречности формы и отрешения поэта от своей личности, — исчезновения поэта за создаваемыми им образами. Направление «парнаса», во всех литературах, усвоивших его, всегда вело к известной холодности творчества, но зато способствовало развитию пластики в поэзии и доводило до высшего совершенства технику стиха. То же произошло и с поэзией «турецких армян», которая в ряде своих лучших созданий может гордиться «непогрешимой» формой (*impressable* — техническое слово в этом отношении), большой скульптурностью образов и обдуманностью содержания, в ущерб непосредственности вдохновений и страстности стихов. Спасательным элементом оставалась для армянских поэтов их неизменная любовь к родине, которая согревала и оживляла их «парнасские» создания. Историческое значение того дела, которое исполнила школа «турецких армян» — огромно; она в совершенстве разработала литературный язык, усвоила армянской поэзии многие «формы» европейской (напр., особенно усердно культивируя сонет), и дала немало созданий, абсолютно прекрасных, позволяющих читателю-армянину на родном языке наслаждаться всем богатством западных литератур.

Надобно, впрочем, признать, что школа «турецких армян» не дала поэта, который, по широте захвата и по богатству творчества, мог бы быть поставлен в ряд с корифеями школы «русских армян». На смену Пэшикташлян и Дуряну не пришел поэт с такой же стихийной силой дарования. Поколению Иоаннисяна, Цатуряна, Туманяна и Исаакяна соответствует в школе «турецких

армян» поколение—г-жи Сипил, Дэмичибашьяна, Шанта, Чобаньяна, Малэзнана и Тэкэяна; моложе их, но примыкает к ним по характеру своей поэзии—Мэцарэнц. Однако, из ряда этих поэтов ни один не создал своего цельного «мира», какой открывается, например, в творчестве Туманяна. Все они к тому же исключительно лирики и чуждаются слишком обширных замыслов и всеобъемлющих задач.

Шант (род. в 1869 г.) — более драматург, нежели лирик. Его драмы очень замечательны: одна из них — «Старые боги», переведенная на русский язык, была истинным событием в армянской литературе, да и в любой заняла бы почетное место по интересности общего замысла и глубине характеристик; другая — «Император» также произвела сильное впечатление при своем первом появлении на сцене (1916 г.). Но как поэт Шант облюбовал себе ограниченное место автора философских раздумий. В этом роде Шант создал ряд превосходных стихотворений, глубоко продуманных и тонко исполненных. Особое очарование поэзии Шанта коренится в совершенной гармонии между формой и содержанием: они у него связаны неразрывно, и чувствуется, что данная мысль могла быть выражена только в данных образах и никаких иных. При этом язык Шанта средний между языком двух школ: «турецких» и «русских армян». Шант стремится писать так, чтобы его произведения были равно понятны и армянам «русским» и живущим на Западе. Добавим, что сам Шант последние годы живет в России (в Тифлисе и в Баку). Несомненно, что литературной деятельности Шанта еще предстоит широкое будущее: его творчество растет, крепнет, и от него армянская литература вправе ждать много замечательных и сильных созданий.

Как лирик наиболее разнообразен и многосторонен среди этих поэтов Ваан Тэкэян (род. в 1877 г.). Вместе с тем он и наиболее национален, так как охотно затрагивает темы армянской жизни и вопросы о судьбах Армении. Есть отголоски поэзии Пэшикташляна и Дуриана в стихах Тэкэяна, и вообще он может считаться, с наибольшим правом, их прямым приемником. Со школой «турецких армян» Тэкэяна роднит мастерство формы, разработанной у него, как у всех западноармянских поэтов, до высокого совершенства. С другой стороны, Тэкэяна приближают к школе «русских армян» темы, которые характерны для русско-армянских поэтов, — например, о легендарной «лампаде Просветителя».

Г-жа Сипил (род. в 1863 г.) дала ряд красивых стихотворений, ни в чем не уступающих лучшим произведениям французской поэзии того же периода. В стихах г-жи Сипил есть что-то характерно женственное, что редко встречается в армянской поэзии. Есть задушевность в поэзии Малэзиана (род. в 1873 г.), и есть большое мастерство в строгих стихотворениях Мисака Мэцарэнца (род. в 1885 г.), скончавшегося рано и не успевшего развить свое прекрасное дарование.

Особое место занимает в армянской литературе Аршак Чобаньян (род. в 1872 г.). Неутомимый деятель и плодовитый писатель, он оказал родной литературе неоценимые услуги. Он издавал тексты забытых армянских писателей, перевел на французский язык образцы народной армянской лирики и лирики средневековой, собранные им в двух томах, редактировал, в Париже, армянский журнал, выступал с лекциями и докладами по вопросам, связанным с армянской жизнью и т. д. — вообще сделал так много, как никто, для знакомства западной публики с Арменией. За все это армянская литература обязана глубокой благодарностью Аршаку Чобаньяну.

Меньшее значение может иметь его собственное поэтическое творчество, с которым он тоже ознакомил европейских читателей, издав сборник своих стихов в собственном переводе на французский язык. Стихи Чобаньяна, чаще всего перепев, но живой и талантливый, поэзии новых французских поэтов, особенно Бодлера и Верлена.

В общем можно установить, что обе школы—«русских» и «турецких армян», независимо от размера дарования отдельных поэтов, выполняли в XIX в. каждая свою миссию. Первая — продолжала и развивала традиции древней армянской литературы и сохраняла теснейшую связь с народной поэзией и народной жизнью. Вторая — совершенствовала технику и вводила в армянскую литературу идеи и принципы западных литератур, усваивая себе их новые завоевания. Как мы уже указывали, то было возрождение, в новой форме, в новой одежде, исконной в армянской литературе борьбы начал Востока и Запада. Через русскую литературу, несомненно влиявшую на поэтов «русской Армении», проникало в армянскую литературу углубленное отношение к выдвигаемым вопросам, как через французскую литературу, столь же несомненно влиявшую на западноармянских поэтов, стремление к совершенству стиля и формы. Попытка соединить оба эти направления выпала на долю следующего поколения поэтов, деятельность которых еще только развивается в наши дни.

Наиболее видным деятелем среди молодых поэтов «русской Армении» должно признать Ваана Терьяна (род. в 1885 г.). Выступивший с первым сборником стихов в 1905 г., но, в ряде стихотворений опубликованных позже, значительно развивший и углубивший темы своей поэзии, Терьян был принят читателями и критикой как несомненная величина, хотя в оценке его голоса и делились. Ученик символистов, Терьян сделал попытку

усвоить армянской поэзии все, что было достигнуто европейской поэзией (особенно, — русской и французской) за самые последние десятилетия. Так, Терьян коснулся тем, которые раньше оставались вне кругозора армянских поэтов, искал новых ритмов в армянском стихе, с исключительной строгостью отнесся к рифме, наконец, дал несколько превосходных переводов новейших русских и французских поэтов. Все эти стремления сближают Терьяна скорее с западноармянскими поэтами, но он остался верен основным течениям школы «русских армян» задушевностью своих вдохновений, подходом ко многим вопросам, всем своим мирозерцанием (не говоря уже о языке и стиле).

Тем более должно это сказать о молодых поэтах, которые выступили как продолжатели начатого Терьяном дела. Все они еще очень молоды и направление их творчества совершенно не определилось, например, поэзия Тер-Мартirosяна. Рядом работают другие молодые поэты, идущие своими путями, как напр., талантливая поэтесса, скрывающаяся под псевдонимом Лейли, г-жа Арменуи Тигранян и др. Можно упомянуть и имя Костана Зариана, обратившего на себя внимание своими стихами об Армении в дни войны, появившимися первоначально в итальянском переводе.

Характерно, что в то время, как в поэзии Ваана Терьяна и его соратников школа «русских армян» делает шаги в сторону большего мастерства и большей строгости техники, школа «турецких армян», в своих молодых представителях, устремляется к большему углублению и к большей широте содержания. Особенно заметно это в стихах Даниэла Варужана и Сиаманто (псевдоним Атома Ярджаньяна), двух поэтов, которые в расцвете сил были сняты у армянской литературы великой войной, так как оба были убиты турками в дни массового избиения ар-

мян... С Варужаном и Сиаманто сошли в могилу лучшие надежды молодой поэзии, но и того, что оба успели создать за свою краткую жизнь, достаточно, чтобы обеспечить им место в истории армянской литературы и уяснить общее устремление их поэзии.

Подобно большинству западноармянских поэтов, Варужан и Сиаманто не избегли влияния французской поэзии, но выбрали своими образцами те ее новые создания, в которых она освобождается от обособленности «символистов», и ищет сближения с жизнью. Как известно, этот выход из «башни из слоновой кости» всего резче выразился в мощном творчестве Эмиля Верхарна, и отзвуки его поэзии, действительно, явно звучат в стихах Варужана. Даже в форме стихов и Варужана и Сиаманто, в неравномерных строках их поэм, чувствуется влияние французских «верлибристов», — того же Верхарна, Вьеле-Гриффина и др. Но молодые армянские поэты учились у французских собратьев не только технике, но и их живой связи с окружающей действительностью. Мир современной жизни и запросы современной души нашли свое выражение в стихах Варужана и Сиаманто, но не в тенденциозно-риторических рассуждениях, а в живых образах, возвышающихся до значения всеобщего символа. Варужан более суров и жесток; Сиаманто более лиричен и женствен; но оба — истинные поэты.

Окончательного сближения между двумя, долгое время жившими обособленно, частями армянского народа, можно ждать лишь по окончании великой войны. Надо надеяться, что тогда западные армяне подадут руку восточным, и в литературе две раздельные «школы» сольются в одну. Тогда основные достоинства поэзии западных армян, — выработанность стиля и формальные достижения, — сочетаются с основными достоинствами поэзии армян восточных, — с постоянной углубленностью со-

держания и близостью к традиционным началам прошлого. То будет первый этап в новом осуществлении вековой задачи армянской литературы — найти синтез Запада и Востока.

Давно сказано, что пророком быть — дело мудреное. Среди деятелей молодой армянской поэзии можно указать поэтов безусловно талантливых. Но талант — явление случайное, благостный дар неба, как голубые глаза. Явятся ли новые таланты в ближайшие годы, и какие именно, этого нам знать не дано. Но по всему, что мы знаем о прошлом армянской литературы, мы вправе утверждать, что перед ней открыты самые широкие перспективы. В народной армянской поэзии и в поэзии армянского средневековья заключен неисчерпаемый родник новых вдохновений. **Первая задача** грядущих поэтов Армении — проникнуть к этому живительному ключу, черпать затаенные в нем мотивы и по-новому разрабатывать их, во всеоружие современной стихотворной техники и в соответствии с духом времени и его новыми запросами. **Вторая задача**, тесно связанная с первой и подсказанная всем прошлым армянской литературы, — искать и явить миру новый синтез двух вековых начал, которыми живет все человечество и которые так ярко выражены, в своем взаимодействии, в истории Армении: начал Запада и Востока. Примирить их в высшем единстве, что, на другой ступени развития, уже было сделано поэтами армянского средневековья, — есть выполнение исторической миссии всего армянского народа. Наконец, **третья задача** армянской поэзии — это полное, всестороннее, предельное выявление народного национального духа... Мировую поэзию справедливо сравнивали с божественной арфой, для которой каждый отдельный народ служит как бы особой струной. Заставить свою струну звучать ей присущим, единственно ей свойственным

звучком, отличным от других, и вместе с тем звучать так, чтобы ее голос гармонично сливался со звуками других струн, образуя единую мировую мелодию, таково самое, быть может, высокое призвание национального армянского поэта...

Сквозь черные тучи, столько раз завлакивавшие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне — огненные лучи его поэзии. Это сияние кажется нам лучшим обетом и для исторических судеб Армении в будущем... Перефразируя слова Тургенева, мы можем сказать с твердым убеждением: «Нельзя верить, чтобы такая поэзия не была дана народу с великим будущим».

ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ АРМЯНСКОГО НАРОДА

(Отрывки)

...Что касается литературной жизни в Армении этого периода (III—I вв. до н. э.), то об этом дошли до нас самые скудные сведения. Судя по существованию в Армении греческого театра, надо думать, что образованные армяне пользовались эллинской литературой. Вероятно, пример, поданный с трона, находил подражателей, и не один только царевич Артавазд среди армян пробовал свои силы в самостоятельном литературном творчестве на греческом языке. Таких произведений, из древнейшей эпохи Армении, до нас не дошло, но в позднейшие века мы видим целый ряд писателей-армян, пользующихся греческим языком. Великие создания эллинского гения служили образцами, на которых воспитывалась литературная мысль Армении ранее, чем в ней возникла национальная письменность. Самому же возникновению этой письменности долгое время препятствовало то обстоятельство, что у армян не было своего алфавита, своих письмен, отвечающих потребностям армянского языка.

Но если в Армении, в первые века ее существования, не было национальной письменности¹, то несомненно уже существовала поэзия изустная, народная. Драгоценные обломки ее сберег «отец армянской истории» Моисей Хоренский². В разных местах своего труда он говорит о песнях и легендах, которые распевались в народе еще

в его время, но явно относятся к глубокой древности; о преданиях, собранных не «в книгах царей», а неизвестными гусанами, в которых Н. Эмин видит древних армянских рапсодов; о том, что поется випасанами, очевидно — также народными певцами, и т. д. Некоторые отрывки песен приведены Хоренским в метрической форме; другие пересказаны прозой; кроме того, исследователи и в других частях истории Хоренского, где он сам об этом не упоминает, подмечают отголоски народных поэм или баллад, остатки древнего армянского эпоса. Определить, к какому именно времени относятся отдельные из этих песен, нелегко и даже вряд ли возможно, но некоторые из них самым содержанием своим обличают свою глубокую древность.

Древнейшей из песен, приводимых Хоренским, должно признать отрывок о рождении Ваагна³, несомненно относящийся к языческому периоду, притом до поры эллинизации культа. Затем следуют песни о баснословном богатыре Торке, герое еще мифическом, родственном, может быть, греческому Гераклу или персидскому Рустему. Еще после — отрывки из песен исторических, об Арташесе и о Вахаршаке и др.⁴ Возможно, к отдаленной, языческой древности восходят прообразы и многих других народных песен, записанных много позднее и даже получивших потом христианский оттенок, причем имена национальных божеств и героев были заменены именами Христа и святых⁵. Уже тот факт, что целый ряд народных песен и легенд вошел в «Историю» Хоренского, показывает, что они не остались без влияния на позднейшую, письменную, литературу Армении. Неизвестные нам, древнейшие армянские писатели, воспитываясь на образцах иноязычной литературы (греческой, сирийской, может быть и римской), в то же время прислушивались к голосу национальной армянской поэзии, жившей в среде на-

рода и, частью, донесенной народом и до наших дней. Из взаимодействия этих двух начал: влияния Запада и национальной традиции, и выработался своеобразный характер, которым отмечена позднейшая армянская поэзия и даже вся армянская литература. Но самое возникновение ее, в тот древнейший период, о котором мы говорим, только еще подготавливалось. Письменная армянская литература возникла в связи с принятием армянами христианства, что произошло только в конце III в. н. э., т. е. более, чем через триста лет после эпохи Тиграна Великого и его сына Артавазда, первого поименно известного нам армянского писателя, хотя и пользовавшегося для своих созданий чужим языком.

...Культура армян в первые века нашей эры⁶ развивалась под двумя влияниями: западным (греко-римским) и восточным (парфским). Преобладающее значение имело влияние парфское, вновь усилившее в цивилизации армян начала иранизма. Показания античных историков этого времени относятся большею частью к высшим слоям армянского общества и к придворным кругам. А так как в Армении, в течение долгого периода времени, царствовала династия парфская, то, можно думать, что эти показания преувеличивают иранизм армянского народа. Так, напр., на колонне Траяна сохранилось изображение армянского царя Парфамасира: но он, по происхождению, был парф, и мы видим характерное лицо парфа, — величественного человека с длинной бородой. То же должно сказать о характеристике царя Тиридата I, о котором по поводу его поездки в Рим подробно говорят многие античные писатели. Интересно противопоставление простоты и суровости Тиридата — утонченности Нерона; интересны и те, полные достоинства, ответы, какие армянский царь давал римскому принцепсу. Но не надо забывать, что Тиридат также был парф и что в его лице

мы больше знакомимся с парфами того времени, нежели с армянами. Все же из этих рассказов об армянских царях мы можем сделать тот вывод, что в Армении при дворе, сохранилась пышность «царя царей» вместе с простотой еще первобытных нравов. Роскошь Тиридата, во время его путешествия⁷, поразила современников, и они, вероятно, даже преувеличивают ее. Позднее Фавст Византийский говорил с восторгом о великолепной усыпальнице царя Санатрука, которую видел лично. С другой стороны, в словаре Свида сохранилась такая характеристика того же Санатрука: «Будучи небольшого роста, он стремился ко всему великому, был первым в делах военных, строгим блюстителем правосудия и таким воздержанным, как лучшие из греков и римлян».

По-видимому, то же сочетание богатства и простоты, роскоши и первобытности замечалось и во всем строе армянской жизни. Центр ее в то время был перенесен из Тигранакерта, совершенно разоренного войнами⁸, в другое место. Сначала вновь приобрела значение Арташата, но она была разорена Марком Аврелием. Потом, около времени правления Вахарша, столица была перенесена в город, укрепленный полководцем Марка Аврелия Стацием Приском, под названием Кайнеполь, что значит Новый Город (по-армянски Нор-Кахак). Позднее этот город считался созданием Вахарша, был широко известен под названием Вахаршапата и получил большое значение. Полагают, что приблизительно на том же месте стоит ныне Эчмиадзин. Хосрой II Карлик еще раз перенес столицу, основав или расширив город Двин, получивший также выдающееся значение в последующие века.

Современная археология дает нам пока еще скудные сведения об этих двух древних столицах Армении. Но мы можем верить, что Тиридат недаром вывез из Италии много архитекторов, художников и мастеров. Скудные

остатки свидетельствуют, что большие города в Армении старались не уступать в богатстве построек и роскоши убранства другим центрам Востока. Так, напр., ко II—III в. относится раскопанный в Гарни Н. Я. Марром армянский храм, имеющий все характерные особенности древнеримских храмов; по свидетельству армянских историков он был далеко не единственным в своем роде. Раскопки обнаружили также великолепную мраморную голову богини Анаит (Артемиды-Дианы), приближающуюся к лучшим образцам греко-римского ваяния. Все эти последние примеры говорят о силе римского влияния, сказавшегося в области искусства, где, конечно, парфам нечего было противопоставить Элладе и Риму.

Сведения о бытовых условиях жизни народа в Армении этого периода крайне отрывочны. Евсевий Кесарийский, заимствуя свои данные у сирийского писателя Вардезана, изображает быт армян II в. близким к родовому. Родоначальник (нахапет или тану-тер, т. е. глава дома) пользуется неограниченными правами, вплоть до права жизни и смерти, над остальными членами дома (сепухи) и над челядью. Такие же права имеет князь (нахарар) над всеми людьми своей области,— что вело к дальнейшему развитию подготовлявшегося в Армении феодального строя. Позднейший армянский писатель, Елисей, описывая пленение знатных армян в 452 г. (персидским царем Яздегердом II), сравнивает бедственное положение их семей с прежним. «У каждой знатной армянки,— пишет историк,— по обычаю страны, были свои женщины (служанки), с детства воспитанные в том же доме... Теперь же не стало различий между служанками и госпожой. Никто не стлал постели для другого, не стало изысканных блюд и булочников, готовых к услугам. Никто не поливал воды на руки знатных дам, и некому было подавать им тонкие полотенца для обтирания.

Пришлось дамам отказаться от благоуханного мыла, духов и притираний. Исчезла со столов великолепная посуда. Поблекли в садах пахучие цветы; с корнями вырваны были богатые виноградники...» и т. д.⁹. Косвенно это свидетельство бросает свет и на положение низших классов, которые, очевидно, всех таких благ жизни были лишены.

Сильнейшее влияние на всю жизнь Армении оказало принятие христианства¹⁰. Оно проникало в Армению с юга, из Сирии. Около 260 г. уже упоминается армянский епископ Меружан. Затем явились проповедники из Малой Армении и Каппадокии. Во главе их стоял Григорий из рода Аршакидов, получивший в истории имя Просветителя армян. Крещение царя Тиридата национальные источники возводят к 299 г. или 301 г.; некоторые историки считают нужным отодвинуть его на 298 или даже 295 г.¹¹. Во всяком случае, в 312 г. армяне уже защищались, как христиане, от преследований императора Максимиана. Однако удаленность Армении от Константинополя и дух самостоятельности, присущий армянскому народу, повели к тому, что христианство стало отливаться среди армян в самобытную форму. Рано распространилось в Армении учение монофизитов, что позднее повело к острым столкновениям с Византией и, наконец, к образованию самостоятельной армянской церкви.

В связи с принятием христианства стоит и зарождение письменной армянской литературы¹². Первым армянским писателем, сочинения которого дошли до нас, должно признать Агафангела, по преданию, писца (секретаря) царя Тиридата. Агафангел написал историю крещения армян, в которую входит и биография Григория Просветителя; сочинение было написано на греческом языке, но еще в раннюю пору переведено на армянский. Также на греческом языке написал Фавст Визан-

тийский (Павстос Бюзандаци, IV в.) историю преемников Тиридата и Григория Просветителя до раздела Армении (344—392 гг.). Может быть, на сирийском языке была написана первоначально история Тарона Зеноба Глака (IV в.), также имеющаяся в старинном армянском переводе. Вероятно, существовали в ту эпоху и другие армянские писатели, пользовавшиеся чужим языком (преимущественно греческим) для выражения своих мыслей. Евнапий, греческий писатель начала V в., упоминает об ученом армянине, которого называет Прозерсий и которых в Афинах изучал философию у софиста Юлиана. Есть свидетельство, что и другие армяне учились в Афинах, слушали философов и раторов, и, надо думать, пробовали свои силы как писатели. Все это, однако, еще не было национальной литературой: для ее возникновения по-прежнему недоставало главного: армянской азбуки, письмен.

Вопрос о существовании армянской письменности до V в. еще не разрешен окончательно¹³. По рассказу армянских писателей: Корюна, Лазаря Парпского и Моисея Хоренского (из которых два последних основываются преимущественно на первом), в самом начале V в. армянский патриарх Саак (Исаак) и монах Месроп Маштоц были заняты вопросом о создании армянского алфавита. После некоторых неудачных попыток применить существующие алфавиты, св. Месроп изобрел совершенно новые письмена (по преданию, они предстали ему в вещем сне). После того свв. Саак и Месроп приступили к организации школ в Армении и к переводу Святого Писания. Последний труд был закончен в течение недолгого, сравнительно, времени и дал перевод Библии, которым знатоки восхищаются и доньше за его точность, сжатость и выразительность. Само собой разумеется, что такой рассказ не может быть принят без существенных

оговорок. С одной стороны, невозможно допустить, чтобы армянская письменность вдруг предстала пред миром совершенным созданием (перевод Библии), как Паллада, вышедшая из головы Зевса в полном вооружении, с другой стороны, есть убедительные соображения в пользу того, что, в той или иной степени, армянская письменность существовала и до V века.

Прежде всего надо вспомнить, что со времен Тиграна Великого Армения была большим государством, которое не могло обходиться без письменности в делах правления. У армянских историков не раз упоминаются писцы (секретари) царя, каким был, напр., Агафангел при Тиридате Великом. Возможно предположить, что те письма, которыми армянские цари обменивались с другими государями и образчики которых сохранили нам как армянские, так и римские историки, писались по-гречески, или по-персидски, или по-сирийски. Но вряд ли могли армянские цари обращаться на чужом языке и к своим подданным или писать к своим сатрапам. Мы знаем также, что в Армении было организовано правильное судопроизводство¹⁴. Время от времени производилась перепись населения¹⁵. Опять трудно предположить, чтобы во всех таких случаях прибегали к чужому языку. Естественнее думать, что армяне писали по-армянски, только пользуясь алфавитом чужого языка. Но это, по-видимому, прямо указывают Моисей Хоренский, который говорит, что до изобретения армянского алфавита при дворе употреблялись персидские письмена, и Лазарь Парпский, который говорит, что при дворе наравне с греческим употреблялся сирийский язык, т. е., вероятно, также сирийская азбука, сирийские письмена.

Есть, далее, свидетельства, что эти чужие письмена употреблялись не только для официальных актов, но и для работ литературных. Моисей Хоренский рассказы-

зает, что, по приказанию персидского царя Шапуха, его полководец Меружан, в Армении, «предавал огню какие только находил книги и запрещал говорить по-гречески, ни же делать переводы с греческого». Если под «книгами» можно еще разуть книги на иностранных языках, то упоминание «переводов с греческого» указывает определенно на национальную, армянскую письменность. «Если в IV в. армяне делали переводы с греческого,— правильно заключает Тер-Мовсесьян,— а сами не имели алфавита, то должны были эти переводы транскрибировать греческими или другими буквами». К этому присоединяются свидетельства, указывающие на существование у армян, раньше изобретения букв Месропом, перевода отдельных книг Святого Писания. Феодор Кртенавор (писатель VII в.) сохранил сведение, что известный круг лиц (Майрагомеци и его последователи) относился враждебно к «старому или первому переводу Евангелия», который был употребляем Григорием Просветителем (т. е. в конце III или начале IV в.). Автор жизнеописания св. Месропа, Корюн, рассказывает, что народ встретил св. Месропа, когда тот привез из Сирии новозобретенные письмена, радостными криками и духовными песнями: надо полагать, что последние пелись на родном языке и, следовательно, уже были переведены, а, вероятно, и записаны. Сходные свидетельства находим у Фомы Арцруни и др. позднейших писателей¹⁶.

Наконец, все армянские писатели, говорящие об изобретении алфавита Месропом, признают, что раньше уже существовали другие армянские письмена, «изобретенные в древнейшие времена и расположенные по порядку греческого алфавита». По рассказу Моисея Хоренского, царь Врамшапук отправил за этими письменами посольство к некоему епископу Даниилу; письмена были доставлены Месропу и Сааку, и те, ознакомившись с ними,

«в продолжение немногих лет» учили им мальчиков, но потом пришли к убеждению, что для выражения звуков армянского языка недостаточно того «нищенски заимствованного скудного алфавита». Так как эти письмены были изобретены «в древнейшие времена», надо думать, они были известны многим, и к Даниилу посылали потому, что он усовершенствовал их, «расположив по порядку греческого алфавита». Судя же по тому, что этим письменам учили в школах в продолжение нескольких (хотя бы и «немногих») лет, можно предположить, что тогда же сделаны были, при помощи этих письмен, и некоторые переводы. «Не одному же букварю учили мальчиков целые годы свв. Саак и Месроп», справедливо спрашивает Тер-Мовсисян. Естественно, возникает также вопрос, не существовало ли уже раньше армянской письменности, пользовавшейся этим даниловым алфавитом. Н. Адонц полагает, что ее существование «более чем вероятно».

Итак, все заставляет нас думать, что армянская письменность, в течение первых четырех веков нашей эры, существовала. Наряду с произведениями армянских писателей, написанными на греческом и других иностранных языках, существовали и создания на родном, армянском, языке, частью транскрибированные чужим алфавитом, частью записанные даниловыми письменами. Эти произведения послужили той школой, в которой воспитался армянский литературный язык, предстающий перед нами в переводе Библии V в., уже выработанным, способным передавать все оттенки мысли и воспроизводить все особенности греческого текста¹⁷. До нас, однако, эти ранние произведения армянской письменности не дошли (если не считать подлинными проповеди Григория Просветителя), и мы знаем лишь ту литературу, которая возникла после того, как Месроп изобрел новые армян-

ские письма (или, может быть, усовершенствовал данииловы, добавив 14 знаков к 22). Развитие этой «месроповской» литературы относится уже к следующему периоду.

...Важнейшим вопросом духовной жизни Армении того периода (VI—VII вв.) была догматическая борьба двух исповеданий¹⁸. В Армении, как и в Сирии, распространилось и утвердилось учение монофизитов, осужденное Халкедонским собором 451 г. Отсюда возникла постоянная распря между церковью греческой и армянской, обособившейся в 598 г. Каждая считала другую еретической, что повело к постоянной полемике и взаимной вражде. Расширение византийской власти в Армении и деятельность императора Ираклия доставили в Армении временное преобладание халкедонизма, что совпадает с периодом торжества эллинизма в литературе. За этим следовала, однако, национальная реакция, связанная, между прочим, с тем фактом, что многие армяне предпочитали лучше подчиниться арабам, чем еретическому императору Византии. При католикосе Иоанне IV Одзунском, по прозванию Имастасер (т. е. философ), соборы Двинский, 719 г. и, особенно, в Манацкерте, 726 г., подтвердили ряд отличий армянской церкви и произнесли осуждение халкедонизма. На втором из этих соборов присутствовало 6 сирийских епископов и произошло сближение церквей Армянской и Сирийской. Несколько постановлений этих соборов правильно сохранены нам, возможны споры¹⁹; во всяком случае около этой эпохи монофизитское учение вновь получило преобладание в армянской церкви и впоследствии осталось одним из ее догматов. Полемика между халкедонизмом и национальным вероучением составляет главное содержание всей армянской церковной литературы VI—X веков.

Несмотря на сильное потрясение, вызванное араб-

ским нашествием, внутренняя жизнь Армении при арабах изменилась мало. Армения только сменила господина, причем новый, естественно, казался более жестоким, чем прежний,— и только. Объединение почти всей Армении под властью арабов повело к усилению по всей стране нахарарского строя. Экономическое состояние страны, несмотря на опустошительные войны, не было тяжелым, что видно по размерам дани, которой Армения была обложена арабами. Историки конца VIII в. определяют эту дань в 13 миллионов диргем ежегодно (до 7 миллионов р.),—сумма огромная по тому времени. Позднее размер дани постоянно уменьшался, в начале IX в. Армения платила только 8 милл., потом—4 милл., а в X в.—менее 2 милл. диргем. Но это уменьшение стоит в связи не с обеднением страны, а с ослаблением халифата, которое повело, как мы видели, к возрождению политической самостоятельности армян и к возникновению Багратидского царства.

Однако века политического порабощения Армении были в то же время эпохой первого высшего расцвета ее литературы²⁰. «Золотой век» начинается в начале VI ст., тотчас после изобретения алфавита, переводом Библии. Теперь установлено, что первоначально Библия была переведена на армянский язык с сирийского, а потом, когда стараниями свв. Саака и Месропа были получены хорошие греческие тексты, этот перевод исправлен по переводу 70-ти. Исправления возобновлялись не раз, а иногда делались и новые переводы. Отношение ныне существующего перевода, отношение его к текстам сирийскому и греческому, а также к первоначальному армянскому,— вопросы еще не вполне выясненные. Несомненно только, что за период каких-нибудь 30 лет после изобретения алфавита в армянском переводе появилось все Священное писание (может быть, за исключением

отдельных мест и книг менее основоположных). В тексте перевода, который дошел до нас, знатоки усматривают высочайшие достоинства. Лапроз, напр., называет армянскую версию Библии «царицею переводов», Корнели говорит, что в ней «красота и изящество соединены с абсолютною точностью», и т. п. Перевод Библии оказал величайшее влияние на развитие армянской литературы. Национальная традиция даже делит всех авторов первого периода на две категории: переводчиков старших и младших, с точки зрения их отношения к переводу Библии. Правильнее видеть в этом делении различие авторов сирийской школы и авторов-эллинистов. Таким образом, на самой заре армянской литературы мы находим в ней два течения, две школы, соответственно с основными религиозно-политическими течениями эпохи: одно сложилось на почве общения с сиро-персидским культурным миром, другое — с греческим. (Позднее это деление приобрело новый смысл: сторонников национальной церкви и защитников халкедонизма).

Ранняя армянская литература дала, между прочим, богатое собрание переводов, преимущественно с греческого, большая часть которых принадлежит деятелям школы эллинистов. Переводы эти обнимают все отрасли знания того времени, — богословие, философию, историю, риторику, грамматику, географию, астрономию и т. д. Так, были переведены многие сочинения Иоанна Златоуста, Филона Еврея, Василия Великого, Афанасия Великого, Аристотеля, Порфирия, Псевдо-Каллисфена, Сократа (историка), Дионисия Фракийского (грамматика), жития святых и мн. др. Эти переводы дали возможность следующим поколениям приобретать научные познания на родном языке. В VII в., эпохе расцвета эллинизма, лицо, прошедшее курс этой учености, называлось в Армении *кертох* (собств. поэт), почему и школу эллинистов

называют иногда школой кертохов. Эллинисты отличались критическим отношением к трактуемому вопросу, и для них особенно характерны философские трактаты, каковы, напр., сочинения философа Давида Непобедимого, переводчика Аристотеля и Порфирия²¹. Одним из первых кертохов считают Вртанеса, жившего на рубеже VI—VII вв. К ранней переводной литературе относятся еще переводы басен Олимпиана, «Сборники притч Вардана». Впрочем, некоторые из названных переводов проникнуты духом другой, не эллинистической школы²².

Самостоятельное армянское творчество в этот период особенно полно сказалось в области истории. На первом месте должно поставить биографа Месропа, монаха Корюна. Близко к нему по времени стоит историк Лазарь Парпский, написавший продолжение истории Фавста Византийского, и продолжатель Лазаря, Елисей (Егише). Оба повествуют о религиозной борьбе армян с персами в V веке. «Их две книги,—говорит А. Чобаньян—это две страницы христианской эпопеи», и страницы, поистине, яркие, трогательные, поэтические. Более сух, но зато более научен Себеос, живший уже в VII в. и написавший «Историю императора Ираклия», в которой изображает его как героя борьбы с неверными. «Утвердил Господь милость свою над Ираклом», говорит Себеос, описывая удачу императора. Продолжателем Себеоса был Леонтий, написавший историю арабских завоеваний между 632 и 788 гг.²³. Наиболее же популярным из армянских историков остался Моисей Хоренский, которого традиция относит к V в., а новые исследования переносят в конец VI столетия (и даже в IX в.) «Плохой историк, писатель неровный,—справедливо говорит А. Чобаньян,—Хоренский всегда истинный поэт. Он стал как бы Гомером для армянского народа». У Хоренского сохранились драгоценнейшие предания армянской древности, стари-

ные народные песни и т. д.²⁴ Церковная литература вращалась вокруг полемики с халкедонизмом. В этот же период (VII—VIII вв.) были сложены и некоторые церковные гимны, дошедшие до нас,—наиболее древние образцы искусственной армянской поэзии²⁵.

В искусстве, в начале периода, после ранних античных влияний, возобладало влияние сирийское²⁶. Архитектурные формы древнейших христианских храмов Армении (V—VI вв.) тесно связаны с современными им сирийскими постройками. (Таковы раскопанные Н. Я. Марром и др. базилики Ереруйская, Касальская, древнейшая Анийская). Потом, в связи с торжеством эллинизма, перевес получили византийские формы строительства, удержавшиеся на долгое время в армянской архитектуре, хотя еще остается открытым вопрос, насколько это является следствием подражания, а не самостоятельного творчества. В церковном зодчестве период арабского владычества (VII—IX вв.) «характеризуется квадратным крестообразным планом и группировкой массива здания вокруг центрального купола, вся тяжесть которого ложится на четыре арки». Но в ту же эпоху встречаются храмы совершенно иного типа, именно — кругообразные и многоэтажные, тип, известный пока лишь на армянской почве и являющийся любопытным возрождением античных (языческих) форм. Самым поразительным примером такого рода должно признать Звартноц, т. е. храм Бдящих Сил, близ Эчмиадзина, развалины которого поныне поражают посетителя грандиозностью и гармоничностью плана. Кругообразный храм во много ярусов был окружен гигантскими колоннами с изысканно-богатыми капителями, снаружи обведен еще поясом гранатов и человеческих фигур и щедро, внутри и снаружи, орнаментирован барельефами. Один этот храм уже свидетельствует о мощности монументально-художественной культуры армянского народа.

ственного творчества армян в начале средневековья²⁷. Открыты и другие храмы того же типа, относящиеся к той же эпохе. Позднее, уже в Багратидском царстве, Гагик I воздвиг в Ани как бы воспроизведение Звартноца, разрушенного к тому времени (храм Григория Просветителя). Менее известно о скульптуре и живописи той эпохи, так как памятников их почти не сохранилось; может быть, развитию их мешали художественные воззрения мусульманских соседей. Впрочем, об известных достижениях в области скульптуры говорят барельефы Звартноца и великолепный барельеф всадника и двух воинов, открытый в Ани: этот барельеф относится к VII—VIII вв., но имеет еще ирано-сасанидский характер.

Возникновение в IX—X вв. независимых армянских царств послужило стимулом к новому расцвету в Армении духовной жизни. Центром ее стало Багратидское царство и его столица. Быстрый рост города Ани, сам по себе уже был культурным творчеством народа²⁸. Время основания Ани точно неизвестно²⁹. Вероятно, то был раньше укрепленный замок, постепенно разросшийся в центр нахарарства. Столицу в Ани перенес Ашот III, особенно же усердно возвеличением и украшением города занялся Смбат II. Прикрытый с Запада и с юга Арпа-чаем, с востока — глубокой «долиной цветов» (Тзакго-дза-Дзор) и защищенный с севера широким рвом, окруженный к тому же крепкими стенами, Ани скоро стал одним из сильнейших и красивейших городов своего времени... Говорят, что Смбат II, желая дать нерушимое обещание, клялся «тысяча и одной церковью Ани». Следующие Багратиды продолжали застраивать и улучшать свою столицу с несколько «восточной» пышностью. Мы уже говорили о великолепном Анийском соборе, заложенном Смбатом II и достроенном Гагигом I при содействии царицы Кадрамиге. Вспоминая этот храм, Нер-

сес Благодатный восклицал в своей «Элегии»³⁰: «Роскошью постройки был он подобен и равен небесному святилищу!» Собор—трехнефный, но средний неф далеко превышает размерами два других,—черта, типичная для всего армянского церковного зодчества. Позднее (XII—XIII вв.) собор был перестроен в несколько ином стиле, но в Багратидское время, по-видимому, представлял гармоничное целое. Раскопки обнаружили и ряд других великолепных зданий (преимущественно церквей) Багратидского Ани, который мог соперничать с прославленнейшими городами Европы и Азии.

Рост Ани был только символом общего одушевления, охватившего все царство Багратидов. Как только первым царям удалось создать сравнительно спокойные условия жизни и обеспечить хотя бы центральным областям царства безопасность, немедленно все силы народа пришли в движение, оживив торговлю и ремесла, строительство, просветительную деятельность, науку, литературу, искусства. Мы приводили выше показания хроник о том, что отдельные цари—Багратиды усердно строили церкви, монастыри, больницы, странноприимные дома, школы. Застраивалась вся страна, маленькие селенья обратились в торговые города, обители отшельников—в центры просвещения. То же, хотя и в меньших размерах, замечалось в других армянских царствах и княжествах. Торговля Армении, благодаря ее удачному (в этом отношении) географическому положению, всегда быстро развивалась, как только допускали это условия политической жизни. В летописях Багратидского времени и позднейших мы встречаем упоминание множества городов, городков и крепостей, из которых многие потом совершенно исчезли с карт и развалины которых поныне ждут, под землей, своего исследователя. Быть может, летописцы преувеличивают, когда описывая разгромы

тюрков, скорбят о громадных разграбленных богатствах и о разрушении скольких-то десятков или сотен церквей в городе³¹, но несомненно, что большинство армянских городов того времени преуспевало, богатело и ширилось. Ани, Нахичевань, Артцен (Эрзерум?) в Багратидском царстве, Багеш (Битлис) в царстве Арцрунидов (Васпураганском), Карс — в Ванандском, Лори — в Албанском (Таширском) и мн. др. вели огромную торговлю, служа посредниками для обмена продуктами между Европой, через Византию, и Востоком, — Аравией, Персией, Индией, даже Китаем. В страну притекали деньги, усиливалась роскошь и утонченность жизни высших классов общества, население возрастало. Армянские историки утверждают, что в лучшие времена Багратидское царство могло выставить армию в 100.000 человек.

Есть все основания полагать, что средний уровень образованности в Армении стоял в Багратидскую эпоху достаточно высоко, пожалуй выше, чем во многих европейских странах того же времени (т. е. века глубокого средневековья). В строительной деятельности Багратидов летописцы не раз отмечают постройку школ: из этого следует вывод, что обращено было внимание и на народное образование. Большое, сравнительно, число рукописей, дошедших от Багратидского царства (непосредственно или через посредство Киликийского царства), подтверждает распространенность грамотности среди населения, прежде всего во многочисленных монастырях. Сочинения той эпохи свидетельствуют, что уровень познаний армянских ученых X—XI вв. был несколько не ниже, нежели их европейских собратьев, по крайней мере в тех отраслях знания, которые привились в Армении: в истории, географии, богословии, общей «схоластике» и др. Творческие создания литературы, поэзия той эпохи, уже содержат зачатки пышного расцвета позднейшего

периода, а в некоторых отношениях остались непревзойденными³². Правители других армянских «царств» стремились соперничать с Багратидами, украшая свои столицы красивыми зданиями, старались также привлекать к себе ученых и поэтов. Абас Ванандский одно время создал средоточие умственной жизни в своем маленьком Карсе.

В частности, литература Багратидского периода представлена рядом созданий, которые, если и уступают произведениям Золотого века в стройности замысла и, особенно, в чистоте языка (как указывают специалисты), то равняются с ними по своему значению, а философски богословские трактаты этой эпохи далеко превосходят предшествующие глубиной содержания, разносторонностью даваемых сведений, оригинальностью точки зрения автора. Главнейшие исторические труды IX—XI вв. естественно посвящены судьбам Багратидов. Таково сочинение Шапуха Багратида (не дошедшее до нас), затем его продолжателя Иоанна VI Католикоса (ум. в 925 г.), описавшего события конца IX и начала X в., и Аристакеса Ластивертского, изобразившего падение Багратидского царства (до 1064 г.), две работы, на которые неоднократно делались нами ссылки³³. Дом Арцрунидов нашел своего историка в лице Фомы Арцруни, дающего важные дополнения и поправки к панегиристам Багратидов³⁴. Более общие задачи ставил себе Стефан Таронский Асохик³⁵, написавший «Всеобщую историю», где описал судьбы Армении в X в. Кроме этих трудов, дошли до нас сочинения по истории Албании, армяно-грузинских отношений и др. «Все эти писатели,— говорит F. Nève,— изображали ряд бедственных событий, следовавших одно за другим на близком расстоянии; но, с торечью оплакивая их, они выражали непобедимую надежду на возвращение независимости,— надежду, наполнявшую сердца всех их современников».

Церковная литература в Багратидском царстве продолжала рабству предыдущего периода. До нас дошли письма по догматическим вопросам (собранные в «Книге писем»), писанные католикосами, епископами и князьями того времени³⁶. Писались и отдельные богословские трактаты, среди которых выдаются сочинения Григория Магистра Пахлавида (ум. в 1058 г.), — одного из немногих писателей эпохи, не принадлежавших к духовному званию. Григорий Магистр был эллинист огромной ученой, видный политический деятель, «полиграф», как его определяет F. Néve. Григорий оставил весьма много разнообразнейших сочинений: переводы двух диалогов Платона, обширнейшую переписку, ряд трактатов и, наконец, произведения стихотворные. Сын этого Григория, Григорий Мартирофил (ум. в 1105 г.) также был видным писателем и переводчиком.

Однако наиболее значительным писателем эпохи должно признать Григория Нарекского (951—1003 гг.), сына также выдающегося писателя, Хосрова Андзевацийского (ум. в 972 г.), автора нескольких богословских сочинений³⁷. Григорий Нарекский писал толкования на библейские книги, проповеди и т. д., но слава его основывается на сложенных им духовных песнопениях, которые справедливо называют «Священными элегиями». До сих пор молитвенник Григория пользуется широким распространением в армянском народе, называясь просто «Нарек». В этих стихах духовное одушевление соединяется с истинным поэтическим вдохновением, и многие аллегории Григория остаются прекрасными, независимо от их богословского толкования. Григорий создал целую школу поэтов, носящую название Нарекской, произведения которой, частью, сохранились в сборнике «Шаракан», окончательная редакция которого относится уже к следующему периоду, и во многих отношениях был про-

возвестником того исключительного богатства расцвета лирического творчества, каким ознаменована армянская литература конца средних веков.

Этому многообразному расцвету литературы, как и всей эволюции культурной жизни в Армении, нашествие сельджуков нанесло тяжкий удар. Армянский народ выдержал и это очередное потрясение, одно из многих, выпавших на его долю в течение веков; впоследствии духовная жизнь Армении вновь ярко заиграла в центрах Киликийского царства и в обновленном Ани. Но линия естественного движения вперед была еще раз надломлена, и Армения не могла уже дать все то, что позволительно было бы от нее ждать при нормальных условиях развития.

...Киликийское царство погибло, не существование его было далеко не бесплодным. Более 2 столетий оно давало возможность армянам в независимом государстве, при правлении своих национальных королей, развивать основы своей культуры, — государственного строительства, политики, науки, литературы, искусств. Киликия теснейшим образом связала армян с западноевропейским миром, сделав их «авангардом Европы в Азии». Наконец, через Киликию, благодаря ее напряженной духовной деятельности, дошли до нас данные и традиции древней Армении, — любовно и внимательно сохраненные киликийскими армянами предания их родной старины. Большое число армянских рукописей, по которым мы знакомимся теперь с древнейшей армянской письменностью, было переписано в центрах Киликии, ее городах и монастырях. Киликийское царство в истории армянского народа — страница яркая, своеобразная и необходимая.

В свой наиболее блестящий период Киликийский двор, по выражению Н. Адонца, «перетянул к себе лучшие силы из Армении»: поэты, историки, ученые, филосо-

фы, художники, мастера — массами стекались в Сис, где находили и работу и просвещенное покровительство государей и вельмож³⁸. Борьба западного влияния, очень сильного в Киликии, с национальными традициями, придавала ее литературе своеобразный характер, и особую остроту. Всего больше сказалось это в литературе богословской, где националистам приходилось защищать самое существование Армянской церкви и ее основные догматы против притязаний папства, поддерживаемых некоторыми королями (которые надеялись через Рим получить помощь Европы в борьбе с мусульманами). Эта борьба с идеями «франков» сделала необходимым тщательное изучение старой национальной литературы и способствовала сохранению многих памятников старины. Около так называемого Красного монастыря в Киликии сгруппировалась целая школа богословов, успешно отражавших нападки западных проповедников и борющихся с «униторским» движением, т. е. с идеей соединения церквей, Армянской и Римской. В защиту унии выступил Нерсес еп. Ламбронский (ум. в 1198 г.), один из образованнейших людей своей эпохи, хороший поэт, блестящий оратор, острый полемист, автор множества сочинений по разнообразнейшим вопросам. Греки и «франки» называли Нерсеса Ламбронского «вторым апостолом Павлом», дивясь его мудрости, учености и святости. Сторонником Нерсеса Ламбронского был католикос Григорий Отрок (Тга, ум. в 1193 г.), также написавший ряд сильных произведений. Напротив, ожесточенно боролись с унией Григорий Тутеорди, Давид Хобайрский и мн. др. Средние взгляды защищал Нерсес Благодатный, более замечательный как поэт. Всех писателей, вступивших в спор об унии, было очень много, тем более, что спор продолжался и после падения Киликийского царства (так, против унии, с особой силой писали Иоанн Оротан-

ский, ум. в 1384 г., его ученик Григорий Татевский, ум. в 1411 г., Фома Мецобский, ум. в 1446 г., и др.). Эти вероисповедные споры придают богословской литературе Киликии, по свидетельству знатоков, необыкновенную живость: то — не сухие рассуждения на отвлеченные темы, но одушевленная борьба за самые жизненные вопросы, «публицистика» того времени, со всеми характерными особенностями идейной полемики.

Рядом с «публицистикой» расцветала в Киликии и литература научная. Среди киликийских историков головой выше всех выдается Матфей Эдесский, автор хронографической (погодной) истории, обнимающий события от 952 по 1136 г. Иногда сухой перечень фактов, история Матфея Эдесского, в отдельных частях (ближе к концу), становится оживленным и патетическим рассказом, местами даже ярко-поэтичным (два описания землетрясений), сохраняя везде эпический тон, напоминающий Моисея Хоренского. Григорий Иерей продолжил историю Матфея Эдесского до 1162 г., но сухо и сбивочно. Характерны для киликийских историков рифмованные хроники, написанные в восточной манере — с одной рифмой, идущей иногда на протяжении нескольких тысяч стихов. Это — или перечни королей, с указанием на важнейшие события, или — подлинные эпические песни. К последнему роду относится «Элегия на взятие Эдессы» Нерсеса Благодатного и, менее поэтическая, «Элегия на взятие Иерусалима» (Саладином) Григория Отрока. Заслуживают внимания еще летописи Смбата Кочнетабля (ум. в 1276 г.) и Мхитара Айриванского (по 1289 г.), «Всеобщая история» Вардана и др. О «Истории татар» короля Гетума I предполагают, что она была написана первоначально по просьбе папы Климента V, на французском языке, после чего переведена на латинский и армянский. Не всегда легко разграничить историков именно Кили-

кийского царства от писателей Севера. В ту эпоху между древними армянскими областями (княжеством Захаридов) и Киликией существовали оживленные сношения, и писатели часто переезжали из Ани в Сис или из северных монастырей в южные, так что некоторые историки Киликии по происхождению были северяне. Во всяком случае, историческая литература в Киликии была представлена достаточно ярко. Рядом с ней процветали труды по точным наукам, по медицине, по юриспруденции, переводы — с греческого, латинского и сирийского и т. п.³⁹. Большая часть научных работ Киликии погибла, но что они не были исключением, то доказывается существованием в Сисе ученой Академии, славившейся по всему армянскому миру широкой постановкой народного образования в королевстве, его постоянным общением с ученым миром Западной Европы и т. п.

Что до армянской поэзии, то пышный расцвет ее относится к векам уже после падения Киликийского царства, но в нем окрепли многие ее ростки. При дворе киликийских королей стихи были в моде, подобно тому, как на Западе государи покровительствовали трубадурам, минестрелям, мейстерзингерам. Киликийские поэты сделали много для теории стихосложения, придав ей ту определенность, которая чувствуется у позднейших армянских поэтов, сравнительно с ранними гимнами «Шаракана». Наиболее значительным поэтом Киликии был бесспорно Нерсес Благодатный, вообще один из плодотворнейших писателей эпохи (ум. в 1173 г.). Поэмы Нерсеса Благодатного написаны с исключительным техническим мастерством, но дышат и трогательной задушевностью. Свое прозвание Нерсес получил столь же за кротость характера, как за «благодатное» изящество стиля, и его духовные песнопения остаются образцами религиозно-поэтического вдохновения. А. Чобаньян на-

зывает Нерсеса «одним из величайших поэтов церкви», и параллель его гимнам приходится искать в XIX веке у Верлена. Естественно, что Нерсес создал целую школу поэтов, пытавшихся следовать по дороге учителя. Отрывочные данные, вроде «Песни на пленение Льва», показывают, что лирика вообще была в чести в Киликии, и, вероятно, все выдающиеся события времени находили при Сисском дворе своих «шансоньеров». Позднее, в последние годы Сиса, в нем появлялись и многие видные поэты Севера, например Иоанн Ерзынкайский, которому король Лев III устроил торжественный прием, показывающий, как уважали поэзию при дворе киликийских государей¹⁰.

Искусство киликийского периода еще недостаточно изучено. По образцам, дошедшим до нас через Ани и другими путями (килийский ковчег короля Гетума, хранящийся в Эрмитаже, резьба по камню, миниатюры из евангелия короля Льва III и т. д. (можно утверждать, что оно никак не уступало северному. Но в Киликии до сих пор археологические работы, можно сказать, не начинались, так что мы можем судить лишь по показаниям современников, единогласно восхвалявших величие и красоту Сиса и других городов Киликийского царства. Без сомнения, напряженной государственной деятельности и богатой литературе соответствовало и высоко развитое искусство. Если мы примем это утверждение, опровергнуть которое можно только фактами, мы должны будем представлять Киликийское царство XIII—XIV вв., как один из центров духовной жизни всего человечества. Армения во второй половине средневековья сумела создать на Востоке очаг истинной культуры, выдерживая одна «борьбу со всей Азией». Такая борьба не могла кончиться иным, кроме трагической гибели; но достижения Киликии не должны были погибнуть бесследно, так как

успели уже пустить прочные корни. Религиозно-философские идеи, приемы творчества и мастерства, создание литературы — уже были разнесены из Киликии по всему армянскому миру и могли, хотя с трудом, развиваться далее, то в монастырских кельях Севера, то в свободных армянских колониях Европы, Азии и, позднее, Америки...

Киликия, словно сознавая, что ей суждена краткая (для государства) жизнь, как бы с лихорадочной поспешностью стремилась проявить свое творчество во всех областях духовной жизни. Киликия создала свой государственный строй, пыталась на новых основаниях перестроить церковь (уния), внесла свой вклад в науку (килийские историки), дала свою литературу, свое искусство, в то же время торопливо подводя итоги родной старине. Погибая, Киликия завещала свое наследие более счастливым (только относительно!) областям, где еще возможна была духовная работа, — и это наследие было ими сбережено, хотя бы и не полностью, среди гроз и бурь последующих веков, и послужило одним из оснований для нового возрождения национальной армянской культуры.

...В этот тяжелый период (XVI в.) единственной областью, где армянский народ мог проявить свободное творчество, оставалась литература⁴¹. Укрываясь за монастырскими стенами, армянская мысль продолжала гореть ярким пламенем. Монастыри стали центрами просвещения: Ахбат-Санаинский, Гетик, Гладзор, Татев. Подавляемые иноверными, армяне Севера тем настойчивее защищали свои национальные традиции. На Севере нашлись самые красноречивые борцы, против унии, писавшие в годы, когда Киликия доживала последние часы, а Захаридское княжество было уже во власти монголов. Продолжая дело Нерсеса Ламбронского и Давида Хобайрского (из Сасанидского монастыря), унию громили:

Нерсес Мушский (из Гладзора, ум. в 1284 г.), Исай из Нича (ум. в 1339 г.), Мхитар Сасунский (ум. в 1337 г.), Иоанн Оротанский (ум. в 1384 г.), Григорий Татевский (ум. в 1411 г.) и др. Не прерывали своей деятельности и историки: уже в XV веке при турках-османах, Фома Мецобский (ум. в 1446 г.) написал свою «Историю Тамерлана и его преемников»; в других монастырях составлялись хроники или писались продолжения к историческим трудам прошлого: так, напр., хроника Самуила Анийского была продолжена сначала до 1335 г., потом до 1424 г., наконец, даже до 1665 г. В XVII и XVIII вв., в т. наз. Эчмиадзинский период (когда престол католикоса был перенесен в Эчмиадзин), были составлены хроники Иоанна Тцарского (от 1573 до 1600 г.), Аракела Тавризского (от 1586 по 1628 г.), Захария Диякона (от 1634 по 1700 г.) Авраама Критского (ум. в 1736 г.) и т. п. В монастырях писались и сочинения научные, делались переводы с других языков (напр., сочинения Иоанна Ерзынкайского), составлялись комментарии к древним памятникам, переписывались замечательные сочинения прошлого, — вообще литературная жизнь не умирала, несмотря ни на какие внешние удары, доказывая, что жив и дух армянского народа.

Замечательно, что именно в эпоху крайнего угнетения свободной жизни высшего расцвета достигла армянская лирика, оправдывая слова поэта: «Чего нам нельзя запретить, что с запретом всего несовместней, это — песня!» (А. Фет). В то время, когда Запад начинал дышать первыми веяниями обновляющегося Возрождения, в Армении, казалось бы отброшенной ко дням Атиллы и вандалов, тоже зазвучали песни, призывающие к радостям жизни, прославляющие вечную прелесть природы и всепобеждающее счастье любви. На основе гимнов «Шаракана» и технических завоеваний киликийских поэтов вы-

росла на Севере новая школа поэтов, культивировавших преимущественно любовную лирику, затем лирическую сатиру и стихи гномические. Большею частью монахи того или иного монастыря (ибо вне монастырей не было и просвещения), эти поэты XIV—XVI вв. сумели сочетать пышные восточные формы поэзии (арабской, персидской, выработавшиеся, впрочем, одновременно с армянскими) с глубиной чувства и с серьезностью замыслов. Это средневековая армянская лирика, полумонастырская по своим авторам, едва ли не высшее, чего достиг армянский народ в области поэтического творчества. Начиная с Фрика (ум. в 1330 г.) и Иоанна Ерзынкайского (ум. в середине XIV в.), идет длинный ряд высокоталантливых лириков: Константин Ерзынкайский, Аракел Багешский, Мкртич Нагаш, Кэробэ, Ованнес Ерзынкайский, Ованнес Тылкуранский, Наапет Кучак, Григорий Ахтамарский и мн. др.⁴² Их поэзия, драгоценная по своим художественным достоинствам, дает в то же время немало и историчку, так как рядом с песнями любви и счастья в ней неизбежно звучат и горькие жалобы на страшную современность. Позднее, через посредство «ашугов», бродячих певцов, перенявших многие формы монастырской лирики и сливших ее с традициями народной песни, эта поэзия XIV—XVI вв. (впрочем, имевшая своих представителей и в XVII в.) влилась в русло новоармянской литературы.

Эта новоармянская литература зародилась уже не в областях исторической Армении, а в ее колониях. Невыносимые условия жизни в древнеармянских провинциях и в бывшем Киликийском царстве вызвали, в XVII—XVIII вв., усиленную эмиграцию армян. В Индии (в Дели, Бомбее, Мадрасе, Калькутте), на Зондском архипелаге, в Сиаме, в Китае, даже в Тибете, возникли армянские колонии; такие же колонии образовались во всех столицах и больших городах Западной Европы и России,

в Северной Африке, потом в Америке и в Австралии. Эти колонии и послужили ячейками, в которых зародилось новое армянское Возрождение⁴³. В частности возродилась и литература, которая стала пользоваться уже не древним умершим языком (грапар), и не тем «средним» языком, на котором слагали свои песни средневековые лирики, но новым, разговорным языком, выработавшимся в последние 2—3 века. По особенностям двух главных диалектов, новая армянская литература разделилась на две ветви: западную (центры которой были в Константинополе и в столицах Западной Европы) и восточную (русских армян). Громадную роль в истории этого возрождения как общекультурного, так, в частности, литературного, сыграло братство мхитаристов, основавшееся сначала в Венеции, потом и в Вене... Но история этого возрождения уже выходит из рамок нашей «Летописи».

О КНИГЕ А. В. АМФИТЕАТРОВА «АРМЕНИЯ И РИМ»

Историческое сочинение. Т. I. Т-во «Просвещение». Петроград.

История Армении — какая богатая тема для историка и писателя! Еще слабо разработанная даже в специальных трудах, история Армении для большинства русских читателей, вероятно, неизвестна совсем. Кроме небольшого очерка К. Костаньянца, появившегося в прошлом году (в «Армянском сборнике» и отдельно) и посвященного исключительно древней Армении, в нашей литературе нет ни одной работы на эту тему, доступной широким кругам читателей. Есть, конечно, чрезвычайно ценные исследования ученых историков, но они уже требуют предварительной подготовки; есть статьи в энциклопедических словарях, но они сухи и даже мало понятны незнакомому с предметом; есть, наконец, и несколько популярных очерков, но совершенно устаревших, порой до комического наивных, вроде книги некоего Ив. Шопена (изданной в 1852 г.). В то время как русский читатель имеет десятки прекрасных пособий, чтобы ознакомиться, не говоря уже с историей античного мира, но даже с историей древнего Египта, Ассирии, евреев, первобытной Америки и т. п. — сведений об армянской истории почерпнуть неоткуда или надо обращаться к иностранным литературам, впрочем, богатым, в этом направлении, лишь относительно.

Между тем, какой неисчерпаемый клад представляет история народа, обнимающая два с половиною тысячелетия (от VII в. до Р. Х. по наше время) и теснейшим образом связанная со всеми важнейшими явлениями, которые только потрясли Старый Свет! Армения упоминается еще в Библии, которая устами пророка Иеремии, призывает «царства Араратские» принять участие в сокрушении Вавилона. На заре своей истории армяне ведут борьбу с ассирийцами, потом — с древнеперсами, под власть которых попадают на два столетия. Дарий Гистасп хвалится своими победами над армянами, а Ксеркс ведет вспомогательный армянский отряд по Фермопилы и к Саламину. Затем Армения разделяет судьбу Востока, завоеванного Александром Великим, и вступает в семью эллинистических государств. С появлением в Азии римлян, начинается борьба Армении с Римом, длящаяся, с малыми перерывами, до последних времен империи. Армении выпадают ее «часы торжества», когда она сама разрастается в «империю», имея границами Каспийское море и Палестину. Ведает Армения и дни тяжких падений, когда она обращается в простую римскую провинцию, управляемую легатом (при Траяне, но такое положение дел продолжалось, однако, не более одного года). Армяне сражаются с лучшими полководцами Рима — с Суллою, с Лукуллом, с Помпеем, с Антонием, с Корбулоном, с Марком Аврелием. Борьба продолжается после распада империи на две части, но потом Армения, принявшая христианство и теснимая вновь возникшим царством новоперсов, становится верной союзницей Восточной империи. Империя платит за эту верность предательством (как прямо признается Аммиан Марцеллин), и Армения оказывается поделенной между двумя своими могучими соседями: Византией и Персией. Кончается древняя история Армении и начинается средняя.

Хотя книга А. В. Амфитеатрова посвящена лишь древней истории Армении, мы скажем, однако, несколько слов и об ее дальнейших судьбах, представляющих для историка интерес никак не меньший, если не больший. Две Армении, Восточная и Западная, участвуют во всех перипетиях многовековой борьбы Византии с Персией. Реформы Юстиниана, походы Ираклия, богословские споры, художественное развитие Византии — все это находит свое отражение в жизни Армении. Арабское завоевание объединяет обе половины Армении, а ослабление халифата позволяет (с IX в.) возродиться независимой Армении в царстве Багратидов. После двухвекового самостоятельного развития Армения вновь падает, разрушенная коварством византийцев и нашествием турок-сельджуков. Но из развалин восстает еще раз, создав два царства: на севере — вассальное (в зависимости от единой Грузии) княжество Захаридов и на юге, в Киликии, — независимое царство Рубенидов. Княжество князей Долгоруких (Захаридов) живет одной жизнью с семьей азиатских средневековых государств. Киликийское царство (Рубенидов) вступает в тесную связь с средневековой Западной Европой. Через Киликию идут крестоносцы, киликийские короли получают свой титул от папы и императора Священной Германо-Римской империи; Киликия ведет оживленную торговлю с Западом и воспринимает его идеи, его науку, его литературу. Но наступают страшные времена походов Тамерлана и потом завоеваний турок-османов. Все в передней Азии рушится; мрак монгольского ига окутывает недавно культурные страны; для армян начинается эпоха тяжчайших испытаний: трехвековое рабство под гнетом турок и персов (XVI—XVIII в.). Только в XIX в. наступает медленное возрождение, в значительной мере обязанное успехам русского оружия. Завершение этих событий совер-

шается уже на наших глазах, когда русские войска одерживают новые победы на берегах древнего Вана, где жили прародители армян, урартийцы, с которыми воевала Ассирия...

Остается добавить, что, при всех этих превратностях судьбы, армяне, за тысячелетия своей исторической жизни, создали самостоятельную культуру, внесли свои вклады в науку и оставили миру богатейшую литературу, к сожалению, до сих пор недостаточно изученную. Труды армянских историков давно пользуются заслуженным признанием, так как сохранили нам сведения, утраченные во всех других источниках. В армянских переводах дошли до нас многие сочинения античных писателей, утраченные в подлинниках. Но, может быть, высшую ценность представляет армянская средневековая лирика, являющая изумительное сочетание восточной роскоши фантазии и пышности образов с чисто эллинской гармонией и сдержкой: стройное соединение начал Востока и Запада. Нет сомнения, что лирика армянского средневековья, когда станет широко известна, будет признана в числе лучших драгоценностей всего человечества. Наконец, самая история Армении представляет собою единственную эпопею, еще зарытый клад для историка, сокровища которого надо только вынести на свет, чтобы они засверкали тысячами многоцветных лучей.

А. В. Амфитеатров избрал из этого богатства лишь небольшую часть, что конечно благоразумно, так как вряд ли возможно трактовать историю двух с половиною тысячелетий сколько-нибудь обстоятельно в небольшой работе. Самая книга «Армения и Рим» составляет I том «Исторического сочинения» «Царство зверя» и примыкает к предшествующей 4 томной работе А. В. Амфитеатрова, посвященной эпохе Нерона, «Зверь из бездны». В новой книге читатель встречает те же методы исследо-

вания и ту же манеру изложения, как в прежних. Автор бегло обозревает древнейшую историю Армении и подробнее останавливается на событиях последнего века до Р. Х., попутно разбирая примыкающие сюда (иногда довольно отдаленным образом) вопросы из истории Рима и соседних стран. В основу работы, несомненно, положено знакомство с важнейшими литературными первоисточниками, т. е. с античными историками и географами (Плутарх, Тацит, Дион-Кассий, Юстин, Страбон и др.) и с известнейшими армянскими историками, сочинения которых имеются в переводе (Моисей Хоренский, Агафангел, Фавст Византийский, Лазарь Парпский, Себеос и др.), а также с новой литературой предмета (французской, немецкой, итальянской). Многие вопросы автор пересматривает заново и дает на них собственные ответы, расходящиеся со всеми авторитетами. При всем том автор находится в безусловной зависимости от своих предшественников в самой постановке вопросов: новых общих точек зрения не выставляет и ничего существенного в установившихся взглядах не изменяет. Хотя в книге имеются отдельные экскурсы в область бытовой и экономической истории, изложение преимущественно занято внешними событиями, описанием войн и сражений, внешних форм государственного устройства, характеристиками «великих людей» той эпохи. Пишет автор крайне легко, в лучших местах — увлекательно, но часто определенно впадает в стиль фельетонный. Таким образом книга А. В. Амфитеатрова является чем-то средним между научным исследованием и популяризацией: тип работы, впрочем, вполне заслуживающий права на существование и разрабатываемый, за последние десятилетия, многими историками на Западе.

Но приняв закономерность метода, усвоенного автором, мы все же должны указать, что в некоторых частях

работа могла быть исполнена значительно лучше. «Армения и Рим» кое в чем уступает даже «Зверю из бездны», как в научном, так и в литературном отношении. По-видимому, автор не знаком с некоторыми капитальными работами по своему предмету. Так, мы не заметили влияния теорий и исследований акад. Н. Я. Марра, установившего новую, ныне большинством ученых принимаемую, гипотезу происхождения армян (от слияния индо-европейского, фригийского племени, пришедшего в Малую Азию в эпоху киммерийского движения VII в. до Р. Х., с племенами яфетидского корня, урартийцами и др.). Далее не заметили мы следов влияния известных лекций проф. Г. Халатянца, большого исследователя Fr. Tournebize — «Histoire politique et religieuse de l'Arménie» и некоторых других важных для арменоведения трудов. Поэтому древнейшая история армян изложена у А. В. Амфитеатрова слишком поверхностно и не везде с согласия с новейшими данными науки. Собственный предмет книги, история I века до Р. Х. рассказана гораздо внимательнее и в общем стоит на уровне науки, хотя автор слишком полагался на книгу N. Dolens et A. Katch, дельную, но уже нуждающуюся в коррективах. Другим основным пособием автора была книга Т. Рейнака о Митридате, блестящая, но односторонняя. Впрочем автор щеголяет начитанностью, иногда без надобности. Так для описания области Гагр и близлежащих местностей цитируется: Гиппократ, Страбон, Арриан, Прокопий, Ив. Шопен, К. А. Бороздин, немного далее еще — Литвинов и Чезаре Фамин. При этом автор серьезно говорит о «филологических гипотезах» Шопена, который в своей книге обсуждает, например, вопрос, не есть ли армянский язык тот, на котором говорил Ной до потопа. Для характеристики Митридата и Тиграна Великого приводятся обширные выписки (почти печатный лист) из Т. Рейнака,

Моммсена, Гертцберга, Ферреро, Дюрюи, Петера, Мери-
валя, Атто Ванучи, Доленса и Кача, П. Асдуриана и еще
др. Несмотря на то, характеристики решительно не уда-
лись автору, тогда как в «Звере из бездны» были пре-
красные портреты. Отдельные частности в книге также
возбуждают сомнение: вряд ли границы Армении прости-
рались когда-либо «до Египта» (стр. 102); о местопо-
ложении Тигранакерта (а не «Тигранакерты», как пишет
автор) могло бы дать важные сведения сочинение
Lehmann-Haupt, автору, кажется незнакомое (стр. 126);
неверно, что до Тиграна В. не сохранилось монет, чека-
ненных армянскими царями, и т. п.

Что касается метода изложения, то его фельетон-
ность порою возбуждает досаду. Не говорим о том, что
автор систематически модернизирует античные идеи (что
принято многими, хотя вряд ли основательно), говорит
о «штабах армий» Суллы или Лукулла, «камарилье»
Суллы, «правящая система» римлян и т. д. Досаднее,
когда мы слышим, что «Каллимах по-ростовичински сжег
Амиз», что «корона загостилась на голове Тиграна», что
«Митридат ударился морем в Крым», а «Помпей ударил-
ся в патриотизм» и т. п. Многие из таких образов вовсе
не соответствуют миросозерцанию древних и искажают
для читателя облик античной жизни. Наконец добавим,
что правописание армянских слов принято автором по
западной системе (а не по произношению русских армян,
которое более соответствует древнему произношению, в
чем сознается, напр., западноармянский историк Ф. Тур-
небиз), но и в этом направлении не выдержано строго.

При всех этих свойствах книги, которые мы считаем
недостатками, она хранит яркие черты постоянной и раз-
носторонней талантливости А. В. Амфитеатрова. Многие
страницы написаны живо и серьезно и открывают перед
читателем как бы новый мир. Живо проведена строгая

критика Моисея Хоренского, как историка, хотя в книге автор отдает ему должное как творцу «национального эпоса». Из характеристик наиболее удачна — Лукулла, которого автор успешно защищает от обычных упреков истории. Очень ценны отдельные маленькие замечания, рассматривающие некоторые второстепенные вопросы. В эти примечания вложено много эрудиции, труда и остроумия; с некоторыми из выводов нельзя не согласиться, хотя они идут вразрез с установившимися мнениями. Наконец, самая история Армении столь важна, столь интересна, что заслуживает величайшего внимания попытка ознакомить с ней широкие круги читателей. Книга читается почти «как роман» и в то же время дает очень много научных сведений, русским читателям бывших до сих пор неизвестными. Наш окончательный вывод: книга А. В. Амфитеатрова интересная и дельная и прочесть ее следует.

ԷՄԻԼ ՎԵՐՀԱՐՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՄԱՍԻՆ

(Эмиль Верхарн об Армении)

Բելգիայի ժամանակակից մեծ բանաստեղծ էմիլ Վերհարնի վերջին գիրքը՝ «Les Ailes Rouges de la guerre» («Ռազմի կարմիր թևերը») դարձավ նրա որբածին (посмертный) գիրքը: Այդ գրքի այն օրինակի վրա, որ տաղեղիս գրողը ստացավ Բելգիայից, հեղինակի ձեռքով արված է հետևյալ մականգրությունը՝ «Au très cher Valère Brussov, du patriote à patriote, très amicalement, Verhaeren» «Սիրելի Վալերի Բրյուսովին, հայրենասերից՝ հայրենասերին, բարեկամորեն, Վերհարն»): Բայց մինչև այդ օրինակի Մոսկվա հասնելը արդեն շաբաթներ էին անցել այն օրից, երբ Վերհարնի եղբրական մահվան բոթը խոր կսկիծ գցեց ամենքիս սիրտը: Ծանր էր ինձ համար և դառն տեսնել կենդանի մարդուց կենդանի մարդուն ուղղված այդ խոսքերը, որոնց գրողին վիճակված չէ այլևս գրել ոչ մի ուրիշ տող, բայց և քաղցր էր մտածել, որ նրա վերջին խոհերից մեկը նվիրված է իր սուր բարեկամներին:

Այդ մականգրության մեջ Վերհարնը հայրենասեր էր անվանել իրան և, իհարկե, նա իրավունք ուներ կրել այդ վեհ մականունը, բառի լավագույն, ճշմարիտ ու գեղեցիկ իմաստով: Լինելով հանդերձ այնպիսի գրող, որին ունկն էր դնում ամբողջ Եվրոպան և նույնիսկ ամբողջ քաղաքակիրթ աշխարհը, Վերհարնը իր գրական գործունեության նշանավոր մասը նվիրեց իր փոքրիկ հայրենիքին, իր փոքրիկ ազգին: Մի շարք հեղինակություններ (ավելի քան տասնհինգ) նա

նվիրեց «Համայն Ֆլանդրիայի» փառաբանության, նրա անցյալի ու ներկայի բնորոշման, նրա մեծ նկարիչների (Ռեմբրանդտ, Ռուբենս և այլն) ուսումնասիրության, նրա գյուղ ու քաղաքների կենցաղի նկարագրության, պապենական ավանդություններին, հայրենի հնության: Բայց Վերհարնի հայրենասիրությունը նեղ հայրենասիրություն չէր: Վերհարնը նույնքան հարազատ հայրենիք էր համարում իր համար ամբողջ եվրոպան, ամբողջ աշխարհը, ամբողջ տիեզերքը, որքան և Բելգիան: «Ֆլանդրիայի երգիչը» միևնույն ժամանակ և համայն մարդկության բանաստեղծն էր:

Մեր օրերի մեծ պատերազմը տիրորեն համակեց Վերհարնի ամբողջ էությունը: Պատերազմը հարվածեց նրան իբրև անհատի, որովհետև գերմանացիք Բելգիան նվաճելիս ավերեցին նրա անձնական գույքը, խորապես ցնցեց նրան, իբրև հայրենասերի, նրա ազգի գլխին բերած անթիվ աղետներով և անգթորեն վիրավորեց նրան իբրև բանաստեղծի և մտածողի, խորտակելով նրա լուսավոր երազները ազգերի եղբայրության մասին և բոլոր մարդկային ցեղերի ապագա միացման մասին մի համամարդկային, գերազույն քաղաքակրթության մեջ: Պատերազմի առաջին օրերից ի վեր Վերհարնը ամբողջովին անձնատուր եղավ նրան: Իբր պատերազմական թղթակից այցելում էր ճակատի դիրքերը, հոգվածների շարքեր էր տպում ֆրանսիական և անգլիական թերթերում, որոնց մեջ աշխատում էր վեր հանել ժամանակակից զեպքերի պատմական իմաստը, գրքեր էր հրատարակում նույն նպատակով (երեք հատ) և դասախոսություններ էր կարդում նույն նյութի մասին Ֆրանսիայի բոլոր մեծ քաղաքներում: Այդ դասախոսություններից մեկից վերադառնալիս էր, որ՝ գնացքը նստելիս, ընկավ շոգեկառքի անխիմների տակ...

Այդ բոլորի մեջ ամենաբարձր տեղն է բռնում նրա պոեմները ժամանակակից զեպքերի մասին: Այդ մեծ արվեստագետը, խոսքի այդ անզուգական վարպետը, որի համար չկար աչքևս անհաղթելի դժվարություն արվեստի մեջ, այդ խորաթափանց մտածողը, որին այնքան հետաքրքրում էր ազգերի

ու պետությունների բախար, իր պոեմների մեջ տալիս է մի շարք պատկերներ, որոնք վառ կերպով վերարտադրում են ահռելի իրականությունը, մի շարք կենդանագիրներ՝ հոգեբանորեն ճիշտ, նուրբ ու բնորոշ և մի շարք խոհեր, որոնք լուսաբանում են իսկական նշանակությունը այն բոլորի, որ կատարվում է մեր ճակատագրական ժամանակաշրջանում: Վերհարնի ոտանավորների մեջ արտացոլում է ամբողջ պատերազմը՝ ճակատամարտեր, քաղաքների կործանում, դյուղերի հրկիզում, սավառնակներ (աերոպլաններ) ու ցեպիլիններ, մահ ու կոտորած և հերոսական գործեր, բայց այդ ոտանավորների մեջ պարունակվում է և այդ բոլոր սոսկալի պատկերների իմաստը, նրանց արդարացումը ապագա մարդկության առաջ: «Ռազմի կարմիր թևերը» ընդմիջտ կմնան իբրև լավագույն և ամենապղծված գիրքը արդի Մեծ Պատերազմի մասին:

Վերհարնը միմիայն «արևմտյան ճակատում» էր անձամբ գիտել պատերազմը: Բայց բանաստեղծի միտքը թևակոխում էր ավելի հեռուները: Այդ գրքում կան մի շարք հիանալի պոեմներ՝ նվիրված Ռուսաստանին, որ բանաստեղծն ըմբռնել է մարգարեի խորագիտությամբ: Ուրիշ ոտանավորներ ճառում են Բալկանյան թերակղզում մղվող կռիվների մասին, մի բուռն սերբերի հերոսամարտի մասին թուրքուզերման հրոսակների դեմ: Վերջապես կան տողեր, որոնք ընթերցողին տեղափոխում են Հին Հայաստանի սահմանները, Մասիսի ստորոտը և Վանա լճի ափերը: Վերհարնը «համամարդ» («ВСЕ-ЧЕЛОВЕК») էր. հայրենիքի երգիչ և ազգասեր լինելով հանդերձ՝ նա հասկանում ու սիրում էր բոլոր ազգերին: Հերոսությունը հայտնության, որ վսեմ ինքնամոռացությամբ հարեց դաշնակիցների դատին, չէր կարող չազդել Բելգիայի մեծ բանաստեղծի վրա: Եվ Հայաստանի տված զոհերը Վերհարնը պսակեց իր ոտանավորների դափնի պսակով:

Վերհարնի պոեմները, ինչպես ճշմարիտ ու վեհ գեղարվեստի բոլոր ստեղծագործությունները, կմնան ընդմիջտ: Շատ ու շատ սերունդներ գեղարվեստական հաճույք կստա-

Նախ նրանցից՝ և նրանց միջոցով գաղափար կկազմեն մեր ժամանակի մասին, որ շուտով առասպելական կդառնա: Ամենքը, որոնք հիշատակված են Վերհարնի գրքում, պետք է իբր թանկագին ավանդ պահեն այն, ինչ որ ասել է Նրանց մասին մեծ բանաստեղծը: Եվ հայ ազգը պիտի իմանա այն սոսկերը, որ Վերհարնը նվիրել է նրան:

«Ռազմի կարմիր թևերը» սրեմներում, բացի առանձին ազնվարկներից, երկու անգամ խոսվում է հայերի ու Հայաստանի մասին: Մի անգամ Վերհարնը հիշատակում է Հայաստանը «Le Cri» («Աղաղակ») վերնագրով ոտանավորի մեջ: Բանաստեղծն ասում է, թե երկրիս երեսին՝ քաղաքների ավերակների միջով՝ կրծքեկուրծք հնչում է հետզհետե սաստկացող մի աղաղակ: Հրաշագործ սիրո աղաղակը չէ այդ, որ երբեմն միացնում էր ազգերն իրար հետ: Մեր օրերի աղաղակն է այդ, անհուն, որ դաշտեղաշտ հնչեցնում է ատելությունը: Նա լսվում է ամենուրեք, բոլոր երկրներում, տարածվում է քաղաքների ու անտառների, գետերի ու լեռների և օվկիանոսների վրայով... Եվ բանաստեղծը թվում է. «Լսո՞ւմ ես այդ աղաղակը դու, Գինեպր, լսո՞ւմ ես դու, Վոլգա, և դու, մարմանդ Սեն, և դու, գեղեցիկդ Լուար, և դու, Թալմադ աղատ, և Պու, Շելդադ ըմբոստ, որ ծառանում ես ընդդեմ արդի վիրավորանքների, ինչպես և հին ոտնձգությանց... Լսո՞ւմ ես, Կովկաս, ինչպես է թնդում նա քո կիրճերում և ձյունապատ ու շանթակոծ դադաթների վրա»: Այնուհետև երեակալությունը տեղափոխվելով ավելի հեռուն, բանաստեղծը ավելացնում է. «Եվ դանդաղորեն իջնում է այդ աղաղակը կարմրաներկ աշխարհն Հայաստան, ծվատում է այնտեղ էրզրում ու Մուշ, Սղերդ ու Բաղեշ և Վան...»: Այդ անուններով բանաստեղծը սահմանադրում է Հին Հայաստանը, չարաբաստիկ Տաճկահայաստանը... Պոեմը վերջանում է այսպիսի մարգարեությամբ. «Գերմանիա, Գերմանիա, սոսկումը ամեն կողմից աճում է քո շուրջը, նա շրջապատում է քեզ իբր լեռների օղակ, որ օրեց-օր սղմվում է և մի օր տապալելու է քեզ ի պատիժ քո արյունախանձ ու խռակա՛ն ոճիրների և մանապեհանդ ի պատիժ քո հրեշավոր սկզբունքների»:

Երկրորդ անգամ Հայաստանը հիշատակված է այն հատորում, որ կրում է «L' Allemagne, exterminatrice des races» («Ազգաչինջ Գերմանիա») սոսկալի վերնագիրը: Պոեմը սկսվում է հանդիսավոր տոններով. «Փա՛ռք քեզ, չայնածավալ, լուսավալ երկինք, այն երեկոները չքնաղ, երբ կարծես երևում է Ուրանիան զենիթում. փա՛ռք և օրհնություն քեզ, անհուն ու խորին անդորրություն ծովերի ու դաշտերի»: Բանաստեղծը նկարագրում է դարնանամուտը. «Երկրիս երեսին սփռվում է դարնան շունչը. թուլանում է ձմեռվան կատաղի թափը, հրճվանքը համակում է ինձ. երակազարկս արագանում է և սիրտս՝ հրճվում է կրծքիս տակ...»: Հանկարծ Եկարագրությունը ընդհատվում է. կարճ, եռանդուն, ընդամենը մի բառ՝ «Pourtant» («Սակայն») պարունակող տողով Վերահարնը անցնում է ուրիշ մտքի:

«Սակայն՝ դեռ չի հասել ըոպեն տոնելու ցնծագին հոգով՝ քեզ, անհուն ու անդորր կյանքդ սար ու դաշտերի, ափ ու կղզիների: Վտանգ է սպառնում մարդկության գերագույն երջանկության, նա մոտենում է, նա մոտեցել է: Տևտոն արծիվները, լայն ասպարեզ փնտրելով իրանց ըմբոստ թռիչքները՝ համար, սղմե՛ են երկիրը իրանց ճիրաններում և տանջում են՝ ոխերմաբար»:

Ահավասիկ ինչպես է վեր հանում բանաստեղծը Գերմանիայի ռազմական սկզբունքները, այդ տևտոն արծիվների ճիշդ:

«Թող սարսափ տարածի մեր հաղթանակը: Թող կոպիտ, անամոթ ու անզուլ լինի ամեն մի զինվոր: Թող մեր օրերում նա հիշի իր նախնիքներին՝ զոթերին, հուններին ու հերոսներին, և պատիվ բերի նրանց: Հաղթելու համար պետք է կոտորել. կոտորել՝ ամեն մի մոռյլ ու անհագ կովից հետո՝ ամենքին անխտիր՝ ծեր ու մանուկ, կին ու օրիորդ, և հանձին նրանց առանց խղճահարության զոհ բերել ամբողջ ազգություն»:

—Օ՛, Գերմանիա, Գերմանիա,—բացականչում է բանաստեղծը,—օ՛, դու, որ խավար ես սփռում՝ ուր լույս էր տիրում»:

Քո ձայնն է այդ, որ հնչում է սարերի ետեից: Քո սկզբունքներն են այդ, որ, ավա՛ղ, նույնն են մնացել, ինչ որ էին հազար տարիներ առաջ՝ հունների ու Աթիլայի ժամանակ»:

Այնուհետև վերհարներ նկարագրում է, թե ինչպես են գերմանացիք իրագործում այդ ավանդները, կիրառում այդ «ազգաշինչ» սկզբունքները: Բնագրում հիշատակվում են երեք երկիր՝ Հայաստանը, Լեհաստանը և Բելգիան, բայց բանաստեղծի նկարած պատկերը ամենից առաջ և ամենից շատ վերաբերում է Հայաստանին: Գերմանիայի թելադրանքով և տաճիկների ձեռքով կատարված հայկական կոտորածների սարսուռն է զգում ընթերցողը բանաստեղծի հետևյալ տունները կարդալիս:

«Վայրագ հրոսակների ձեռքով ավերված գյուղեր, համատարած հրդեհ, արյունաշաղախ սոսկումն ու կատաղություն, որ ցատկելով անցնում է շեմքե-շեմք, տնից-տուն: Մանուկների դիակներ՝ գրկախառնված և նրանց բռնաբարված մայրը մերկամարմին փռված արյունով, սրբել են իրանց գարշ ռճիրները պատերի վրա, թողնելով նրանց երեսին կարմրավուն հետքեր: Մորթված ծերուկներ դեպի երկինք են մեկնում իրանց կծկված մատները: Իսկ այնտեղ, հրաշագործ մատուռի մոտ, ուր երեկոները խումբ-խումբ գնդակահարում են անմեղ մանուկներ, ջրհորի շրթերին ծեփված մնացել են ուղեղի ցայտեր և գանգերի կտորներ...»:

«Օր-օրի ետեից, հզերական արշալույսերին ու վերջալույսերին,—ասում է բանաստեղծը,—ամենուրեք մոլեգին մըռնչում է միևնույն մրրիկը և՛ Հայաստանում, և՛ Լեհաստանում, և՛ Բելգիայում, մրրիկ, որի կատաղությունը դաժանորեն հրահանգված էր նախօրոք, մրրիկ, որի սոսկումը չափված ու ձևված էր վերուստ»:

Պոեմի երկրորդ կեսը կազմում է դիմումը աշխարհիս բոլոր ազգերին, ըստ բանահյուսքի (КОТЕКСТ) նաև հայերին (ինչպես լեհերին ու բելգիացիներին): Այդ ազգերը հազարամյակների ընթացքում աշխատել են, յուրաքանչյուրը իր ուժերի և բնդունակութունների համեմատ, որպեսզի ստեղծեն ընդհանուր երջանկություն ամբողջ մարդկության համար:

Այժմ նրանց ամենքի դեմ ծառացել է Գերմանիան, որ ուզում է կառավարել միայնակ, ուզում է իր տևտոն արծվի «թևերի ստվերով» սքողել տարբեր ցեղերի և զանազան ազգերի շողքը:

Վերջին տողերը կրկնում են սկիզբը, նորից հիշում են դարնաճամուտը և այն, որ ժամանակը չէ տոնելու զարնան դաշուստը. «իր սարերի գագաթից մեզ սպառնում է Գերմանիան, իր շուրջը խավար սփռող Գերմանիան, La faiseuse de crépuscule».

Այդ երկու պոեմներում Հայաստանը հիշատակված է, մյուսներում միայն զգացվում է նրա ներկայությունը: Երևում է, որ բանաստեղծը մտածելիս է եղել նաև հայ ազգի մասին, երբ թվում է մեծ պատերազմի մասնակիցներին և ազգերի կրած դաժան աղետները: Ամեն տեղ, ասում է Վերհարներ «Au ras de terre» («Երկրիս հրեսին») պոեմում, նույն պատերազմն է ամենուրեք, Ֆրանսիայում, Գերմանիայում; Ռուսաստանում և հեռավոր Եդիպտոսում և ավելի հեռավոր Ասիայում: Բանաստեղծի միտքն ընդգրկում էր ամբողջ աշխարհը, որովհետև ամբողջ երկրագունդը այսպես թե այնպես խռնվել էր ազգերի հսկայական գոյամարտին: Երբեմն հիշատակելով հանլանե, երբեմն միմիայն լուելյան ի նկատի ունենալով, Վերհարներ խոսում էր նույնքան բելգիացիների, ֆրանսիացիների և անգլիացիների մասին, որոնց մեջ ինքն ապրում էր, որքան և ռուսների, լեհերի, հայերի, սերբերի և մնացյալ ազգերի մասին, որոնք միացել են իրանց ընդհանուր ոսոխի և ամբողջ եվրոպական քաղաքակրթության թշնամու՝ այն է Գերմանիայի դեմ:

«Ռազմի կարմիր թևերը» գիրքը պիտի կարդա ամեն մի մարդ, որ ուզում է գիտակցաբար վերաբերվել ժամանակակից անցքերին: Այդ գիրքը պիտի թարգմանվի բոլոր լեզուներով, և բոլոր այն ազգություններին պատկանող ընթերցողները, որոնք դաշնակցել են արդարությունը պաշտպանելու ընդդեմ՝ Բելգիան, Սերբիան ու Հայաստանը ավերող դահիճների, մեծ ֆլամանդացու բանաստեղծության մեջ կգտնեն բոցաշունչ տողեր, նվիրված իրանց ազգին:

Բաբու

Հունվար, 1917 թ.

СФИНКСЫ И ВИШАПЫ

(Некоторые черты культуры древнейшего Кавказа)

Среди исторических работ последнего времени совершенно особое место занимают выводы акад. Н. Я. Марра, «открывшего» культуру яфетидов на Кавказе и в области древнего Вана. Это открытие, знакомящее нас с целым культурным миром, о котором наука ранее едва подозревала, изменяет в значительной степени нашу концепцию всемирной истории. Дальнейшее развитие соображений Н. Я. Марра должно повести к коренному пересмотру всех представлений о характере и происхождении древнейших культур Передней Азии и Южной Европы, а следовательно, и современной цивилизации, выросшей, через посредство Рима и Эллады, из элементов Египта, Эгейи и Месопотамии.

Пока, разумеется, идет только накопление материалов, окончательные выводы из которых предстоит сделать лишь в будущем. Но отдельные факты, ставшие достоянием науки лишь недавно, уже проливают ясный свет на некоторые основные черты древнейшей культуры Кавказа и ее отношений к другим, современным ей, цивилизациям. Полагаем, что такие факты представляют интерес для широких кругов читателей, не обращающихся к специальным историческим и археологическим изданием, где помещаются отчеты о новейших научных открытиях.

Тот существенный вывод, к которому приводят нас эти факты, может быть формулирован в одном положении: древнейший Кавказ был теснейшим образом связан с другими культурными центрами современного ему мира. Во 2-м тысячелетии до Р. Х. на земле уже существовал целый ряд таких культурных центров, и они вовсе не были (как долгое время думали историки) обособлены друг от друга, а, напротив, были связаны между собой как постоянными сношениями, так и взаимодействием идей. В сферу этих отношений входили и культурные народы, населявшие в те века обе стороны Кавказского хребта и области древней Армении.

Правда, один из таких культурных центров, во 2-м тысячелетии до Р. Х., уже был бесповоротно отрезан от других: это — культурные царства Центральной Америки, где в ту эпоху заканчивали свое блестящее развитие и гибли, под нашествием «северных варваров» (будущих ацтеков), — царства народа майев. В стороне от общей жизни стоял, во 2-м тысячелетии, и Китай, хотя новейшие исследования¹ выяснили, что «тихоокеанская» культура не всегда была отгорожена от остального мира «китайской стеной», и не только находилась в общении со «средиземноморской», в частности «микенской», но, быть может, оказала на нее могущественное влияние. Зато другие культурные центры, XX—X веков до Р. Х., представляли собою как бы одно целое, систему государств и семью народов, подобные тому единству, какое являют в наши дни страны, объединенные общеевропейской культурой, Египет, Эгейя, месопотамские царства, дер-

¹ См. в этом отношении крайне любопытную книгу: Fenollosa, *Ursprung und Entwicklung der chinesischen und japanischen Kunst*. Verl. v. Karl W Hiersemann, Leipz, 1913.

жава хеттов, этруски в Италии, Кавказ,— все эти «миры» непрерывно общались между собой, вступали в союзы один с другим или вели войны, поддерживали постоянные торговые сношения, так что продукты и изделия одной страны распространялись по всем другим, посылали к соседям посольства,— вообще интересовались друг другом, что вело к обмену идеями, политическими, религиозными, научными, художественными, к заимствованию техники производств, к подражаниям в ремеслах и в искусстве, к смешению языков, к нивелировке бытовых особенностей, по крайней мере в высших слоях общества и т. д.¹

Об том, что в этот круг входил и Кавказ, с его разнообразным населением, свидетельствуют открытые археологами памятники 2-го тысячелетия до Р. Х., которые показывают сходство техники и единство стилей с памятниками других стран, прежде всего Египта, Эгейи и хеттов, но также Этрурии, Двуречья, отчасти даже — Китая и Мексики.

К числу археологических находок последнего десятилетия, говорящих особенно красноречиво, принадлежат бронзовые обивки поясов, в большом количестве найденные при раскопке могильников в Елисаветпольской губернии (близ Калакента и Калабека), но также и в других местностях Кавказа, близ Майкопа, в области

¹ Об эгейской культуре, которая в Греции, на Крите, на островах Архипелага и по побережью Малой Азии предшествовала эллинской, см. интересный очерк проф. В. Бузескула, в «Вестнике Европы», август 1916 г. Очерк живо воссоздает картину эгейской (иначе: «микенской») культуры, характеризуемой критскими лабиринтами, этими своеобразными «дворцами-столицами» или «городами-государствами» и укрепленными, но роскошными замками владык в Микенах и Тиринфе. Как известно, та же культура процветала и в гомеровской Трое.

Вана и т. д.¹. По-видимому, такие пояса были широко распространены по всему Кавказу, а ряд соображений (характер стиля, род предметов, найденных одновременно, и т. п.) заставляет относить время их изготовления именно ко 2-му тысячелетию до Р. Х. и началу 1-го тысячелетия (до VII века). Сделанные из бронзы (что также указывает на эпоху «бронзового» века), эти обивки покрыты богатым орнаментом (гравированным), характер которого, по стилю, по мотивам, по трактовке отдельных фигур, связывает искусство Кавказа с искусством других стран.

Самая форма поясов — та самая, какую мы видим на статуэтках так называемой «позднеминойской» (микенской, эгейской) культуры. На Кавказе носили такие же пояса, какие были в моде у щеголей в критских лабиринтах и во дворцах Микен и Тиринфа. Вероятно, в сходных поясах гуляли и сыновья Троянского Приама, и, может быть, именно так был подпоясан Парис, когда он похищал Прекрасную Елену из дворца отсутствующего Менелая. Совершенно такой же пояс находим мы и на статуе, изображающей одного хеттского царя (X в. до Р. Х.)².

¹ Мы пользуемся описанием этих находок, сделанным в превосходной работе: Б. В. Фармаковский, Архаический период в России. Изд. 1914. Это сочинение (одно из самых замечательных среди исторических трудов последнего времени) дает 64 стр. in folio текста, изложенного сжато, но исчерпывающего предмет, и 29 таблиц репродукций, черных и в красках. Раньше по тому же вопросу писали: W. Belck (1893 г.), В. Virchow (1895 г.), Wilke (1904 г.) в немецких ученых изданиях, а у нас — гр. П. Уварова (1900 г.) и А. Ивановский (1911 г.) в «Материалах по археологии Кавказа».

² О державе хеттов (или «хетитов») и их самобытной цивилизации, развивавшейся в середине 2-го тысячелетия до Р. Х., как вообще о народах и культурах тех эпох, желающие могут почерпнуть необходимые сведения в очень удобном пособии к университетскому курсу — проф. Р. Виппера «Древний Восток и эгейская культура», 2-е дополненное изд., М., 1916.

Орнамент, покрывающий пояса, ближе всего напоминает работы египетские, эгейские и хеттов. Между прочим, в этот орнамент часто входит спираль, мотив, который до безумия любили эгейские художники и который, кажется, от них же перешел и к египтянам. Рядом со спиралью встречаются розетки и фестоны, также излюбленные эгейцами, и, наконец, характерный крест с загнутыми концами (так называемая свастика), который, кроме Египта, Эгейи и искусства хеттов, мы наблюдаем на изделиях майев в Центральной Америке, — где он привел в величайшее изумление испанцев-конкистадоров, не понимавших, как попал символ христианства к народу, не ведающему о Христе¹.

Но украшения поясов состоят далеко не из одних геометрических форм, разного рода кривых линий, зубцов, крестов и т. п.: в орнамент введены элементы растительного и животного мира, и эти элементы дают свидетельства еще более поразительные. На поясах нередко изображаются лошади, покрытые особой попоной-панцирем, с металлическими чешуйками и бляхами; точно такие боевые панцири на лошадях изображаются на рисунках хеттов и египтян. В орнаменте поясов обычны мотивы быков и птиц; те же мотивы повторены на вазах с острова Кипра, где процветала «позднемикенская» культура. На саркофагах того же Кипра встречается мотив сопоставления льва и змеи; тот же мотив повторен и на поясах. Можно думать, что кавказские художники того времени соперничали с кипрскими, и жители Кипра, напр., XII века до Р. Х., приезжая к подножию Арарата, или в долину Куры, не чувствовали себя оторванными от привычной обстановки.

¹ Основные сведения о культуре майев и вообще о культурах древнейшей Америки см. в «Истории человечества», под ред. Г. Гельмольта, Пгд., 1902, т. 1.

Всего интереснее на кавказских поясах — изображения фантастических животных. Так, кавказские художники изображали то зверя с двумя головами на двух концах тела, то зверя, хвост которого заканчивался треугольными листиками или змеиной головой, то еще зверя, у которого концы ног были не с когтями и не с копытами, а с головами грифонов и т. п. Но совершенно такие же звери изображены на некоторых памятниках доисторического Египта, а очень на них похожие — на цилиндрах хеттов, на изделиях эгейцев и, наконец, в искусстве этрусков. Трудно допустить, чтобы только «игра воображения» привела художников, на разных концах земли, к одним и тем же фантастическим образам. Гораздо вероятнее, что мастера одной страны подражали своим иноземным товарищам; или кавказские художники посещали долину Нила и Грецию, любовались роскошью Мемфиса и прелестью «золотых Микен», уносили с собой к подножью Эльбруса воспоминание о причудливых созданиях египетского и эгейского вкуса; или художественные произведения чужих стран попадали на Кавказ, стояли в местных храмах и дворцах и здесь служили образцами для самостоятельного творчества. А всего вероятнее — происходило и то и другое¹.

Не так давно, в Закавказье, обратили на себя внимание ученых огромные каменные рыбы-чудовища, так называемые «вишапы», находимые и в области Вана. Совершенно таких же рыб-драконов выделявали скульпторы древнейшего Египта. Армянин, увидя в музее эти создания искусства далекого юга, возникшие под знойным небом Нильской долины и на благоуханных берегах

¹ Фотографии с этих фантастических изображений воспроизведены в упомянутом сочинении Б. Фармаковского, где сопоставлены рядом — изделия древнекавказских художников, египтян и хеттов: сходство поразительное!

Эгейского моря, непременно воскликнет: «да это — наши вишапы!». И Рамсес Великий, и Тигран Великий одинаково должны были считать этих рыб-чудовищ созданием своих предков. Рядом с «вишапами» часто находят оригинальные каменные плиты с изображением перекинутой и распластанной шкуры быка; аналогичные плиты встречаются в искусстве Египта 3-го тысячелетия до Р. Х., эпохи Нар-ме-Ра¹. Так называемые «могилы великанов» на Алагезе во многом заставляют вспомнить о эгейских гробницах. И если поныне не открыли на Кавказе, в древней Армении, подлинных сфинксов, то это, может быть, простая случайность, так как подобные сфинксам изображения довольно обычны у оснований колонн в искусстве хеттов, к которому столь близко стоит художество древнейшего Кавказа...².

Тесная связь искусства Закавказья с искусством Вана подтверждается целым рядом свидетельств. В 1912 г. было сделано в этом отношении две интересных находки. В Елисаветпольской губернии был найден один из красивейших поясов с орнаментом из ромбов, образованных спиралевидными линиями. А около Вана, на возвышенности Топрак-кале, были собраны обломки фриза (или цоколя) какого-то, нам неизвестного, храма или дворца, и этот фриз также покрыт орнаментом из ромбов, образованных спиралевидными линиями. Точно такой орнамент крайне характерен для эгейского искусства. Добавим, что на фризе, материалом для которого послужил красный мрамор, представлены еще фигуры быков, ви-

¹ Подробное сообщение о «вишапах» и плитах со шкурами быков и сопоставление этих кавказских памятников с египетским искусством 3-го тысячелетия до Р. Х.—сделано в докладе К. Э. Гриневича, в заседании Историко-филологического о-ва при Харьковском университете, 20 октября 1916 г.

² Сфинксоподобные фигуры хеттов представлены у Б. Фармаковского. В искусстве Эгейи встречаются точные повторения египетского образа сфинкса.

ноградные гроздья и листья, деревья, пальметки и, наконец, цветы лотоса. Лотос — обычный цветок в Египте и в египетском искусстве, но мог появиться в создании кавказского художника только как результат подражания иноземному образцу. По разным данным, фриз относится к VII в. до Р. X.¹

В заключение нашего, весьма неполного, перечня, упомянем, что при раскопках в Майкопе, т. е. уже по сторону Кавказских гор, была найдена ваза, относящаяся ко 2-му тысячелетию до Р. X., на которой схематично изображена горная цепь. Некоторые исследователи видят в этой схеме — изображение основного Кавказского хребта, с Эльбрусом и Казбеком, другие — изображение Арарата и Алагеза, с протекающим между ними Араксом. Как бы то ни было, какой-то кавказский царь давних времен пожелал иметь перед собой постоянно, на своей любимой чаше, изображение родных горных вершин, с которыми расстался, поселившись в низких предгорьях у начала Кубанской степи, и чаша эта была положена вместе с телом царя в могилу. Видимо и в те далекие от наших дни, образ Эльбруса или Арарата глубоко западал в душу людей, родившихся у их подножий².

Древнейшая кавказская культура, царства урартийцев в Ване, Наири и другие, погибли около VII в. до Р. X., завоеванные пришлыми фригийцами. Исследования акад. Н. Я. Марра показали, что в армянских наречиях, сложившихся из двух языков: побежденных яфетидов и по-

¹ Описание и воспроизведение фриза — у Б. Фармаковского.

² Описание и изображение вазы — там же. Б. Фармаковский, называя эту вазу «единственной в своем роде», говорит, что «у нас мало памятников, которые могли бы поспорить, по совершенно исключительному значению, с этой вазой, представляющей царскую регалию 2-го тысячелетия до Р. X. и дающей бесспорно древнейшее изображение Северного Кавказа, своеобразную древнейшую географическую его карту».

бедителей арийцев, — уцелели многие элементы первого из них. Н. Я. Марр выясняет, что в древнейших армянских наречиях яфетидского происхождения — слова, относящиеся к религиозному культу: названия жертвенных животных (бык, овца), отвлеченные понятия, связанные с дыханием (дух, душа), также слова, относящиеся к обработке металлов (золото, серебро, медь); наконец, слова, относящиеся к земледелию и родовому быту. Это доказывает, что побежденные яфетиды обладали высоко развитой религией, большим мастерством в технике изделий и долгое время вели жизнь мирную, способствующую процветанию художества. Во всех этих отношениях победители подчинились влиянию побежденного племени, приняв его термины в свой язык. Такие факты служат лишним подтверждением тому, что культурный мир древнейшего Кавказа далеко опередил в цивилизации полудикие греческие племена того времени и жил общей жизнью с высоко просвещенным Востоком эпохи фараонов и вавилонских царств¹.

Может быть, в библейском рассказе о ноевом ковчеге, остановившемся на Арарате, скрыто зерно исторической истины: это — воспоминание о той исключительной роли, какую играли «царства Араратские» (тоже библейский термин) в культурной жизни прежних тысячелетий (2-го и 3-го до Р. Х.). По представлению Библии весь род человеческий вновь разошелся по земле с Арарата и, следовательно, оттуда разлилась вся земная цивилизация. Еврейские повествователи, так видоизменявшие халдейское предание о всемирном потопе, должны были вспоминать, что когда-то с Арарата лился к ним свет знаний, что оттуда ждали они откровений науки и искусства и уроков утонченной жизни. Народы, основавшиеся

¹ См. крайне содержательную брошюру акад. Н. Я. Марра «Кавказский культурный мир», Изд. 1915 (оттиск из «Журнала М. Н. П.»).

вокруг Арарата, представлялись древнейшим евреям, как самые просвещенные среди всех других.

Будущие исследования, конечно, осветят для науки жизнь и быт древнейшего Кавказа. Но и теперь мы уже вправе представлять эту жизнь сложной и утонченной. Кавказ дышал единым дыханием с окружавшими его культурными народами. В те дни, когда Агамемнон, разграбивший богатства древних Микен, вел дикие полчища ахейцев на Трою, этот последний оплот эгейцев, — жители Ванского царства должны были с горестной тревогой ловить известия об этой беспощадной борьбе, которая грозила гибелью целой родственной культуре... Позднее, когда царства яфетидов падали под ударами фригийцев, египетские жрецы, в тиши своих тысячелетних храмов, должны были со страхом видеть в несчастной судьбе издавна знакомого народа — грозное пророчество о судьбе родной страны, которое и исполнилось в близком будущем: Египет тоже пал, сокрушенный персами.

К середине I-го тысячелетия до Р. Х. уже не оставалось на земле ни одной из древнейших культур человечества, — все они были или сокрушены или поработены варварами завоевателями: эгейцы — эллинами, Египет — персами, яфетиды — фригийцами, этруски — римлянами, далекие майи в Центральной Америке — племенами нагуа (ацтеками). Элементы культуры яфетидов сохранились во вновь сложившейся культуре армянского народа. Выделить эти элементы, выяснить их общемировое значение, указать их связь с другими древнейшими культурами, их роль в позднейших стадиях культурного развития человечества, вплоть до современной европейской цивилизации, — вот благодарная задача для историков армянского народа.

Москва, 1917.

ОБ ОВАНЕСЕ ТУМАНЯНЕ

1869—1923

Армения оплакивает преждевременную кончину своего **народного** поэта, Ованеса Туманяна. Это высокое наименование Туманян получил по праву не только потому, что, подобно большинству писателей новой армянской литературы, вышел из крестьянской семьи, но и по всему складу своей поэзии, по отношению к ней самых широких масс читателей. Туманян родился (в 1869 г.) в горной области Лори, в деревне Дсег, и с детства сроднился с природой Армении, с укладом народной армянской жизни, сохранившей еще так много своеобразных черт старины. Все произведения Туманяна пропитаны любовью к родному краю и к родному народу, который надо было любить, так как, в семье других народов, ему выпал особо тяжелый жребий. Поэт подлинный, поэт по призванию, поэт во всем — в стихах и в жизни, Туманян насыщал свою поэзию родными преданиями, народными поговорками, отзвуками народных песен, описаниями национальных обрядов и обычаев.

Туманян был поэтом для всех: и для армянина-интеллигента, знакомого с западными литературами, и для едва грамотного читателя — крестьянина. Туманян был и поэтом для детей, как автор забавных басен и увлекательных сказок, которыми малыши зачитывались в маленьких книжках с картинками. Читатель-армянин в

стихах Туманяна, полных и веселости, и грусти, и серьезных раздумий, и тонкого юмора, находил все близкое себе, знакомое, дорогое; читатель другого народа из поэм Туманяна (он был по преимуществу эпик) узнавал жизнь Армении лучше, чем из толстых томов ученых исследований. На зрелых созданиях Туманяна лежит печать не только житейской умудренности, но и широкого ума и больших знаний. Не получив систематического образования, Туманян всю жизнь, до старости, продолжал учиться. Он собрал огромный запас сведений, особенно в области литератур Востока и ее истории, и дом Туманяна в Тифлисе стал хранилищем одной из лучших библиотек по этим вопросам.

Туманян был по преимуществу поэт, писатель, художник; ему ближе всего были интересы литературы, искусства, науки. Но общественная жизнь находила живой отклик в его чутком сознании. Вопросам общественности посвящены многие, очень многие его стихотворения. И трудно указать в жизни Армении за последние десятилетия такое общественное начинание, имевшее ввиду пользу народа, которое проходило бы без участия Туманяна. Между прочим, он был один из организаторов «Комитета помощи Советской Армении» и за последние годы состоял председателем девяти различных обществ. Туманян был убежденным сторонником «ориентации на Россию», и советское движение на Кавказ имело в нем горячего сторонника. Он верил в будущее Советской Армении.

Популярность Туманяна была огромной. Вряд ли в Тифлисе, где долгое время, почти безвыездно, жил со своей многочисленной семьей Туманян, был человек, — по крайней мере среди армян, — который не знал бы характерной седой головы народного поэта, не узнавал бы с первого взгляда этого доброго лица, выражение кото-

рого всего лучше определить, как сочетание добродушия и мудрости. Но Туманяна знали и в гораздо более широких кругах. Если случалось многолюдное собрание, все голоса всегда предлагали в председатели Ованеса Туманяна, — имя, которое было знакомо всем и на котором все партии примирались. Однажды, когда для выбора католикоса всех армян съехались делегаты всех армянских колоний (из Венеции и т. п.) и после выборов был устроен товарищеский банкет, его «тамадой» (председателем) был провозглашен опять Ованес Туманян, и после его называли «тамадой всех армян».

До последнего времени Туманян, уже больной, продолжал работать. Страданиям, пережитым армянами в эпоху империалистической войны, он посвятил отдельную книгу стихов. Последний сборник стихотворений Туманяна («Книга четверостиший») вышел в 1919 г.; и в Эриванском журнале «Норк» в самый день смерти поэта появилось его новое стихотворение. Болезнь, сведшая Туманяна в могилу, — рак, — проявилась больше года назад.

Армянское советское правительство дало средства народному поэту ехать лечиться в Москву и в Германию; но его жизнь уже была кончена, и 23 марта он скончался в Московской больнице. Похороны также приняты на себя армянским правительством. Прах поэта будет перевезен в его родную деревню Дсег, в горный Лори, и могила поэта будет окружена той природой, той обстановкой, которые он так хорошо знал, так любил и так мастерски изображал в своих поэтических созданиях.

П И С Ъ М А

К. ЧУКОВСКОМУ

12 августа 1915 г.
Москва, 1-я Мещанская 32

Дорогой Корней Иванович!

Сейчас я редактирую сборник «Поэзия Армении» (с древнейших времен, включая поэтов X, XVI, XVII вв. и т. д.). Сам я для этого изучил армянский язык (все лето учился с «профессором»). От других я этого, конечно, требовать не могу, но все же мне нужны переводы, — много переводов. Не согласитесь ли и Вы сделать несколько? — с подстрочного перевода, разумеется. Гонорар скромный, но пристойный — 50 коп. стих. Если есть у Вас досуг, два-три часа, почему бы нет?

Ваш Валерий Брюсов

Ф. СОЛОГУБУ

10 сентября 1915 г.

Дорогой Федор Кузьмич!

Может быть Вы не забыли еще, что любезно дали согласие перевести для сборника «Поэзия Армении». Переговоры об этом вел с Вами П. Н. Макинцян. В настоящее время я взял на себя редактирование этого сборника (для чего, несколько месяцев, усердно изучал армянский язык) и присоединяю свою просьбу к убедительным просьбам всех членов редакции. Вы очень нас всех обяжете, так сказать—«осуществить» свое согласие. С этим письмом я высылаю Вам стихотворение Ваана Териана (между прочим, переводившего Ваши стихи на армянский яз.) — текст-транскрипцию и подстрочный перевод. Мне кажется, что эти стихи достаточно хороши, чтобы быть достойными Вашего перевода. Если, однако, стихотворение Вам не придется по сердцу, я охотно Вам вышлю другое, или несколько, на выбор, и наконец, целый ряд, если Вы захотите перевести для нас не одно, а два-три или более.

Надеюсь, что лето, несмотря на грозовой небосклон мира, было для Вас, как всегда, «урожайным», и Вы привезли с собой в город новую книгу стихов. Если будете в Москве, не забудьте

неизменно дружески Вам преданного
Валерия Брюсова

И. ИОАННИСЯНУ

апрель 1916 г.

Дорогой Иоаннисян.

Стыдно, и очень стыдно, мне, что я до сих пор не писал Вам. Правда, я был болен почти все эти месяцы, но это никак не оправдание. Больше «смягчает мою вину» то, что все это время я был занят, сколько только позволяло здоровье, нашим сборником. Все дни я был в кругу интересов армянской поэзии: переводил стихи с армянского, исправлял переводы с армянского, писал об армянской поэзии, правил корректуры книг об Армении (в общем—трех). Таким образом, душой я был всегда с Вами, много, много раз вчитывался в Ваши поэмы, много раз писал Ваше имя, думал об Вас и о Вашей поэзии. Все это, может быть стоит письма, которого я не написал. Но все же верьте, что и я, и Иоанна Матвеевна не раз это самое письмо писали мысленно и в беседах и, если оно не «воплотилось» на бумаге, то скорее от избытка желания написать его, чем от недостатка.

Вспоминаю теперь наши дни в Баку, как прекрасное видение. Не часто, даже нам, поэтам, выпадает в жизни счастье оказаться в кругу лиц, столь преданных поэзии, как то было с нами в городе огнепоклонников. И еще реже — счастье встретиться с подлинным поэтом, как довелось мне встретиться с Вами. Я знаю, что в те дни мне посчастливилось видеть Ваш лучший образ, но ведь

это и есть Вы — истинный, и таким я Вас помню, буду помнить и буду всегда знать. Оставим наше буднее лицо другим, и будем в своем кругу, в кругу поэтов, поэтами: прекрасное имя, которое значит все то же в наше время, в век нефтяных вышек и гидропланов, как в век Орфея, чаровавшего зверей и скалы. Я всегда верил стихам Пушкина:

«Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует...»

Поэты издревле, и так будет вечно, вплоть до «последнего поэта», изображенного Баратынским, образуют «тайное общество», «сладостный союз» в сем мире. «Клянусь Овидиевой тенью», как говорит Пушкин, я почувствовал себя столь близким Вам, что сразу без всякого на то, конечно, «права», почел себя связанным с Вами, как бы давним дружеством. Потому-то и решаюсь писать Вам эти немного бессвязные строки. И потому-то, может быть, и позволил себе так долго Вам не писать — дружество простит это: дружески можно совершить то, что официально было бы недопустимо. И я надеюсь, что Вы мне ответите таким же дружеским прощением.

В переписке, Вы знаете, трудно начать. Если же первое письмо послано, остальные рождаются сами собой.

Позвольте же мне верить, что эти строки положат начало нашим настоящим письмам друг другу.

Меня вести от Вас порадуют очень, очень. Напишите мне все то, что Вам, в те минуты, когда будете писать, захочется сказать. Из этих слов я вернее всего пойму и все, что было, и все, что предстоит.

Иоанна Матвеевна Вам «кланяется», просит принять ее память и сердечный привет. От души обнимаю Вас.

Ваш всегда
Валерий Брюсов

20 ноября 1916 г.

Дорогой Иоаннисян!

Мне очень хотелось бы Вам сказать какие-либо слова, которые могли бы хоть сколько-нибудь облегчить Вашу душу в переживаемые Вами дни: но таких слов нет на человеческом языке, кроме слов религии, которые не мне говорить... Как всякий другой, «кто жил и чувствовал», я знаю, что значит терять близкого (хотя и не сына), я Вас,— верьте мне, понимаю, но вот это и всё, что я вправе написать. Не знаю Ваших взглядов на смерть. Для меня, как я сказал в одном стихотворении:

Это — не надежда и не вера,
Не мечтой объятая любовь,
Это — знайте, что за жизнью строй
В жизни лучшей встретимся мы вновь.

Здесь долго и неуместно было бы выяснять, как я пришел к такому знанию, но, повторяю, я знаю, настолько знаю, насколько это — либо может человек «знать», насколько существуют научные истины,— знаю, что разлука здесь не всегда. Если бы я мог передать Вам свое «знание», поспешил бы сделать это с радостью, но это невозможно на расстоянии тысячи вёрст. Остаётся мне только напомнить Вам еще одну, общую у нас с Вами, родину: поэзию. Для меня не бывало таких мертвенно-тягостных дней: чтобы магические черты «звуков сладких и молитва» не дали мне какого-то сладко-больного утешения. «Порой опять гармонией упьюсь», говорил наш Пушкин, и, что до меня, я всегда искал одного—этой «гармонии», читать стихи, писать стихи, если жизнь была слишком жестокой. Невольно, непобедимо это возвраща-

ло бы в мою душу сознание о том высшем, в чем примиряется все,— даже смерть ...Но, опять и опять, чувствуя бессилие сказанных слов, «изреченной мысли», которая уже стала «ложью» в моем письме, хотя была и остается «правдой» в моем сознании.

Затрудняюсь сегодня писать Вам обо всем другом. Благодарю за добрые слова о нашем сборнике «Поэзия Армении». Много в ней не так хорошо, как того хотелось бы, много не достаёт, кое-что и неверно, но силы человеческие ограничены. С чистой совестью могу сказать, что я сделал, что мог. Постараюсь позже сделать лучшее и более достойное Вашей прекрасной родины, с которой сживаюсь всё теснее, ибо, продолжаю работать по истории Армении (готовлю особую книгу, которую уже начал печатать). Надеюсь сравнительно скоро увидеть Вас, так как в январе приглашен, что Вы, вероятно, слышали, вновь прочесть несколько лекций в Баку. Итак, до скорой встречи. Буду очень, очень рад вновь Вам пожать руку.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов

И. Ю. КРАЧКОВСКОМУ

22 ноября 1916 г.

Многоуважаемый Игнатий Юлианович! Вы ошибаетесь, думая, что Ваше письмо показалось мне «смешным» и что я «не дочитал его до конца». Напротив, все, что написали, было мне глубоко интересно и, признаюсь, остро огорчило меня.

К сожалению, Вы не приложили своего адреса, и мне трудно писать без уверенности, что мои строки попадут в Ваши руки. Если, однако, это случится и Вы захотите продолжить наш разговор, я надеюсь привести некоторые оправдания в защиту автора поэмы о Абу-аль-Аля-аль-Маарри, т. е. — Исаакяна, который, как теперь я вижу, «виновен», конечно, но, кажется, «заслуживает снисхождения». Что до меня, то здесь также ограничусь несколькими словами. Моя вина в том, что, не будучи знаком с арабской литературой, я доверился своим учителям армянского языка и литературы и комментаторам Исаакяна, а не исследовал вопрос самостоятельно. Результатом такого исследования было бы соответствующее примечание к моему переводу, но и только: поэму Исаакяна я все же перевел бы и поместил бы в сборнике, ибо продолжаю ее считать высокохудожественной, несмотря на неудачно (или, если хотите, «преступно») взятое имя героя. Мне очень жаль, что я арабской поэзии не знаю (но, к большому моему сожалению, знать все — невоз-

можно), и очень жаль, что я, своим умолчанием, совершил несправедливость по отношению к арабскому поэту. Но полагаю, что характеристика армянской поэзии, — что было моей задачей при работе над сборником «Поэзия Армении», — не стала от того менее верной или менее полной. Исаакян написал поэму. Хорошо ли я ее перевел, как поэт, судить не мне. Но, что я поступил хорошо, включив поэму в сборник, это я утверждаю: она характерна для Исаакяна и она прекрасна сама по себе, как создание искусства. Насколько же автор виноват, неосторожно назвав своего героя именем исторического лица (о котором, по-видимому, сам имел смутное представление), — вопрос интересный, но, повторяю, мне трудно обсуждать его, не зная, услышите ли мои слова.

Вас уважающий

и Ваш читатель (к сожалению, недостаточно усердный)

Валерий Брюсов

Искренно завидую Вашему знанию арабского языка. Ах, если бы достичь того, чтобы читать стихи на всех языках земли! Я принимался было за разные восточные грамоты, но ни одной из них не овладел сколько-нибудь по-настоящему. То, что Вы говорите о стихах самого Абу-аль-Аля-аль-Маарри, — заставляет меня особенно больно чувствовать этот недостаток моих познаний.

Ов. ТУМАНЯНУ

13 апреля 1916.

Дорогой Иван Фадеевич!

Стыдно мне,— и безмерно стыдно,— что я до сих пор не писал Вам, еще не благодарил Вас и всю Вашу семью за ту исключительную ласку, с какой Вы нас встретили в Тифлисе. Не оправданием, а объяснением моего молчания может служить лишь то, что все это время я был занят, поглощен, увлечен именно нашим Армянским сборником. Таким образом духовно я все время был с Вами,— и с Вами лично, так как вдумывался в Вашу поэзию, переводил Ваши стихи, писал об Вас, и со всем тем миром армянских поэтов прошлого, который Вам так дорог. И, хотя я не написал Вам ни одного письма, не проходило дня, чтобы я по многу раз и помногу не думал об Вас, невольно вспоминая, с сердечной признательностью, и Ваш облик, насколько я успел Вас узнать в те, незабвенные для меня тифлисские дни. И, уже только на втором месте, скажу, что все это время (почти три месяца) я был **нездоров**: но это одно, конечно, не могло сколько-нибудь объяснить мое молчание, потому об моем нездоровьи больше не скажу ни слова. Хворал,— это — дурно и — все.

О сборнике Вы, может быть знаете кое-что из газет (армянских и русских). Уже скоро мы будем иметь боль-

шую радость (я не без чувства робости перед Вашим судом) — доставить Вам один из самых первых экземпляров. Не буду упреждать события и не буду говорить о достоинствах книги, — да мне, как ее редактору и главному сотруднику, это не пристало. Но считаю себя вправе похвалиться одним достигнутым результатом: еще до выхода в свет книги, она возбудила в **широких кругах** русских читателей интерес к армянской поэзии. Недавно я читал лекцию о «Средневековой армянской поэзии» (от Григория Нарекского до Саят-Новы), в университете (в о-ве любителей Рос. слов.), и мог убедиться, как заинтересованы читатели, раньше и не думавшие о существовании армянской поэзии. И я получаю много писем, от армян и **русских**, свидетельствующих об том же. Если достигнута будет одна эта цель, и то я признаю свою работу окупившейся в сто и более раз.

К Вашим стихам, как Вы уже знаете, прибавили перевод «Капли меда» (хотя К. С. Микаэлян уже выслал Вам этот перевод, посылаю еще экз.: может быть пригодиться). Мне передача сказки кажется очень удачной, — сколько я могу судить, конечно, «Ануш» переведена вся (Вяч. Ивановым), хотя действительно, «вольно», но прекрасными стихами. Один композитор, ознакомившись с переводом, высказал желание писать оперу на сюжет «Ануш». Конечно, недостатки сборника я знаю и чувствую их острее всех, но надеюсь, что есть в нем и достоинства, это меня утешает. Во всяком случае, в книге (помимо поэзии средневековой и народной) центральное место занимают стихи — Ваши, И. Иоаннисяна и А. Исаакяна, одно это уже мне кажется заслугой... Но простите, что я говорю только о сборнике: повторяю, — все эти месяцы я только им и занят, только им и «живу», следовательно, весь в сфере армянской поэзии.

Еще, еще и еще раз прошу Вас принять мою, и Иоан-

Москва, 1-ая Мясницкая, 32.

1 февраля 1917.

Дорогой и многоуважаемый
Иван Иванович!

Не знаю, как и увидаюсь через Пам - в том, это
влюбил Пам в хлопоты, обмывая прелесть в Тифлисе, а
потом пригласил нас отлучиться от этой жизни и удовольствия
Нас, по истине, я считаю самым самым истинным под Памом
предвещивающим, и до сих пор она продолжает наслаждаться
— быть убитым в Пам и со всем тем таинственным чудом,
который была радужно светлым над, Л. М. и мне, в прошлом
году и который мы сердцем помним. Но судьба судила нас
по-прежнему, и мы не в Таку катились, и в Мелане ждали
меня неотлучно, а в Мелане, под влиянием дружеской
улыбки, я почувствовал себя не столько бодрим, сколько
недоволен, и ослеп, что было неприятие для меня в Мелане
защиты меня своим разбором; в. прелесть, полюбиле веру
расширение о прекрасном кругу по фальшивым горам, по
П. прелесть, что заставило меня крайне потратить оторван
Каму в то же время, и ртутно было не мое бже в Мелане,
и еще раз ослеп, ослеп увидаюсь в Мелане, в Пам. Если
Пам бы не хотела, то бы я прожил со мной и истинно лопот
в Мелане, и потаракане потаракане нашего для Мелане
бы в Мелане полюбиле Мелане Различные подробности нашего
Пам бы отнюдь не был при Мелане, когда бы отнюдь не было

Факсимиле письма Брюсова, адресованного Ов. Туманяну.

ны М.[атвеевны] признательность за все внимание, которое Вы проявили к нам. И верьте, что независимо от этого, воспоминания о моей встрече с Вами остаются — и всегда останутся — в числе самых дорогих мне. Увы, не так часто приходится и мне встречаться в сей жизни с **поэтом**, в полном, в прекрасном смысле этого слова. Не откажите передать наши сердечные приветствия Вашей супруге и детям, — всем, кто с Вами и кто (надеюсь, уже не надолго) разлучен.

Душевно преданный Вам

Валерий Брюсов

Ов. ТУМАНЯНУ

1 февраля 1917 г.

Дорогой и многоуважаемый Иван Фадеевич.

Не знаю, как и извиняться перед Вами — в том, что вовлек Вас в хлопоты, обещав приехать в Тифлис, а потом принужден был отказаться от этой чести и удовольствия. Ибо, по истине, я считаю большой честью читать под Вашим председательством, и для меня было бы огромным наслаждением — вновь увидеться с Вами и со всем тем тифлисским кругом, который так радушно встретил нас, И. М. и меня, в прошлом году и который мы сердечно полюбили. Но судьба судила иное. Во-первых, лекции мои в Баку затянулись, а в Москве ждали меня неотложнейшие дела, во-вторых, под влиянием известной усталости, я почувствовал себя не достаточно бодрым, немного нездоровым и опасался, что новое напряжение для лекций в Тифлисе заставит меня совсем расхвораться, в-третьих, последовало вдруг распоряже-

ние о прекращении проезда по железным дорогам, по 15 февраля, что заставило меня крайне поторопиться съездом. Как бы то ни было, я решительно не мог ехать в Тифлис, и еще раз очень, очень извиняюсь в этом перед Вами. Если Вы все же хотите, чтобы я прочел одну или несколько лекций в Тифлисе, я постараюсь приехать именно для этих чтений во вторую половину поста. Разрешите подробнее написать Вам об этом плане из Москвы, когда выяснится точнее, в какие дни мне можно будет предпринять это путешествие. Теперь же я должен только просить Вас отнестись к моему отказу снисходительно и верить, что мне больше всех было грустно отказаться от мечты увидеться с Вами и вновь побывать в Тифлисе. Наиболее пострадавший в этом все же я, так что не лишайте меня Вашего доброго расположения, которое мне так дорого.

Не откажите передать привет от лица Иоанны Матвеевны и моего Вашей супруге, милой Нварт, Гамнику, которые так любовно заботились об нас (простите, что называю их по имени), всем вашим детям и всем, с кем мы имели счастливый случай познакомиться в прошлый приезд. Вас лично от души благодарю за доброе внимание и за предупредительное желание устроить мою лекцию. Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта, и сердечно признан Вам за все Ваше дружественное к нам отношение.

Глубоко уважающий Вас

Валерий Брюсов

Т. ИОАННИСЯНУ

30 декабря 1915 г.

Милостивый Государь,
г. Иоаннисян!

Согласно Вашему желанию, я телеграфировал Вам, вкратце, программу моего доклада, которая, надеюсь, оказалась достаточной для исполнения требований администрации. Теперь высылаю Вам более подробную программу, которую, может быть, Вы захотите отпечатать в форме афиши и т. под. В программе перечислены, конечно, не все имена, т. е. не все те поэты, о которых я предполагаю говорить, особенно среди новейших.

Мы (я еду со своей женой) выезжаем из Москвы 4-го числа, курьерским поездом (в вагоне Международного общ.), и должны быть в Баку рано утром 7-го числа. Пользуясь случаем выразить Вам, как Председателю Общества, мою сердечную благодарность за любезное приглашение, которое даст мне возможность изложить свои взгляды на армянскую поэзию перед слушателями, которым этот вопрос близок и которых он живо интересует.

Примите уверения в моем
глубоком уважении и готовности к услугам

Валерий Брюсов

Т. ИОАННИСЯНУ

7 июня 1916.

Многоуважаемый Тигран Нерсесович!

Душевно признателен Вам за Вашу память обо мне и внимание ко мне. К сожалению, летом я не имею возможности выехать из Москвы: с одной стороны — очень занят, с другой — хочу отдохнуть в деревенской обстановке, а поездки всегда все же утомительны. Может быть, к осени я буду располагать материалом для новой лекции об армянской литературе средневековья, — не поэзии только, но и прозы, — пока же у меня нет ничего нового. Потому позвольте, с благодарностью, отклонить Ваше предложение о лекции где-нибудь на Минеральных Водах. Да и курортная публика, правду сказать, не очень мне по душе. Зато я был бы очень рад вновь оказаться в Баку, о котором мы, я и И. М., сохранили самые хорошие воспоминания.

Кланяемся Адриенне Александровне и желаем ей удачного лета.

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Т. ИОАННИСЯНУ

23 февраля 1917 г.

Многоуважаемый и дорогой
Тигран Нерсесович!

Простите, что это — первое письмо после моего отъезда. Но Вы догадываетесь, что на меня, едва я показался в Москве, накинлись, словно стая волков, всякие дела. Поныне я еще так окружен ими, что едва-едва выбираю минуту написать дружеское письмо. Но мы, с И. М., часто в разговорах вспоминаем берег Каспия, на котором провели столько радостных для нас дней, всех наших кавказских друзей и, конечно, прежде всего Ваш дом, где мы были приняты с таким радушием, и Адриенну Александровну, которой, за ее внимание, вряд ли сумеем выразить, как хотели бы, нашу признательность.

В частности, я хорошо помню свое обещание — достать для Вас нужное Вам изд. Софокла. Но в наши дни не так то просто получить определенную книгу! Я обращался уже в несколько магазинов: Дейбнер совсем отказался разыскать нужное изд., Тастевен обещался «поискать», Вольф взялся «выписать». «Выписывать» я ему поручил, но теперь длится эта процедура несколько месяцев и нередко не приводит ни к каким результатам. Поэтому я намерен «пошарить» у букинистов. Извиняюсь, что еще не сделал этого, но такие поиски требуют

тоже немало времени, ибо должно справиться с каталогами, выбрать час, когда в лавке будет сидеть человек знающий, а не мальчишка и т. д.

Вместе с этим письмом высылаю на Ваше имя рукопись—статью для «Горца». Знаю, что ее следовало послать непосредственно в редакцию и очень прошу меня простить, что беспокою Вас; но я не вполне точно помню, к кому именно надлежит обращаться. Позвольте этот один раз потревожить Вас. Впоследствии постараюсь, если понадобится, иметь прямые сношения с редакцией. Кстати, может быть, Вы мне напомните, кому я должен написать для «Горца».

Посылаемое—отдельно обработанный отрывок из моей лекции «Учители учителей», в той части, где говорится о Кавказе и яфетидах. Я нашел книгу Б. Фармаковского, которая значительно пополнила мои сведения о древнейшем Кавказе. Книга сама по себе—превосходная, но написана слишком «по-ученому», издана в малом числе экз., не то дорога, не то вовсе не продается, вообще большой публике недоступна. Между тем по содержанию она весьма заслуживает того, чтобы ее реферировать для широких кругов читателей. Это я и делаю, добавив некоторые другие данные, из брошюры Н. Я. Марра, из одного доклада К. Гриневича и из др. источников. Писать я старался сколько возможно, популярнее и живее. Все «непонятное» объяснил. Прибавил даже три примечания об том, что такое эгейцы, хетты и майи. Эти примечания, без ущерба для статьи, могут быть откинuty. Пусть редакция решит, нужны ли они для читателей журнала.

Еще раз извиняюсь, что занимаю всем этим Вас. Но, правду сказать, я мечтаю и об том, что Вы возьмете на себя перевод моей статьи, если ред. пожелает ее поместить в журнале. Разумеется, зная, как Вы заняты, я не смею настаивать на такой просьбе, но если бы время у

Вас нашлось, мне было бы приятно и лестно видеть свои строки в Вашем переводе. Если же ред. сочтет мою статью, по каким-либо причинам, для «Горца» не подходящей (я никогда на такие решения ред. не претендую: ей виднее), буду очень просить—мою рукопись мне вернуть: у меня ее уже просит один альманах, полулитературный, полунаучный.

Когда будете встречать общих знакомых, не откажите, пожалуйста, передавать наши искреннейшие приветы. Ивана Никитича поцелуете за меня от души. По-немногу я постараюсь всех благодарить особыми письмами, но сразу сделать это—мне невозможно. Иоанна Матвеевна просит меня отдельно передать Вам ее сердечное приветствие, и Адриенне Александровне—лучшие пожелания, из которых первое—доброго здоровья и чистого французского отношения к миру: бодрого и веселого.

Душевно Ваш

Валерий Брюсов

Р. S. Помню и свое обещание относительно «Записок Археологического о-ва».

Телеграмма

Т. ИОАННИСЯНУ

26 декабря 1915 г

Благодарю, лекция 8, пятница программа Поэзия Армении, влияния под которыми вырабатывалась самобытность армянской литературы. Поэзия древнейшая, народная, средневековая новая. Различие поэзии турецких и русских армян. Значение армянской поэзии для европейских литератур. Лекция будет иллюстрирована образцами армянской поэзии в переводе автора.

Подробности письмом

Валерий Брюсов

11

[датируется приблизительно началом 1916 г.]

Телеграмма

Т. Н. ИОАННИСЯНУ

Часы разлуки заставили нас еще живее почувствовать все радушие Вашего приема. Вновь и вновь благодарим за исключительное внимание. Вас как председателя общества, поэта Иоаннисяна, Андреасянца, Малхазова, Ханзадяна всех милых дам и всех ласково принимавших нас.

Приехали благополучно, встречены крайне приветливо, но не можем забыть бакинские дни.

Валерий Брюсов

К. С. МИКАЭЛЯНУ

15 февраля 1917 г.

Дорогой Карен Сергеевич!

Посылаю Вам записку о предлагаемом мною к изданию сборника «Айастан». Может быть, Вы найдете возможным доложить эту записку сегодняшнему заседанию Комитета или передадите ее на просмотр, частным образом, Степану Григорьевичу. Меня мысль об этом сборнике очень занимает.

2-е изд. «Поэзии» мною почти подготовлено к тому, чтобы сдать «оригинал» в типографию.

Андр. Конст. (от Левинсона) очень озабочен оплатой счета за бумагу. Он просил меня передать Вам, что бумага для 2-го изд. «Поэзии» будет стоить 7353 р., а для «Летописи» — 1260 р. Поэтому он просит Вас приготовить к четвергу 9.600 р. Пишу это по его просьбе.

Дружески Ваш

Валерий Брюсов

Р. S. Аналогичное письмо, с такой же «запиской» я посылаю и Степану Григорьевичу, так как в Вашем доме нас уверяют, что Вы уехали из Москвы, а типография настойчиво требует ответа.

В МОСКОВСКИЙ АРМЯНСКИЙ КОМИТЕТ

Записка об издании сб.
«Айастан»

(от) редактора сборника «Поэзия Армении»
В. Я. Брюсова

Сборник «Поэзия Армении», который был, по предложению и поручению Московского армянского комитета, редактирован мною, имел несомненный успех и оказал, и еще будет продолжать оказывать, влияние в деле ознакомления русского общества с прошлым Армении и ее литературой, без чего невозможно и правильное знакомство с настоящим армянского народа; по-видимому, небесполезным оказался сборник и для части армянских читателей, не владеющих древне- и староармянским языком или не имеющих времени изучать историю родной поэзии в подлинниках. Это возбуждает желание и подает надежду к тому, чтобы продолжить начатое дело.

Бесспорно, сборник «Поэзия Армении» представил только одну сторону в прошлом и настоящем армянского народа: его поэтическое, или даже только—его лирическое творчество. Позволю себе напомнить, что по первоначальному плану сам Московский армянский комитет предполагал не ограничиваться изданием книги, посвященной поэзии, т. е. стихам, но думал, как дополнение или продолжение, издать книгу, посвященную армянским писателям-прозаикам. Следовательно, издатели сознавали, что, выпуская сборник «Поэзия Армении», они

далеко не исчерпывали всех возможностей литературным путем ознакомить русское общество с Арменией и армянским народом.

Вряд ли, однако, возможно составить сборник «прозы», который являлся бы параллельным к сборнику «поэзии» Армении. Как известно, художественная проза, в современном смысле слова, т. е. в форме романов, повестей, рассказов, мало культивировалась в прошлые периоды армянской литературы. Таким образом, сборник «прозы», по необходимости, был бы ограничен лишь новым периодом литературы, и этот второй сборник пришлось бы составлять по совершенно иному плану, нежели первый. С другой стороны, в прошлом армянского народа остался целый ряд различных элементов, притом крайне важных, которые не нашли себе отражения в сборнике «Поэзия Армении».

Мне кажется, поэтому, что, в виде продолжения начатой работы, желательно издать не параллельный том переводов прозаических сочинений, но книгу, составленную по совершенно иному плану, которая знакомила бы русское общество с культурной жизнью армянского народа в ее целом, от древнейших времен до наших дней.

За последнее время в исторической литературе широкое распространение получили хрестоматии, составленные из определенно подобранных отрывков из сочинений писателей разных эпох. В русской литературе таковы: серия сборников, изданных под ред. проф. Тураева (древний Восток), сборники, изданные Жариновым, Никольским, Радцигом, Стерлингом (Восток и античная древность), книги Д. Егорова (средневековье), М. Коваленского (русская история) и др. Будучи по существу школьными пособиями, эти издания имели, однако, успех и в более широких кругах читателей, ибо представляют собою наилучший способ знакомиться с прошлым. Читая

11

подлинные произведения писателей различных эпох, читатель не только получает сведения, заключающиеся в избранных сочинениях, но и знакомится с мирозерцанием людей того времени, воспринимает их подход к событиям, как бы слышит голос отдаленных столетий. В таких хрестоматиях история оживает, приобретает плоть и кровь, становится не «наукой», которую должно изучать, но увлекательным чтением. Забывается то, что вычитано в научном исследовании, но остается в памяти навсегда то, что пришлось узнать от современника, от очевидца и свидетеля событий...

Мне представляется, что именно по такому плану может быть составлен сборник, посвященный Армении, т. е. культурной жизни армянского народа на всем протяжении его бытия, и что такой сборник может сыграть еще гораздо большую роль в деле ознакомления русского общества с армянами, нежели «Поэзия Армении». Разумеется, предполагаемый сборник должен значительно отличаться от перечисленных выше изданий. Те имеют главной целью обслуживать потребности школы и вообще изучения; предполагаемый сборник должен обращаться, напротив, к самым широким кругам читателей, русских и, частью, армянских. Школьные хрестоматии могут включать в себя статьи, которые сами по себе, может быть, и не возбуждают особого интереса, но необходимы для полноты сведений или как иллюстрация к соответствующим частям теоретического курса; сборник, назначенный для большой публики, должен быть составлен из статей, которые все возбуждают, сами по себе, внимание и заинтересовывают читателя. Эти общие соображения определяют, в основных чертах, все содержание сборника.

Предлагаемый сборник должен:

во I-х,— дать читателю полную картину «армянской культуры» за все века ее существования;

во 2-х, представлять собою для среднеинтеллигентного читателя книгу для чтения интересную, а, по возможности, и увлекательную.

Согласно с этими двумя требованиями отрывки из писателей должны выбираться для сборника с двух точек зрения: они должны быть характерными для своей эпохи и должны быть художественными по выполнению. Все художественное для читателя сколько-нибудь подготовленного (интеллигентного) всегда — «интересно». Вместе с тем художественные произведения гораздо прочнее остаются в памяти, нежели отвлеченные рассуждения. Следовательно, задача сводится к тому, возможно ли из сочинений армянских писателей выбрать достаточное число характерных и художественных отрывков, которые составили бы в целом всю картину жизни армянского народа в разные периоды его истории. Лично я полагаю, что такая задача вполне осуществима.

Как наиболее яркий пример того, какие именно отрывки я имею в виду, я укажу на известное место в истории Егише, где он говорит об армянских женщинах. Этот отрывок великолепно знакомит с бытом своего времени: читатель дышит как бы атмосферой той эпохи; вместе с тем, в памяти читателя непобедимо врезаются и те события, о которых говорит Егише, так как нельзя забыть картин, столь художественно нарисованных историком. Кто читал это место в истории Егише, знает об одной эпохе армянской жизни и о всем армянском народе — больше, чем можно узнать из изучения десятка современных научных исследований по тому же вопросу...

Разумеется, указанный отрывок — одно из прекрасных исключений. Но у того же Егише, у Лазаря, у Себеоса, у Моисея Хоренского, у всех армянских историков можно найти страницы такие же яркие и оставляющие неизгладимое впечатление в душе читателя. К ним мож-

но присоединить характерные письма разных эпох, вводящие нас в интимную сторону жизни, некоторые особенно важные документы, отрывки из сочинений (напр. географий), даже богословских, поскольку они живо отражают свое время, некоторые проповеди, в которых иногда картинно обличается современная жизнь, и т. под. Наконец, нет причин избегать и чисто художественных произведений; так, напр., в сборнике могут найти широкое место избранные шараканы, отрывки из рифмованных хроник, из элегий на взятие Иерусалима и Эдессы и т. д. Во всяком случае, я вполне уверен, что для каждой эпохи потребный материал найдется и что все века армянской истории будут представлены в живых картинах, заимствованных из сочинений армянских писателей того времени или из современных документов.

В самых общих чертах, можно указать следующие материалы для сборника:

Для древнейшего периода:

Отрывки из Моисея Хоренского.

Отрывки из проповедей, приписываемых Григорию Просветителю.

Отрывки из Корюна, Агафангела, может быть, и Зеноба Глака.

Древнейшие шараканы.

Некоторые древнейшие надписи.

Отрывки из историков: Фавста, Лазаря, Егише, Себеоса, Езника, Гевонда (Леонтия), может быть, кое-что из Лабубны.

Древнейшие памятники из «Книги писем».

Кое-что из «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому.

Кое-что из сочинений богословских и др.

Для Багратидского периода и сл.:

Отрывки из истории Иоанна Католикоса, Стефана Таронского и др.

Отрывки из истории Фомы Арцруни.

Падение Ани по Аристакесу Ластиверскому.

Кое-что из «Истории Албании» и из Ухтанеса.

Позднейшие письма — Саака Ацукуреша, Гагика Арцруни, Хачика (из Асогика) и др.

Разное из «Нарека».

Разное из сочинений Григория Магистра и его школы.

Средние шараканы.

Некоторые Анийские надписи.

Для периода Киликийского царства и Захаридов:

Отрывки из историков: Матвея Эдесского, Самуила Анийского, Кириака, Вардана, Мхитара Айриванского, может быть, из Смбата Коннетабля, и из «Истории татар» Этума.

Отрывки из хроники Орбельянов.

Отрывки из рифмованных хроник.

Разное из сочинений Григория Иерея, Григория Отрока и др.

Избранные места из сочинений Нерсеса Благодатного.

Из «Элегий» на взятие Эдессы и на взятие Иерусалима.

Избранные места из сочинений Нерсеса Ламбронского.

Позднейшие шараканы; некоторые лирические стихотворения, имеющие характер бытовой; исторические стихотворения (как на пленение короля Левона и т. под.).

Документы Киликийского царства.

Для позднейшего периода:

Отрывки из Малахия «История народа стрелков» и Фомы Мецобского «История Тамерлана».

Отрывки из позднейших историков—Иоанна Тцарского, Аракела Тавризского, Захарии Диякона, Авраама Критского, «История Давида Бека».

Кое-что из истории Чамчяна.

Документы по сношению с Россией.

Свидетельства путешественников.

Литературные произведения, изображающие прошлое (исторические романы и т. под., в отрывках).

Для нового периода:

Отрывки из романов и повестей и отдельные рассказы современных беллетристов (Раффи и мн. др.), где изображается жизнь и быт армян в Турецкой Армении, в Русской Армении и в колониях. Отрывки должны быть выбраны с точки зрения бытоописательной, но быть непременно художественными. Могут быть присоединены и некоторые стихотворения, также изображающие армянскую жизнь и широко распространенные настроения армянского общества. Все перечисленные произведения указаны в виде **примера**. Подробно разработанный план издания, несомненно, многое изменит в этих первоначальных предложениях. Кое-что придется опустить, многое, конечно, будет добавлено, иное перемещено и т. д.

Сборник непременно должен быть **иллюстрирован**. Для иллюстраций должны служить преимущественно снимки с произведений армянского искусства, что будет дополнять и оживлять текст. Так иллюстрациями могут

служить: воспроизведения древних миниатюр, скульптурных произведений, орнамента в древних храмах, позднейших фресок (в Эчмиадзине и др.), также воспроизведения различных исторических предметов (из Анийского музея и др.), наконец,— виды исторических местностей и виды развалин (Ани и др.) и раскопок (Звартноц) и др.; могут служить для иллюстраций и снимки с известных картин, изображающих исторические события или знаменательные местности (Арагат, озеро Ван), снимки с рукописей, автографы и т. д. и т. д. Внешность издания должна быть красивой и расположение иллюстраций и виньеток—дополнять впечатление от содержания книги.

Я полагаю, что составленная по такому плану книга возбудит к себе интерес и внимание гораздо в большей степени, нежели «Поэзия Армении», будет читаться с неослабевающим интересом от начала до конца (что будет зависеть, конечно, от выбора отрывков), и, главное, даст читателю самое полное представление об Армении, армянском народе, его культуре, прошлом и настоящем. Вся история армянского народа и все видоизменения его быта должны ярко выступать из этой книги. Одно перелистывание ее уже научит многому, и простой просмотр оглавления даст ряд сведений.

Так как отрывки будут подобраны с точки зрения художественности текста, то возможно, что связной истории книга не даст. Поэтому сборнику должен быть предпослан вступительный очерк, в котором кратко (всего на несколько страницах) излагались бы основные черты истории Армении. Затем, так как в тексте будет много терминов, намеков на современные события и т. под., то к тексту необходимо будет дать примечания, которые сделали бы чтение легким для самого неподготовленного читателя. В конце книги надобно будет дать критический комментарий (напечатав его петитом, в 3—4, не более,

страницы), с указанием источников, откуда каждый отрывок взят, с какого издания сделан перевод и т. под.

Если бы Московский армянский комитет одобрил предлагаемый мною план, я охотно принял бы на себя редактирование этого сборника, которому можно дать название «Айастан» (предположительно). В таком случае я счел бы своим долгом предпринять изучение древнеармянского языка, чтобы иметь возможность контролировать переводы. Разумеется, я не надеюсь изучить этот язык в подробностях, но думаю, что овладею им настолько, чтобы понимать текст при существующем переводе.

Что касается самих переводов, то частью можно воспользоваться уже существующими, исправив их стиль (Эмина, Патканова и др.), частью придется сделать новый. Но почти все перечисленные мною произведения имеются в переводах или на европейские языки (особенно много на французском), или на ногоармянский, так что труд переводчиков будет значительно облегчен. Переводить заново с древнеармянского то, что никогда не было переведено, придется лишь очень немногое, а, может быть, и вовсе не придется. Многое может быть переведено мною с одного из европейских языков и только проверено и исправлено по подлинному тексту. Но все переводы непременно должны быть внимательно проредактированы, дабы русский текст был безукоризненно правильным, в смысле языка, художественным по слогу и читался без всякого затруднения.

Издание сборника, включая и подготовительные работы, и переводы и редакцию их, и самое печатание книги, не должно занять, по моим предположениям, времени более двух лет. Время это я распределяю так: 6 месяцев на первоначальное мое ознакомление с древнеармянским языком и выработку подробного плана издания;

за это же время могут делаться переводы тех статей, которые непременно войдут в сборник, как, напр., упомянутое выше место Егише об армянских женщинах, отрывки из Моисея Хоренского, шараканы; отрывки из Себеоса и др. историков, и т. под.; вторые 6 месяцев на мое усовершенствование в знании языка и на перевод остальных статей; месяца три на окончательную редакцию книги; и, наконец, до 8 месяцев на самое издание сборника: печатание текста, рисунков и т. д. Если бы условия издания книг за этот срок облегчились, сборник стало бы возможным издать и в более краткое время (однако, все же, не менее, как в 16—18 месяцев).

Предполагаемые размеры сборника: от 30 до 33 листов, т. е. те же, что сборника «Поэзия Армении». Следовательно, и стоимость издания будет приблизительно та же, несколько больше ввиду иллюстраций, но значительно меньше, если условия за 2 года изменятся.

В заключение скажу, что предполагаемый сборник будет представлять несомненный интерес и для читателей-армян: далеко не все могут свободно читать на древнем и средневековом языках, а даже те, кто ими владеют, настолько не имеют досуга и желания перечитывать старинных историков полностью, тогда как сборник представит избранные, отредактированные отрывки. Таким образом, книга сослужит службу и армянскому обществу, знакомя его с родной стариной.

15 февраля 1917 г.

Армянские
писатели о
В. Б Р Ю С О В Е

И. Иоаннисян

ПРИВЕТСТВИЕ ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Разрешите мне от имени Бакинского общества любителей армянской словесности приветствовать Вас — одного из славных представителей любимой всеми нами русской литературы, которая питала и питает молодую армянскую поэзию и на которой воспитывается жаждущая знаний армянская молодежь России.

Мы восхищаемся Брюсовым-поэтом и, одновременно, преклоняемся перед Брюсовым-человеком, который в час нашего бедствия проявил столько симпатии к народу-страдалицу. Велико значение вашей деятельности для нас и особенно ценна она сейчас, когда мы так жаждем вытекающего из чистого источника справедливого суждения. А какой источник может быть чище народного творчества, в котором отражается весь нравственный облик каждого народа, вся его духовная жизнь?.. Нет на свете воздаяния, достаточного за то начинание, которое возглавляете Вы,— начинание, направленное на ознакомление русской общественности с многовековым творчеством армянского народа.

Итак, еще раз приветствуем Вас и от души благодарим за Ваш благородный труд.

(Потом И. Иоаннисян читает свое стихотворение, посвященное В. Брюсову).

Где раньше — глыбы руин
Видали люди в ночи,
Да между голых вершин
Сылахи — плачут сычи,—

Обрел ты, скорбный поэт,
Поющий в дальнем краю,
Седого прошлого свет —
В слезах отчизну мою.

И понял — можем мы петь,
Хотя пока мы рабы,
Хоть суждено нам терпеть,

Но жребий нашей судьбы —
От древних кладбищ найти
К свободе светлой пути.

1916 г.

О. Туманян

СЛОВО, ОБРАЩЕННОЕ К БРЮСОВУ

Когда в начале этого года в Тифлисе гостил наш друг В. Брюсов, он неоднократно выражал свой искренний восторг перед армянской поэзией и горестно удивлялся тому, что русские писатели до сих пор были незнакомы с такой богатой литературой и искусством...

Брюсов рассказывал о том, что к предложению изучить армянскую поэзию он и его друзья отнеслись вначале несерьезно. Но первое же знакомство с поэзией Армении привело их в восторг и сделало армянофилами. Особенное удивление вызывала у них средневековая армянская поэзия. Но тогда восторгались они, теперь — счередь за нами. Я хочу сказать несколько слов о книге «Поэзия Армении». Я не могу не выразить публично своей бурной и искренней благодарности нашим друзьям за мастерство и любовь, проявленные ими в этом прекрасном начинании. Переводы поэтических произведений исключительно трудное дело. Особенно это относится к поэзии, имеющей лишь ей присущий аромат, стиль и дыхание. Даже о хорошем переводе поэтического произведения говорят, что это роза под стеклом. Роза видна, но аромата ее не чувствуешь. Сколько нужно мастерства, чтобы передать специфические особенности нашей поэзии, а кроме мастерства — сколько любви нужно для этого. Как заботливо составлена и с каким вкусом изда-

на эта книга. Каждый, кто прочтет ее — будь то армянин или русский, — проникнется любовью и уважением к нашему народу, знавшему так много врагов и так мало друзей. Всякому ясно значение книги «Поэзия Армении». Поэтому не было преувеличением все то, что превратило Брюсовскую неделю в Тифлисе в праздник. Наконец пришла долгожданная книга. Все те, кто слышал о бедствиях и ужасах, которые испытал армянский народ, теперь узнают и любят поэзию нашей страны. Они не смогут не полюбить ее, так как она сама — любовь, а по словам нашего великого Саят-Новы, «любовь приносит любовь».

1916, январь

О. Туманян

ПО ПОВОДУ ЛЕКЦИИ В. БРЮСОВА

В дни, когда мы, изнемогая от бремени национального бедствия¹, чувствуем себя беспомощными и слабыми, в эти дни приезжает к нам с далекого севера знаменитый русский поэт Валерий Брюсов и говорит о нашем величии, о морально-духовной силе армянского народа.

«Армянская поэзия, — говорит он, — свидетельство благородства армянского народа». И действительно, в поэзии нашей звучат самые сокровенные и самые нежные чувства человеческого сердца. И даже сегодня истерзаный, истекающий кровью армянский народ не повергнут в отчаянии ниц. Он тяжело ранен и погружен в глубокое горе, но творческий дух его ни на миг не ослабевает. С

¹ Речь идет о массовой резне армянского населения в Западной Армении, организованной турецким правительством.

чувством гордости и собственного достоинства мы можем сказать от имени нашего благородного народа: «Мы приветствуем Вас, наш дорогой друг, как крупного представителя русской литературы. С любовью и благоговением мы чтим имена великих гениев русского народа — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Гоголя, Тургенева. Под влиянием русской литературы воспитывались многие наши писатели и интеллигенты. Мы давно уже связаны с русской литературой. Дай бог, чтоб Вы не были единственным, идущим к нам от русской литературы».

1916, 13 января

В. Терьян

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Я с юношеских дней любил твой строгий стих,
Холодный, северный твой сдержанный язык,
И много в нем тепла я чувствовать привык
Под скрытым пламенем спокойных строк твоих.

Так в зелени долин, в родной моей стране,
Медлительный Аракс несет свою волну
И тихим лепетом тревожит тишину,
Волненье грозных бурь скрывая в глубине.

Ты в испытаний дни, в час страшных бурь и бед,
Когда в волнах наш челн захвачен штормом был,
Как верный друг, мой край несчастный посетил
И предсказал нам всем спасение и свет.

Пер. Вс. Рождественского.

В. Брюсов в кругу армянской интеллигенции в Баку.

Аветик Исаакян

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Валерий Брюсов, 75-ти летие со дня рождения которого столь уважительно празднует армянская общественность, еще при жизни пользовался большой известностью и как один из первоклассных русских поэтов, и как теоретик-литературовед.

Незаурядны и неоценимы заслуги Брюсова перед русской литературой и культурой; как пушкинист, исследователь поэзии Пушкина, он занимает исключительное место.

Его интересы, его любознательность поистине не знали предела — ему как бы хотелось объять всю вселенную, он охвачен был неутолимой жаждой знания. Эрудиция у него была сказочной — ни одна из областей науки, искусства и философии не оставалась неизвестной ему. Он мог сказать исчерпывающее слово и о опустившейся на дно океана легендарной Атлантиде, и о математике, и об электронах.

Максим Горький с восхищением говорил, что Брюсов — самый культурный писатель в России.

Брюсов владел многими из старых и новых языков (санскритом, латинским, французским, английским, немецким и т. д.), был знаком с литературой почти всех малых и больших народов, готовил к печати огромную

антологию — «Синтетика мировой поэзии». Но смерть опередила ее...

За свою сравнительно недолгую жизнь (Брюсов прожил всего 50 лет) он написал множество стихотворений, рассказов, романов, драм, которые составили с десятком томов. Многочисленные же очерки, критические статьи, исследования и переводы составят десятки томов.

Он переводил произведения Эдгара По, Бодлера, Верлена, Верхарна, перевел «Фауста» Гете, «Энеиду», Гомера и множество стихотворений разных народов.

Быть может, Брюсов был первым писателем-урбанистом в России, воспевал город — большой индустриальный город с его могучим дыханием и шумом, с его светлыми и темными сторонами, славил трудовой, организованный рабочий класс, его идеалы, его страдания и его борьбу с капитализмом во имя нового, лучшего будущего, во имя всеобщего счастья.

Даже будучи символистом, он не отрывался от жизни, не запирался в мраморной башне, как другие символисты, лишь сквозь ее многоцветные окна рассматривавшие мир, прекрасный как в сказках, и не замечавшие жестокой борьбы классов, обездоленные массы. А Брюсов — поэт-гражданин по внутреннему призванию, переживал всю остроту страданий эксплуатируемого класса. У Брюсова было огромное чувство истории, большое сердце гуманиста, которое помогло ему порвать с символизмом и капиталистическим миром; он вдохновенно приветствовал Октябрьскую революцию и вступил в ряды партии большевиков.

Первоклассный мастер стиха, он все свои знания и опыт большого художника передавал молодым советским писателям.

Особенно дорог Валерий Брюсов нам, армянам, своей глубоко значимой работой в области изучения и оценки армянской культуры и литературы.

В то время, когда армянский народ переживал страшную трагедию, беспрецедентную даже в его бедственной истории; когда озверевшее турецкое правительство вырезывало население Западной Армении, не щадя стариков, молодежь, женщин, детей в своем стремлении стереть с лица земли целый народ, его культуру, его прошлое и настоящее одновременно и, тем самым, навсегда покончить с армянским вопросом (и вырезывало с полного одобрения Германии и при молчаливом согласии Англии с Францией!), — в то именно время в защиту культуры армянского народа, в защиту его правого дела выступил, вместе с великим другом армянского народа — Максимом Горьким — и Валерий Брюсов.

Он выступил, чтобы показать России, и так называемой «цивилизованной» Европе, какое непоправимое, какое ужасное преступление совершают турецкие варвары, уничтожая один из древних классических народов, который выполнял в прошлом и способен выполнять и ныне культурную миссию в мире.

Брюсов любовно и энергично, со свойственным ему редкостным трудолюбием, стал изучать армянский язык, литературу древних, средних веков и нового времени, а также армянскую историю, затем приступил к редактированию антологии армянской поэзии, обеспечив сотрудничество известных и талантливых русских поэтов. Этот трудоемкий и тяжелый труд увенчался блестящим успехом.

В антологию были включены лучшие образцы армянского художественного слова, начиная с древнейшего фольклора и эпоса и кончая стихотворениями средних веков и нового времени. Большую часть стихотворений этого объемистого тома перевел сам Брюсов, со своей безупречной техникой и совершенным чувством колорита.

Добросовестное и тщательное изучение привело

Брюсова к заключению, что богатая многовековая поэзия армян — драгоценный вклад Армении в сокровищницу культуры человечества.

Любовь такого высокоталантливого поэта и великолепного знатока литературы народов, как Брюсов, и данная им оценка армянской поэзии — блестящий залог ее подлинной значимости для всех времен.

На армянский язык переведено много стихотворений Брюсова; чудесны переводы Ваана Терьяна. Переведено также предисловие к «Поэзии Армении» и монография «Летопись исторических судеб армянского народа».

Имя Брюсова живо в сердце армянского народа. С глубокой благодарностью вспоминает он всегда своего великого и истинного друга.

1949 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Велика роль выдающегося русского поэта Валерия Яковлевича Брюсова в изучении и популяризации армянской культуры. Переводы и арменоведческие труды Брюсова имели огромное общественно-политическое значение, содействовали укреплению дружбы русского и армянского народов. Передовая армянская интеллигенция высоко оценила заслуги Брюсова перед армянским народом. В свою очередь демократическая русская интеллигенция по заслугам отметила и оценила большую роль Брюсова—поэта, ученого и переводчика в области укрепления содружества народов и культурного их сотрудничества.

С воодушевлением приступив к изучению и переводам армянской поэзии, Брюсов за очень короткое время ознакомился с богатейшей многоязычной литературой по армянской истории, литературе и культуре. «Мною,— писал Брюсов,—была прочитана целая библиотека книг, на разных доступных мне языках (русском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском), и я успел ознакомиться, как до некоторой степени, с армянским языком, так с тем из армянской литературы, что мог найти в переводе»¹.

Рассматривая армянскую литературу в едином аспекте мировой культуры, Валерий Брюсов увидел, что у

¹ «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», под редакцией Валерия Брюсова. М., 1916, стр. 5.

армянского народа богатое историческое прошлое; его привели в восхищение поэтический гений армянского народа, его духовное богатство и высокий полет мысли. От изучения поэзии Брюсов перешел к изучению армянской литературы в целом, а потом и художественной культуры армянского народа. Вслед за этим он стал заниматься армянской историей, начиная с древнейших времен и до новейшего времени. В этой предварительной работе сказались необычайная вдумчивость талантливого поэта и последовательность подлинного ученого. «В изучении Армении—писал Брюсов,—я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей, что как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении—целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении—такой же самобытный мир красоты, новую, раньше не известную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества»¹.

Со свойственной ему энергией отдавшись изучению истории и литературы армянского народа, проштудировав все старые и новые труды по арменистике, Брюсов написал широко популярный очерк «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» и монографию «Летопись исторических судеб армянского народа». Эти труды Брюсова не раз удостаивались самой высокой оценки на страницах как армянской, так и русской печати, где особо отмечалось их выдающееся научное и общественно-политическое значение. Эти труды на протяжении десятков лет помогали русскому читателю знакомиться с культурой и историей армянского народа.

¹ «Поэзия Армении», стр. 5—6.

Труды Брюсова, относящиеся к армянской истории, культуре и литературе, являются для нас ценным наследием, отражающим определенный этап восприятия и оценки армянской культуры передовой русской общественной мыслью.

История армянского народа изобилует многочисленными примерами героической борьбы и побед. В ее анналах имеются также трагически тяжелые страницы, но народ всегда был преисполнен непоколебимой веры в светлое грядущее; это придавало ему новые силы, стойкость в борьбе. История армянского народа, рассматриваемая в едином комплексе всеобщей истории человечества, произвела глубокое и неизгладимое впечатление на Брюсова. В своей монографии «Летопись исторических судеб армянского народа» он писал: «Еще мало, сравнительно, исследованная, а в широких кругах русских читателей и вовсе неизвестная, история Армении заслуживает внимания в той же мере, как история самых значительных народов, сделавших свой самостоятельный вклад в культуру человечества, не исключая ни египтян, ни эллинов, ни римлян, ни народы современной Европы»¹.

Закончив изучение всех доступных источников по арменоведению, Валерий Брюсов приезжает в Закавказье, где выступает с рядом лекций, посвященных армянской истории и литературе.

Передовая армянская интеллигенция восторженно встретила приезд и выступления одного из лучших сынов великого русского народа.

Приветствуя Брюсова, Ованес Туманян мудро отметил значение исторической дружбы между русским и ар-

¹ В. Брюсов, Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, стр. 7.

мянским народами. «Мы приветствуем вас, наш дорогой друг, как крупного представителя русской литературы. С любовью и благоговением мы чтим имена великих гениев русского народа — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Гоголя, Тургенева. Под влиянием русской литературы воспитывались многие наши писатели и интеллигенты. Мы давно уже связаны с русской литературой. Дай бог, чтоб вы не были единственным, идущим к нам от русской литературы»¹.

В свободное от лекций время В. Брюсов с большим интересом осматривал и изучал древние исторические памятники и достопримечательности Армении.

В. Брюсов посвятил Армении целый цикл стихотворений, отражающих исторический путь, природу, чаяния и надежды армянского народа. («Армянам», «Арабат из Эривани», «Армения», «Арабату», «Тигран Великий»). Особенно сильно и вдохновенно звучит стихотворение «Армянам».

Объединив вокруг себя ряд известных русских поэтов, В. Брюсов привлек их к изучению и переводам из армянской поэзии. В числе этих поэтов были такие мастера, как Александр Блок, Бальмонт, Сологуб, Иванов и другие. В создании сборника большую роль сыграли Ваан Терьян, Александр Цатурян, Погос Макинцян и Карен Микаэлян. Они приложили не мало усилий для того, чтобы предоставить в распоряжение поэта оригиналы и подстрочники, помогали ему овладеть стихией армянского языка. Усилия Брюсова и его коллег увенчались выпуском в свет в 1916 году замечательного сборника «Поэзия Армении». Эта антология армянской поэзии вышла под редакцией, с предисловием и коммента-

¹ Ов. Туманян, Избранные произведения. М., 1946, стр. 374.

риями Валерия Брюсова. Большая часть переводов также принадлежала перу этого большого мастера.

В предисловии к сборнику, озаглавленном «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков», Брюсов охарактеризовал пути развития многовековой армянской поэзии, определил ее роль и значение в мировой литературе. В этом очерке истории армянской поэзии Брюсов особо остановился на армянской народной лирике, отметив ее красочность, эмоциональную непосредственность и самобытность. «Народная армянская поэзия,— пишет Брюсов,— принадлежит к числу наиболее замечательных среди всех, какие мне известны: немногие народы могут гордиться, что их народные песни достигают такого художественного уровня, так изысканно-пленительны, так оригинально-самобытны, при всей их непосредственной простоте и безыскусственной откровенности»¹.

Глубокое восхищение и воодушевление вызывает у Брюсова средневековая армянская поэзия, знакомство с которой он определяет, как открытие нового поэтического мира. «Средневековая армянская лирика есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира. Поэзия совершенно своеобразная, новая для нас по своим формам, глубокая по содержанию, блистательная по мастерству техники»²,— пишет Брюсов.

Говоря о поэзии армянских ашугов, Брюсов отметил, что эта своеобразная форма поэтического искусства достигла вершины своего развития в песнях Саят-Новы. Волшебной силой гения слово народа и сокровенные его чувства выражены самыми отточенными и возвышенными изобразительными средствами. «Саят-Нова,— отме-

¹ «Поэзия Армении», стр. 7.

² Там же.

чает В. Брюсов, — первый показал и доказал своим примером, какая сила таится в голосе народного певца, — показал, что этот певец не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророк... У Саят-Новы все оживлено и одухотворено силой подлинного поэтического гения»¹.

Переходя от художественных памятников древнейших времен и средневековья к армянской культуре XIX века, В. Брюсов особо отмечает присоединение Восточной Армении к России, как большое историческое событие, сыгравшее огромную роль в жизни армянского народа. Расценивая исторические явления под правильным углом общественной их значимости, Брюсов писал: «Уже давно судьбы древней Армении связаны с судьбой великой России; уже целое столетие значительная часть армянского народа живет в пределах Российской империи; армяне — наши сограждане, а еще не освобожденные от мусульманского ига армянские области именно от русских ждут своего освобождения»².

Многочисленными фактами Брюсов показывает культурное возрождение Восточной Армении во второй половине XIX века. Обращаясь к поэзии, он особо отмечает творчество трех крупнейших армянских поэтов — Ованеса Туманяна, Иоаннеса Иоаннисяна и Аветика Исаакяна. «Эти три поэта, — пишет он, — составляют наиболее яркое «трехзвездие» на небе армянской литературы, и ее исторические пути лежат через деятельность этих трех писателей»³.

Давая оценку творчеству этих поэтов и отмечая большую их роль в деле развития родной литературы, В. Брюсов с особой теплотой и восхищением говорит о

1 «Поэзия Армении», стр. 59—63.

2 Там же, стр. 6.

3 Там же, стр. 80.

тениальном писателе армянского народа — Ованесе Туманяне. Он понял и мастерски охарактеризовал магическое обаяние и глубокую социальную значимость творчества Туманяна, реалистическое, многостороннее и красочное отображение жизни и природы родной страны в его произведениях. «Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении и ее жизни, чем могут дать толстые тома специальных исследований. Поэт, в резких и ярких чертах воссоздает быт родного народа, но делает это, как художник, вызывая к жизни незабывающиеся образы, не столько индивидуализованные, сколько типические. В целом поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером»¹.

Из числа поэтов последнего периода В. Брюсов выделяет Ваана Терьяна, произведения которого ознаменовали новую ступень развития лирики в армянской поэзии. Поэзия Терьяна как по форме, так и по содержанию была совершенно своеобразным и новым явлением в армянской литературе.

Говоря же о поэзии западных армян, Брюсов особо останавливается на творчестве ее крупнейших представителей: Дуряна, Мецаренца, Варужана, Сиаманто и некоторых других западноармянских поэтов.

Предисловие В. Брюсова не потеряло большой научной ценности и в наши дни. Русский читатель почерпнет много полезного из него при знакомстве с сокровищами дореволюционной армянской поэзии и для правильной оценки путей ее развития.

Сборник «Поэзия Армении», взятый в целом, представляет значительное явление не только в армянской,

¹ «Поэзия Армении», стр. 78—79.

но и в русской литературе. Он был высоко оценен современной русской печатью. Один из русских журналов того времени писал: «Роскошный и объемистый том переводов армянских поэтов является не только событием для армянской поэзии, но и большим праздником для русской»¹.

Выполненные В. Брюсовым переводы из армянской поэзии древнейших времен, средневековья и новейшего периода явились крупным стимулом в культурном сближении двух народов. Велика общественно-политическая роль брюсовских переводов. Передовая русская интеллигенция по заслугам оценила и достойно отметила ее историческое значение в укреплении дружеских русско-армянских связей. Такой крупный ученый, как академик Н. Марр, особо отметил, что русские переводы Валерия Брюсова не только содействовали оценке в русском обществе художественного вкуса армянского народа, но и заложили идейное основание дружбы в самой высокой области творчества человечества².

С установлением Советской власти в Армении начался совершенно новый период в публикации литературного наследия Брюсова и изучении его творчества. Переводы Брюсова и его арменоведческие труды неоднократно переиздавались отдельными книгами, в многочисленных сборниках и периодической печати³. Брюсову посвящены монографии и исследования ученых, опубликованные на армянском и русском языках⁴.

¹ См. ж. «Летопись», 1917, № 2—4.

² «Об армянской литературе». Ереван, 1941.

³ См. «Антология армянской поэзии», ГИХЛ, М., 1940; Валерий Брюсов. Летопись исторических судеб армянского народа. Ереван, 1940; «Армянская поэзия в переводах В. Брюсова». Армгиз, Ереван, 1956; «Саят-Нова в переводах В. Брюсова». Из-во АН Арм. ССР, Ереван, 1963.

⁴ Обзор этой литературы напечатан в «Брюсовских чтениях: 1962 г.», Армгиз, Ереван, 1963.

В настоящем сборнике впервые представлено как поэтическое, так и арменоведческое наследие В. Я. Брюсова. Из этого наследия многое уже является достоянием истории. Но даже имея в виду последние достижения филологов и историков Советской Армении и делая неизбежную поправку на время, полезно и интересно вернуться вновь к многогранному и талантливому творчеству Брюсова. В настоящем сборнике помещены стихотворения Брюсова об Армении, статьи об армянской истории, литературе и искусстве, письма армянским писателям, литературным и общественным деятелям, отрывки из монографии «Летопись исторических судеб армянского народа».

Вступительный очерк «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» печатается по тексту, специально отредактированному Брюсовым для второго издания. Статья «Сфинксы и вишапы» на русском языке печатается впервые. Впервые публикуется также ряд писем Брюсова деятелям армянской культуры.

Сегодня мы с глубокой признательностью вспоминаем, что в самые роковые дни в жизни армянского народа прославленный русский поэт, ученый и историк — В. Брюсов проявил столько любви и интереса к его культуре, в своих трудах запечатлел замечательные образы армянской поэзии, сделав их достоянием русского и других братских народов.

Правительство Советской Армении высоко оценило заслуги Валерия Брюсова перед армянской культурой, присвоив ему звание народного поэта; одна из лучших улиц столицы и несколько учебных заведений носят его имя.

Велика роль Валерия Брюсова в летописи братской дружбы армянского и русского народов. Брюсов — подлинный, искренний друг армянского народа, один из самых глубоких знатоков и популяризаторов его богатейшей культуры.

Г. Н. ОВНАН

КОММЕНТАРИИ.

І. С Т И Х И

1. К Армении — Впервые напечатано в газете «Русские ведомости», от 25 дек. 1915 г. Печатается по «Избранным сочинениям» В. Брюсова в 2-х томах, т. I, М., 1955.

2. К армянам — Впервые напечатано в Тифлисской армянской газете «Оризон» в 1916 г. (на русском языке). Печатается по «Избранным сочинениям» В. Брюсова в 2-х томах, т. I, М., 1955.

3. К Арарату — Впервые напечатано в журнале «Русская мысль», 1916 г., № 5. Печатается по «Избранным сочинениям» В. Брюсова в 2-х томах, т. I, М., 1955.

4. Арарат из Эривани — Впервые напечатано в журнале «Русская мысль», 1916, № 5. Печатается по «Избранным сочинениям» В. Брюсова в 2-х томах, т. I, М., 1955.

Все четыре стихотворения входят в цикл «В Армении».

5. Тигран Великий — Впервые напечатано в московском ежемесячном журнале «Армянский Вестник», 1917 г., № 1. Позже в «Избранных стихотворениях» В. Брюсова, М., 1945. К этому стихотворению Брюсов сделал следующее примечание: «Тигран Великий—Тигран II, царь Армении, с титулом «царя царей» (95—56 гг. до Р. Х.), вел с Митридатом Понтийским удачную борьбу с Римом и расширил пределы армянского царства «от Куры до Иордана и от гор Мидийских до Киликийского Тавра». Позднее Тигран потерпел неудачу, отчасти под влиянием измены своего сына, Тиграна Младшего. Чтобы спасти свое царство от разгрома, Тигран согласился явиться в стан Помпея, пешком и без диадемы, и преклониться перед римским полководцем. Помпей оставил армянскому царю его трон, его титул «царя царей» и большую часть его завоеваний, которые Тигран и передал впоследствии своему сыну и наследнику Артавазду II (56—33 г. до Р. Х.). Помимо того, Тигран известен как поклонник эллинской культуры, которую он старался распространить среди своего

народа, между прочим, отождествляя национальных богов с боже-
ствами Олимпа. Богиня Нанэ была отождествлена с Афиной Пал-
ладой».

Печатается по журналу «Армянский Вестник», 1917, № 1.

6. **Победа при Каррах** — Впервые напечатано в журнале «Ар-
мянский Вестник», 1917, № 2. К этому стихотворению Брюсов сделал
следующее примечание: «В 53 г. до Р. Х. армяно-парфское войско
нанесло при Каррах тяжкое поражение римлянам, которыми началь-
ствовал один из членов «первого триумvirата», Красс. До 10 000
римлян было взято в плен, пало более 20 000, в том числе сам Красс.
Военачальник Сурена приказал отрубить у него голову и послал
некого Силлаху отвезти ее царям: армянскому — Артавазду II и
парфскому — Ороду. Цари в это время, празднуя свадьбу парфского
царевича Пакура и сестры Артавазда, находились в армянской сто-
лице, Арташате и присутствовали в театре, где исполнялась трагедия
Еврипида «Вакханки». Силлах взбежал прямо на сцену и передал
кровавый трофей актеру, игравшему роль Агава, по имени Ясон
Тралльский. По ходу пьесы, Агава должна показывать зрителям го-
лову Пенея, растерзанного менадами. Ясон, вместо того, подхватил
голову Красса и бросил ее на подмостки, декламируя подходящие
стихи трагедии: «Мы, по обычаю, приносим из гор домой славную
добычу, рога оленя, только что убитого на охоте!» Присутствующие
были охвачены энтузиазмом: все рукоплескали, приветствуя царя и
поздравляя друг друга с победой над сильным врагом. Рассказ об
этом сохранил нам греческий историк Полиэн (живший при Марке
Аврелии), писатель вообще добросовестный, пользовавшийся хоро-
шими источниками и сообщаящий сведения, которым можно до-
верять».

Печатается по журналу «Армянский Вестник» 1917, № 2.

7. **Путевые заметки** — Публикуется впервые. Рукопись в архиве
II М. Брюсовой.

8. **Ивану Фадеевичу Туманяну** — Это небольшое стихотворение
является надписью на первом томе «Полного собрания сочинения»
В. Брюсова, подаренном автором Ованесу Туманяну. Печатается по
оригиналу, хранившемуся в музее Туманяна.

9. **И. Иоаннисяну** — печатается по «Избранным сочинениям»
В. Брюсова в 2-х томах, т. I, М., 1955, стр. 413.

10. **Моление царя (историческая сцена)** — Впервые напечатано в
журнале «Армянский Вестник», 1916, № 12—13. Печатается по жур-
налу.

И СТАТЬИ

1. Предисловие и вступительный очерк к сборнику «Поэзия Армении» — Печатается по отредактированному В. Брюсовым тексту, подготовленному им для второго издания сборника «Поэзия Армении».

2. Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до Р. Х. по наше время — Печатается по изданию Московского армянского комитета, М., 1918. В своем очерке по истории Армении В. Я. Брюсов останавливается также на развитии армянской культуры и литературы и дает ряд интересных характеристик ее различных периодов. Печатаются отрывки, касающиеся культуры и литературы Армении.

Ниже приводятся примечания В. Брюсова:

1. Мы оставляем в стороне так наз. Ванские надписи, до сих пор еще далеко не расшифрованные и вряд ли дающие образцы языка армянского, хотя бы и на самой ранней стадии его развития.
2. В дальнейшем мы пользуемся, кроме самой «Истории» Хоренского, двумя статьями Е. Dulaurier о народной армянской поэзии (заглавия — в Библиографии).
3. И. А., 131. Перевод этого отрывка (и его литературную обработку поэтом Ов. Иоаннисяном), как и перевод некоторых других древнейших народных песен Армении, — см. в сборнике «Поэзия Армении».
4. И. А., I, 8; II, 50, 65. Переводы этих отрывков см. там же и в статье П. Макинциана, предпосланной «Армянскому сборнику», изд. «Парус» «Поэзия Армении».
5. См., напр., отрывок: «Скоро будет светло...» в сборнике «Поэзия Армении».
6. В начале этой главы мы следуем тем же источникам, как и в главе III, пополняя их свидетельствами отдельных писателей античных и армянских.
7. С Тиридатом ехала огромная свита, везли золотую посуду, и т. п. Кстати сказать, путешествие Тиридата совершалось сухим путем, в чем некоторые историки видят влияние иранизма: религия Зороастра запрещала осквернять святыню воды разными отбросами, что неизбежно при морском пути.
8. Начиная с III в. о Тигранокерте нет достоверных свидетельств. Полагают, что упоминание Себеоса, III, 26, и др. относится не к древней столице Армении, а к другому Тигранокерту — Пайтакаранскому.

9. Этот знаменитый отрывок приводится во многих сочинениях об Армении, между прочим, у Tchobanian, в его французской книжке «L'Arménie etc.».
10. Мы излагаем этот вопрос по Халатьянцу, F. Nève и Н. Адонцу с дополнениями по трудам других историков того времени.
11. Вебер, см. Doiens, 193.
12. Примеры, приведенные далее, взяты, преимущественно, из книги F. Nève.
13. В дальнейшем мы следуем преимущественно книге Тер-Мовсесьяна.
14. Что заключают по свидетельству Фавста. IV, 12, Монсея Хор. III, 27. Свиды (о Санатруке) и др.
15. Монсей Хор., III, 51.
16. Важным доказательством этого положения могло бы послужить существование на армянском языке проповедей Григория Провсвителя, жившего за целое столетие до Месропа F. Nève, p. 251, действительно, делает предположение, что эти проповеди были произнесены по-армянски и транскрибированы греческими буквами. Однако, другие ученые с таким мнением не согласны, считая дошедшие до нас проповеди Григория или переводом или даже произведением позднейшей эпохи (обычный, в древности и в середине века, подлог, имевший целью прикрыть новое произведение авторитетом чтимого имени).
17. Тер-Мовсесьян, стр. 26—27, указывает между прочим на то, как медленно вырабатывался новый армянский литературный язык (ашхарапар), и заключает отсюда, что нельзя допустить, чтобы древнеармянский литературный язык (грапар) был создан усилиями небольшого круга лиц или одного поколения.
18. В изображении религиозной жизни в Армении этой эпохи мы следуем F. Tournèbize, ch. 11. art. X, «Histoire de l'Eglise arménienne de VII à XII siècle» с поправками автора, pp. 388—400.
19. Н. Адонц называет собор 726 г. «поворотным пунктом, повернувшим армянскую церковь к антихалкедонизму». Критику обычных взглядов историков на этот собор и подробное исследование его см. у F. Tournèbize, p. 99, 141 и особенно 388 и сл.
20. В том, что касается истории перевода Библии, мы пользуемся классическим исследованием Тер-Мовсесьянца. В дальнейшем, при изображении Золотого века литературы, также книгами F. Nève, A. Tchobanian, соответствующими главами F. Tournèbize, очерком Н. Адонца и др. См. также наш вступительный очерк к сборнику «Поэзия Армении».

21. F. Nève считает его одним лицом с Давидом Нерчинским, учившимся в Афинах. Н. Адонц различает этих двух лиц, вообще указывая среди армянских философов несколько Давидов: Д. Непобедимого, Д. из Арк, Д. из Багавана, Д. из Нерчина, Д.-кертоха. Выяснение личностей армянских Давидов, говорит Н. Адонц, в их отношении к византийскому Давиду, составляет задачу, подлежащую еще разрешению.
22. «Сборнику притч Вардана», посвящена монография Н. Я. Марра. В неэллинистическом духе исполнен перевод «Церковной истории Евсевия Кесарийского», замечательный, между прочим, тем, что сохранил много мест, утраченных в оригинале.
23. Сочинения Себеоса и Леонтия существуют в русском переводе К. Патканьяна, СПб. 1862. Выше мы неоднократно ссылались на этих историков.
24. Книга Монсея Хоренского была несколько раз издана в русском переводе (первый по времени: архидиакона Иоаннесова). Лучший перевод — Н. Эмина, 2 изд. М. 1893. Традиция приписывает тому же Хоренскому «Армянскую географию» (русский перевод, краткой редакции сочинения, К. Патканьяна «Армянская география VII в.», СПб, 1877), но, она, несомненно, относится к позднему времени и, по мнению Н. Адонца, принадлежит, может быть, писателю Анани, от которого дошли до нас отрывки сочинения по математике.
25. Одним из древнейших церковных писателей признается Езник, автор «Опровержения ересей» (русский перевод у Эзова «Об учении древних магов», СПб. 1858). Далее следует кертох Вртанес и деятели собора 726 г.: Иоанн Одзунский, Григорий еп. Аршарунский, ученые монахи Хосровик, Соломон и др., оставившие ряд догматических сочинений, на которые позднее ссылались как на авторитет. Авторами древнейших гимнов считают Стефана еп. Сюнийского и Иоанна Одзунского.
26. Мы излагаем выводы И. Орбели.
27. Наше личное впечатление от посещения развалин Звартноца зимой 1915—16 г.
28. О Багратидском Ани см. F. Tougnébizé, p. 120—121 и др. Ниже мы говорим об Ани подробнее, в связи с его новым расцветом при Долгоруких, пользуясь трудами И. Орбели, Н. Я. Марра и др.
29. «Дворцовую церковь» в Ани прежде датировали 622 г., Н. Я. Марр, выяснив ошибочность этой датировки, все же относит строение к эпохе, «предшествовавшей во всяком случае X веку».

предположительно к VIII в., т. е. ко времени до возникновения царства. См. Памятники армянского искусства. Ани. Дворцовая церковь. Пгд. 1915,—прекрасный атлас, знакомящий с результатом раскопок.

30. «Элегия на взятие Эдессы». Перевод отрывков—в сборнике «Поэзия Армении».
31. Многочисленные свидетельства такого рода сгруппированы в очерке Saint-Martin; критику их дает F. Tournebise.
32. См. наш вступительный очерк к сборнику «Поэзия Армении». «В более древних песнях,—говорит Н. Эмин,—читателя поражают простота формы, ясность содержания, оригинальность образов».
33. Указание на переводы этих работ см. в Библиографии и выше в подстрочных сносках.
34. То же. История дома Орбельянов, написанная Стефаном Орбельяни, на которую также есть ссылки выше, написана позже (вероятно, в XIII в.), хотя ее изложение и захватывает более ранний период.
35. Русский перевод Н. Эмина, М. 1864.
36. Напр., кн. Гагика Арцруни (920—944 гг.), католикосов Хачика (972—991 гг.) и Анании Мокского (941—965 гг.) и др.
37. Мы следуем в статье F. Nève, p. 256. etc., в которой даны, в переводе, и многочисленные отрывки из сочинений Григория Нарекского. Перевод двух его стихотворений—см. в сборнике «Поэзия Армении».
38. Очерк киликийской литературы составлен нами по И. Орбели, Tournebise, Dulaugier и др., а также на основании непосредственного знакомства с теми произведениями (напр., историей Матвея Эдесского, «Элегией» Нерсеса Благодатного, римфованными хрониками и т. п.), которые даны у Dulaugier в переводе. Некоторые подробности см. в нашем очерке в сборнике «Поэзия Армении», где даны характеристики Нерсеса Ламбронского, Нерсеса Благодатного и др.
39. Нам известно, напр., что Иоанн Ерзынкайский, выдающийся поэт и писатель Севера, приехав в Сис, ко двору Льва III, перевел там основное сочинение Фомы Аквинского «Summa Theologiae». Тому же автору принадлежат два сочинения по астрономии, одно в стихах, другое в прозе.
40. Переводы поэм Нерсеса Благодатного и «Песни о пленении» см. в сборнике «Поэзия Армении».
41. Литературу XIV—XVIII вв. мы характеризуем на основании тех источников, которые указаны в нашей Библиографии при сбор-

нике «Поэзия Армении», и на основании непосредственного знакомства особенно с произведениями поэтическими, в переводах (французских, немецких G. Chalatzianz, английских, итальянских, русских) и в оригинале.

42. Подробные характеристики поэтов и переводы их поэм см. в сборнике «Поэзия Армении». Там же характеристика новоармянской литературы.

43. Характеристика того значения, какое имели колонии в деле армянского Возрождения, см. во вступительной статье при книге А. Tchobanian «Chants populaires Armeniens», P. 1903.

3. О книге Амфитеатрова — «Армения и Рим» — Печатается по журналу «Русская мысль», 1916, № 6.

4. Эмиль Верхари об Армении — Напечатано в армянском журнале «Горц», 1917, № 3, со следующим примечанием редакции: «Эту статью автор написал специально для нашего журнала. Перевод сделан Т. Иоаннисяном». В архиве В. Брюсова, а также переводчика мы не нашли русского оригинала. Печатается армянский текст.

5. Сфинксы и вишаны — Написана специально для армянского журнала «Горц». Перевод напечатан в журнале за 1917 г., № 5—6. По просьбе В. Брюсова перевод сделан с рукописи Т. Иоаннисяном. Русский текст печатается впервые. Оригинал хранится в музее литературы и искусства Армении.

6. Об Ованесе Туманяне — Написана по поводу смерти поэта Туманяна. Печатается по журналу «Красная Нива», 1923, № 14.

И П И С Ь М А

1. Письмо К. Чуковскому от 12 августа 1915 г. Печатается отрывок по книге Корнея Чуковского «Из воспоминаний», М., 1958.

2. Письмо Ф. Сологубу от 10 сентября 1915 г. Печатается с фотоконии, находящейся в музее литературы и искусства Армении.

3. Письмо И. Иоаннисяну от 20 ноября 1916 г. Печатается по рукописи, находящейся в доме-музее И. Иоаннисяна в Эчмиадзине.

4. Письмо И. Иоаннисяну от апреля 1916 г. Впервые полностью опубликовано в газете «Коммунист» (20 мая) 1946. Печатается по газетному тексту.

5. Письмо И. Крачковскому от 29 ноября 1918. Печатается по публикации К. Григоряна «Переписка академика И. Ю. Крачковского с В. Я. Брюсовым в связи с русским переводом поэмы Аветика

Исаакяна «Абул Ала Маари» («Известия» АН СССР, отделение литературы и языка, М., 1958, вып. 6).

6. Письмо Ов. Туманяну от 13 апреля 1916 г. и от 1 февраля 1917 г. Впервые опубликованы в журнале «Октябрь», 1937, № 10. Печатается по журналу.

7. Письмо К. Микаэляну от 15 февраля 1915 г. Печатается с рукописи, находящейся в музее литературы и искусства Армении (фонд К. Микаэляна).

8. Письма Т. Иоаннисяну от 30 декабря 1915, 7 июня 1916, 23 февраля 1917 г. Печатаются с рукописей, находящихся в музее литературы и искусства Армении.

9. Телеграммы Т. Иоаннисяну. Печатаются по оригиналам, находящимся в музее литературы и искусства Армении (фонд Т. Иоаннисяна).

10. В Московский армянский комитет (записка об издании сб. «Айастан»). Печатается по публикации Г. А. Татосяна «Из архива Валерия Брюсова» («Известия» АН АрмССР, 1959, № 5).

Приложение

АРМЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ВАЛЕРИИ БРЮСОВЕ

1. И. Иоаннисян — Приветствие Валерию Брюсову. Армянский текст опубликован в бакинском газете «Арев», 1915, № 5: Стихотворение, посвященное Брюсову, переведено на русский язык Л. Успенским. (См. И. Иоаннисян, Лирика, М., 1963, стр. 184).

2. Ов. Туманян — «По поводу лекции В. Брюсова» и «Слово, обращенное к Брюсову» — Армянский текст опубликован в тифлисской газете «Оризон», 1916, № 11. Печатается по «Избранным произведениям» Ов. Туманяна в 2-х томах, т. I, М., 1960, стр. 264—265.

3. В. Терьян — Валерию Брюсову — Армянский текст впервые опубликован в IV томе собрания сочинения В. Терьяна (1925). Стихотворение переведено на русский язык И. Поступальским и Вс. Рождественским. Печатается перевод Вс. Рождественского. (См. В. Терьян, Стихотворения, М., 1960, стр. 130).

4. А. Исаакян — Валерий Брюсов. Армянский текст опубликован в IV томе собрания сочинений А. Исаакяна, Ереван, 1951, стр. 148.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХИ

К Армении	7
К армянам	9
К Арарату	12
Арарат из Эривани	13
Тигран Великий	15
Победа при Каррах	17
Путевые заметки	19
Ивану Фадеевичу Туманяну	20
И. Иоаннисяну	21
Моление царя (историческая сцена)	22

СТАТЬИ

Предисловие и вступительный очерк к сборнику «Поэзия Армении»	31
Летопись исторических судеб армянского народа (отрывки)	127
О книге Амфитеатрова «Армения и Рим»	156
Эмиль Верхарн об Армении (на арм. яз.)	164
Сфинксы и вишапы	171
Об Ованесе Туманяне	181

ПИСЬМА

К. Чуковскому	187
Ф. Сологубу	188
И. Иоаннисяну	189
И. Иоаннисяну	191
И. Крачковскому	193
Ов. Туманяну	195
Ов. Туманяну	197

Т. Иоаннисяну	199
Т. Иоаннисяну	200
Т. Иоаннисяну	201
Т. Иоаннисяну	204
Т. Иоаннисяну	205
К. Микаэляну	206
В Московский армянский комитет (записка об издании сб. «Айастан»)	207

Приложение

АРМЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ВАЛЕРИИ БРЮСОВЕ

И. Иоаннисян. Приветствие Валерию Брюсову	219
О. Туманян. Слово, обращенное к Брюсову	221
О. Туманян. По поводу лекции Брюсова	222
В. Терьян. Валерию Брюсову	224
А. Исаакян. Памяти Валерия Брюсова	225
Послесловие Г. Н. Овнана	229
Комментарии	238

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ

*Печатается по рекомендации ученого совета
Института литературы им. М. Абагяна
АН Армянской ССР*

Редактор издательства Ж. В. Налчаджян
Худож. оформление А. Гаспаряна
Техн. редактор Л. А. Азизбеян

ВФ 09023. РИСО 884. Изд. № 2379. Заказ 436.

Сдано в набор 6/XI 1963 г. Подписано к печати
17/XII 1963 г. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆.

Печ. л. 15 ¹/₂ + 5 вкл., уч.-изд. л. 10,38. Тираж 1500.
Цена с переплетом 62 коп.

Типография Издательства Академии наук АрмССР,
Ереван, ул. Барекамутян, 24

ИСПРАВЛЕНИЯ К ТЕКСТУ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
17	10 снизу	Пенея	Пенфея
152	1 снизу	из Сасанидского	из Санаинского
162	7 снизу	западноармянский	западноевропейский
220	4 сверху	сылахи	слыхали

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0436520

Abg

747